

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ФАРАОН ХУФУ И ЧАРОДЕИ

СКАЗКИ
ПОВЕСТИ
ПОУЧЕНИЯ

ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1949

Scan: AbsurdMan
DjVu: AlVaKo
18/01/2022

*Составление, предисловие
и примечания*

И. С. Кацнельсона

Перевод с древнеегипетского

И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона

Художник

Ф. Д. Константинов

Предисловие

Зимой 1880—1881 года Владимир Семенович Голенищев, незадолго до этого назначенный хранителем Египетского собрания Эрмитажа, знакомился с заверенными его попечению коллекциями. Обнаруженный им в одном из шкафов папирус сразу привлек внимание молодого ученого.

Где была впервые найдена эта рукопись, когда и каким образом попала она в Эрмитаж, не знал никто. Непознано это и по сей день. Превосходно сохранившийся папирус с уцелевшими началом и концом, что случается далеко не часто, и по письму и по языку весьма напоминал древнейшие папирусы, которые хранились в Берлинском музее. Необычным оказалось и содержание рукописи. «Писец с умелыми пальцами Амено, сын Амено около четырех тысяч лет тому назад переписал поправившуюся ему сказку. Правда, несколько других сказок и даже одна повесть уже стали достоянием науки на протяжении трех предшествующих десятилетий. Но сказка, открытая В. С. Голенищевым, превосходила их древностью: рукопись датировалась примерно 1900 годом до н. э. Вместе с тем она, как писал двадцатипятилетний ученый в своем докладе, прочитанном им вскоре на Всемирном конгрессе ориенталистов, «призвана пролить некоторый свет на происхождение нескольких очень известных арабских и древнегреческих рассказов, с которыми имеет величайшее сходство». «Известные арабские и древнегреческие рассказы» — это не что иное, как приключения Синдбада-морехода из «Тысячи и одной ночи» и «Одиссеи». И если В. С. Голенищев несколько увлекся, говоря о «величайшем сходстве», он был вполне прав, указывая на некоторую несомненную общность сюжета и его разработки. Открытая им рукопись, которую он первый полностью издал и описал, ныне хранится в Государственном Эрмитаже и пользуется мировой известностью под названием сказки о «Потерпевшем кораблекрушение».

После гениального открытия Франсуа Шампольона, нашедшего в 1822 году ключ к чтению древнеегипетских иероглифов, многие ученые вопреки фактам неоднократно утверждали, что у древних египтян не было, да и не могло быть художественной литературы. Эти утверждения подкреплялись глубокомысленными рассуждениями о

«древности, математической правильности языка египтян», об отсутствии у них «сил мифического творчества», ибо они «жили в слишком большом непосредственном напряжении, мешавшем им углубиться в самих себя», и т. д. Даже великий немецкий поэт Гете, как отмечал известный критик В. В. Стасов, при всей его отзывчивости ко всякому проявлению художественного творчества, скептически относился не только к памятникам египетской литературы, но и к древнеегипетскому искусству в целом, считая их не более, как курьезами, бессильными приносить пользу «нравственному и эстетическому образованию человечества». Здесь сказывалось не только недостаточное еще в то время знакомство с великой культурой долины Нила, но и вообще пренебрежение к цивилизации народов Востока, становившихся объектами колониальной эксплуатации. Недооценка древневосточного искусства проявляется и теперь в трудах многих ученых капиталистических стран.

В самом начале пятидесятых годов минувшего века богатая англичанка леди д'Орбиней, путешествуя по Италии, приобрела по случаю древнеегипетский папирус. Этот папирус оказался совсем не похожим на известные доселе папирусы, обычно содержащие религиозно-магические тексты. Темная, побуревшая от времени рукопись сохранилась хорошо. Ее девятнадцать листов были покрыты четкими каллиграфическими знаками беглого письма, которые могла вывести только рука искусного писца.

По пути на родину леди д'Орбиней остановилась в Париже. Хранителем собрания египетских древностей в Лувре был тогда талантливый ученый де Руژه. Ему и показала леди д'Орбиней свою покупку. Де Руژه тотчас занялся дешифровкой текста и в 1852 году опубликовал предварительные результаты своего исследования. Ко всеобщему изумлению, папирус содержал сказку. Ту самую сказку, которая теперь известна под названием «Сказки о двух братьях». В те годы она считалась древнейшим в мире литературным произведением, созданным более трех тысяч лет назад, в третьей четверти XIII века до н. э., то есть на несколько столетий раньше гомеровского эпоса.

Работа де Руژه вызвала настоящую сенсацию и заставила умолять ученых мужей, отрицавших существование художественной литературы у древних египтян.

Вскоре после появления первого полного перевода «Папируса д'Орбиней» (1864) В. В. Стасов счел своим долгом познакомить русского читателя с «Древнейшей новостью мира» — так была озаглавлена его статья и перевод сказки, приложенный к ней, напечатанные в 1868 году в журнале «Вестник Европы».

«Неужели, — спрашивал автор, — существовал такой народ, неужели когда-то жили такие следовавшие один за другим миллионы людей, в которых никогда не говорило поэтическое чувство, которые отроду не находили необходимости выражать посредством слова (а значит, и письма) душевные свои движения, радость и горе, свои порывы, обожания и надежды и которые никогда не возвышали речь свою до степени художественного произведения?» Со свойственным ему темпераментом В. В. Стасов ополчился против тех, кто отрицал возможность существования литературы в Древнем Египте и имел «обычай все пробелы знаний наполнять собственными соображениями, и там, где недостает точных и положительных фактов, ставить на место их — мало того, что предположение того или другого рода,

но еще и философские... доказательства, почему совершился и существовал такой-то и такой-то факт (нам вовсе не известный)».

Время доказало правоту русского критика. После «Сказки о двух братьях» были открыты, изучены и опубликованы десятки других папирусов, сохранивших частично или полностью ценнейшие литературные произведения самых разнообразных жанров: сказки, повести, поучения, гимны, любовную лирику.

Вот почему в своей статье в том же «Вестнике Европы» (1882) об открытии В. С. Голенищевым сказки о «Потерпевшем кораблекрушение» В. В. Стасов имел полное основание заявить: «Египетская литература заняла одно из почтеннейших и важнейших мест в ряду древних восточных литератур».

Неутомимый собиратель и исследователь В. С. Голенищев за свою долгую жизнь — он умер в 1949 году в возрасте девяноста трех лет — открыл и впервые издал многие литературные памятники Древнего Египта. Так, в 1891 году ему посчастливилось приобрести в Среднем Египте папирус, содержащий описание путешествия в Сирию и на остров Кипр Унуамона, посланца верховного жреца храма бога Амона-Ра в Фивах. Он первый описал этот текст и перевел его. Ныне этим всемирно известным уникальным папирусом заужению гордится Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, куда поступило полностью великолепное собрание египетских древностей, составленное В. С. Голенищевым.

До нас дошла лишь незначительная доля произведений некогда богатой и разнообразной литературы Древнего Египта. Они возникли на тысячелетия раньше, чем «Илиада» и «Одиссея» и многие произведения художественного творчества народов Индии и Китая. Почти четыре тысячи лет отделяют нас от того дня, когда была записана сказка о «Потерпевшем кораблекрушение». Другие сказки, например «Фараон Хуфу и чародей», записаны, правда, несколько позже, но они повествуют о событиях времени строительства пирамид и, следовательно, возникли почти за тысячелетие до их записи.

Папирус — материал крайне непрочный, хрупкий. И если теперь, через тысячелетия, до нас все же дошли отдельные папирусы, сохранившиеся в развалинах храмов и домов, в гробницах или просто в песках Верхнего Египта, то этим мы обязаны исключительно сухому климату страны, где дождь выпадает раз в несколько лет. Целые папирусы, как уже упоминалось, большая редкость; обычно находят только обрывки свитков, без начала и без конца, со многими пропусками.

Современные древним египтянам народы стран Ближнего Востока использовали для письма не хрупкий и непрочный папирус, а глиняные таблички — материал, которому не страшны ни время, ни огонь, ни климатические условия. Десятки тысяч вавилонских, ассирийских, хеттских и угаритских глиняных табличек хранятся в различных музеях мира. Однако, кроме эпоса, литературных произведений среди них почти не обнаружено. Случайно ли это? Едва ли. По сравнению с обширными клинописными архивами на глиняных табличках папирусов уцелело ничтожно мало. Вот почему можно полагать, что в долине Нила впервые в истории человечества оформились некоторые основные жанры художественного литературного творчества, в том числе сказка и повесть.

Литература Древнего Египта возникла еще в четвертом тысячелетии до н. э. В эту эпоху формировались также его религия и искусство. Во всяком случае, древнейшие известные нам произведения — «Потерпевший кораблекрушение» и «История Синухета» свидетельствуют о предшествующем длительном периоде развития художественного творчества. Ни уже присуща и сложная композиция, и несколько вычурный литературный язык, и стремление к ритму и аллитерации. Последнее в высокой степени характерно для «Красноречивого крестьянина». Для того чтобы достичь подобной степени совершенства, требовались многие века. Многие потому, что египетскому обществу в целом, принявшему в конце четвертого тысячелетия до н. э. форму рабовладельческой восточной деспотии, а следовательно, и его культуре были присущи медленные темпы развития, обусловленные медлительностью развития производительных сил и связанных с ними производственных отношений.

С древностью египетской литературы связана ее самобытность и своеобразие. Египетская культура, возникшая на крайнем юго-западе древневосточного мира в течение долгих веков развивалась обособленно. Почти все, чего добился народ, населявший долину Нила, он создал самостоятельно. Да и впоследствии, когда фараоны-завоеватели во втором тысячелетии до н. э. вышли на международную арену, и позже, под владычеством персов, греков и римлян, иноземцы больше брали у египтян из накопленного ими тысячелетиями опыта в области науки и искусства, чем египтяне заимствовали у них.

Дошедшие до нас сказки, конечно, несколько отличаются и по содержанию и по языку от своих прообразов, от сказок, которые рассказывались когда-то после трудового дня в вечерний час кругу внимательных слушателей, собравшихся под пальмами. Ведь сказки возникали в народе и были глубоко народны по своему духу и форме. В них выражались чувства, чаяния и стремления труженников и обездоленных, простого народа, мечтавшего о лучшем будущем и ежедневно испытывавшего на себе ложь и несправедливость существовавших порядков.

Однако искусство письма составляло привилегию жрецов и писцов, то есть именно тех, кто кропно был заинтересован в сохранении порядков, обеспечивающих им богатство и легкую жизнь.

Действительно, в Древнем Египте только обеспеченные люди могли обучать своих детей письму из-за его сложности и, если так можно выразиться, громоздкости. Писец должен был запомнить сотни буквенных, слоговых, смысловых и пояснительных знаков. Он должен был прочно закрепить в памяти орфографию каждого слова и усвоить сложные обороты, диктовавшиеся правителями хорошего тона и требовавшим литературного стиля. Разумеется, никаких пособий, грамматических или иных, не имелось, кроме списков отдельных слов и терминов, расположенных в порядке их смыслового значения. Знаки для гласных звуков отсутствовали, знаков прерывания и промежутков между словами не существовало. Окончания залогов, времени и т. д. могли не выписываться. Знания приходилось приобретать только путем длительных упражнений. Это заставляло тратить долгие годы на учение и, следовательно, требовало значительных средств. Но кто, наконец, овладевал искусством письма, тот мог стать важным чиновником. Естественно, что простым земледельцам, составлявшим основную массу населения Египта и жившим впроголодь из-за жестокой

ших поборов, обучиться письму не представлялось никакой возможности.

Существовало три типа письма. Древнейшее из них — иероглифическое, в котором каждый знак тщательно выписывался со всеми деталями. Им пользовались на протяжении всей истории Египта особенно для надписей, которые высекли на каменных стенах, стенах гробниц, храмов и т. д. С распространенным в качестве материала для письма папируса появляется иератика. Это те же иероглифические знаки, принявшие более схематическую курсивную форму. Иератикой пользовались начиная с конца Древнего Царства (3000—2400 гг. до н. э.) до Нового Царства (1580—1071 гг. до н. э.). Примерно с конца VIII века до н. э. ее постепенно вытесняет демотическое письмо, где беглость поведена до того, что несколько знаков сливаются в один. Это придает демотическому письму некоторое отдаленное сходство со стенографией. Демотическое письмо особенно распространялось в ту эпоху, когда Египет находился под властью греков и римлян — то есть с конца IV в. до н. э. по III в. н. э. Поздние литературные тексты, например «Сказания о Сатин-Хемусе» (I в. н. э.), написаны демотикой, чтение которой сопряжено с большими трудностями, ибо требует специальных навыков.

Совершенно ясно поэтому, что люди, монополизировавшие искусство письма — то есть писцы и жрецы, — не могли примириться ни с первоначальной направленностью сказки, ни с той оценкой, которую народ давал окружающей его действительности, тем или иным историческим событиям или лицам. При литературном оформлении она обычно подвергалась соответствующей обработке. Вот почему далеко не всегда легко и просто установить, какие идеи и мысли были запечатлены в сказках тогда, когда их еще передавали из уст в уста. Очень показательны в этом отношении круг сказок, связанных с фараоном IV династии Хуфу (Хеопс греков). Воздвигнутые им и его преемниками ок. 2800 года до н. э. великие пирамиды, конечно, в значительной степени способствовали возникновению легенд и преданий об их строителях. Одну из этих легенд записал Геродот, посетивший Египет в середине V в. до н. э., то есть спустя более двух тысяч лет после описываемых в ней событий. Еще тогда ему рассказывали о бедствиях, в которые Хуфу погрузил всю страну.

Геродот писал: «Царь Хеопс подверг Египет всевозможным бедствиям... Он заставил всех египтян работать на себя. Одних он заставил перетаскивать камни из каменоломни Аравии до самого Нила. Другие должны были тащить эти камни, переправленные через Нил на плотах, до так называемого Ливийского хребта. Так работало непрерывно около ста тысяч человек в течение трех месяцев каждый. Народу пришлось около десяти лет трудиться только над проведением дороги, по которой тащили камни... Постройка же самой пирамиды продолжалась около двадцати лет... Подлость Хеопса доходила до того, что, нуждаясь в деньгах, он поместил свою дочь в публичный дом и принуждал ее зарабатывать ежедневно определенную сумму денег». И далее, говоря о Хуфу и его преемниках, Геродот добавляет: «Насчитывают сто шесть лет, в течение которых египтяне терпели всевозможные беды... Из ненависти к этим царям египтяне неохотно называют их именами».

В записанной Геродотом сказке отчетливо запечатлены воспоминания о жестоком гнете и эксплуатации, которым подвергалась основная масса населения страны, принужденная в той или иной форме

принимать участие в сооружении царских усыпальниц. Быть может, недовольство беспомощным гнетом и привело к смене IV династии. Как протекали эти события — неизвестно. О них можно только догадываться, так как основным источником служат предания, лежащие в основу сказок о фараоне Хуфу и чародеях. Видно, в приходе к власти новой династии, какую-то, быть может даже решающую роль, сыграли жрецы бога солнца Ра. Не исключена возможность, что первый царь новой, V династии Усерхаф сам был верховным жрецом в Гелиополе (древнеегипетский Ои), где находился центр культа бога Ра.

В этих сказках отразились и дальнейшие события — социальные смуты конца Древнего Царства и последовавшего за ним периода распада страны; борьба между старой, номовой (то есть областной) знатью и усилившейся прослойкой средних землевладельцев-рабовладельцев, так называемых «простолюдином» (неджемес), требовавших искусственного орошения высоких полей. Из них комплектовалось основное ядро армии, из них выходили замечательные ремесленники и торговцы.

Чародей из представителей знати первых двух сказок, рассказанных сыновьями Хуфу, противопоставляется чародею-неджемесу третьей сказки. Если в первой из них чародей-неджемес одерживает победу над простолюдином, то в последней сказке чародей-неджемес Джеди значительно превосходит знатных волшебников своими знаниями, могуществом и предвидением будущего. Именно он предвещает Хуфу гибель его династии. Очень типично, что характеристика последнего смягчена. И это вполне понятно. Ни один писец не осмелился бы ни в эпоху Древнего Царства, ни позже, в эпоху Нового Царства, когда был написан этот папирус, наделить законного фараона — «сына Солнца» — отрицательными чертами.

И все же сказки, несмотря на обработку, которой они обычно подвергались при записи, ярко отображают жизнь народа с присущими ей разнообразием, пестротой образов и картин. Один из них, как, например, сказка о двух братьях, при всей ее фантастичности, вполне реалистически рисуют быт крестьянской семьи с ее заботами и патриархальным укладом. Другие — уводят слушателя вместе с корабельщиками и солдатами в далекие моря и чудесные страны. Таковы сказки «Потерпевший кораблекрушение» и «Хитроумный полководец Джуту».

Подобного рода сказки возникают несколько позже, когда египтяне пускаются в плавание по водам Красного моря на юг, в страну Пунт (современное Сомали), за благовониями, слоновой костью, шкурами редких животных, или когда фараоны-завоеватели начинают свои грабительские походы в соседние страны, в частности в Сирию. Действие сказки «Обреченный сын фараона» развивается не только в Египте, но и в Сирии.

Не всегда удается приглушить и сатиру на сильных мира сего. В особенности отчетливо проступает она в переданной Геродотом сказке «Царь Рампсинет и неуловимый вор», где фараон наделен самыми отрицательными чертами, а вор — выходец из народа — изображен героем. Явно, хотя и несколько приглушенно, проступают черты сатиры и в некоторых произведениях поздней эпохи, в частности в сказаниях о Сатни-Хемусе. В первом из них этот царевич, знаток и любитель магических книг, после галактических и вместе с тем кровавых походов с красавицей, в конце концов попадает в смешное положение. В другом — фараона подвергают поштыдной порке, чт

никак не вяжется с его высоким саном. Правда, все эти сказки волшебные. Но у народов древности вообще вся идеология была неотъемлена от религии и веры в чудеса. В последней воплощалась мечта и надежды на счастье и лучшее будущее, стремление к познанию окружающего мира и сил природы.

Но в Египте сохранились не только сказки. Отсюда происходят и древнейшие известные в истории мировой литературы повести. Здесь авторство принадлежит одному человеку или небольшой группе лиц, вносящих последовательно при переписывании текста те или иные изменения или добавления, в особенности стилистические, пока произведение не приобретало более или менее законченную форму. Сюжетная линия обычно оставалась неизменной. В этом отношении особенно характерен рассказ о похождениях Синухета.

Известно около двадцати пяти различных списков этого произведения, относящихся к XIX—X вв. до н. э. Они содержат от нескольких обрывочных строк до почти полного текста. И каждый из них имеет какую-либо особенность в языке или стиле, отличающую его от других. В основе повести, возможно, лежат подлинные события, впоследствии приукрашенные и поэтизированные. Во всяком случае, она во многом напоминает те автобиографии, которые египетские вельможи приказывали высекать на стенах гробниц, чтобы увековечить свои деяния.

К повести «История Синухета» примыкает по характеру и другая повесть — «Злоключения Унуамона», которая сохранилась, к сожалению, только в одном и то не полном экземпляре. Этот рассказ очевидно значительно менее приукрашен, чем предшествующий, хотя, видимо, также подвергся последующей литературной обработке. Добросовестно и просто описывает Унуамон все, что ему довелось пережить и претерпеть. При этом ему нельзя так же, как и Синухету, отказать в яркости и образности некоторых эпитетов, сравнений и метафор, что вообще в высокой степени присуще древнеегипетской литературе. В ней можно найти образы, которые могут поразить и современного читателя, например, сравнение ощущения жгучей жажды со вкусом смерти («История Синухета») или описание достижений корабельщиков («Потерпевший кораблекрушение»). Иногда встречаются и очень меткие выражения — очевидно, пословицы. Особую живость придает повествованию и то, что рассказ ведется от первого лица. Этот прием заимствован, видимо, из уже упоминавшихся выше автобиографических надписей; он был впервые в мировой литературе применен в Египте.

Подобные повести, возникшие в другой социальной среде, существенно отличаются от сказок. Их отличает не только иная направленность и иное содержание, а также форма и стиль. В сказках в общем стиль остается более простым, хотя есть и исключения.

«История Синухета» и «Злоключения Унуамона» могут быть названы историческими повестями. В них достаточно точно и объективно отобразились определенные политические события, например династические распри после смерти Аменхотепа I или ослабление страны при последнем представителе XX династии — Рамсесе XII. Недаром эти литературные памятники наряду с историческими надписями и анналами приписываются для воссоздания прошлого Египта.

Но одновременно с подобными «историческими» повестями существовали сказания, легенды, иногда даже целые циклы их, которые группировались вокруг тех или иных событий или отдельных

исторических личностей. В таких сказаниях и циклах легенд события, отстоявшие друг от друга на целые столетия, сблизжались и становились синхронными, действия одних лиц приписывались другим, жившим многие века спустя. Герои наделялись необыкновенными способностями, истина причудливо переплеталась с вымыслом. В этом отношении очень характерна сказка о «Гиксосском царе Апио и фараоне Секкенра». Оба они вполне реальные лица, жившие, видимо, в конце XVIII в. до н. э. Правильно передана и историческая канва. Действительно, Египет находился под властью гиксосов — племени, вторгнувшегося в долину Нила из Передней Азии на исходе XVIII в. до н. э. Верно и то, что фараон XVII династии Секкенра начал освободительную войну с захватчиками. Он, видимо, пал в одном из сражений. Во всяком случае, его мумия, найденная в тайнике, имеет следы смертельных ранений. Естественно, что подобные события не могли выгладиться из памяти народа. Но все остальное, конечно, вымысел.

К сожалению, конец сказки не сохранился. Будь она более полной, то, возможно, с большим основанием можно было бы сблизить с героическим эпосом, некоторые отличительные черты которого несомненно присущи кругу сказаний о фараоне Петубасте. Этот фараон правил в городах Нижнего Египта — Танисе и Буте — в VII в. до н. э., когда страна, раздробленная на отдельные области, находилась под господством ассирийцев, оставивших местным правителям лишь призрак власти. В сказаниях о нем историческая перспектива полностью искажена. О владычестве ассирийцев не упоминается ни единым словом; они просто названы «знатами» и, очевидно, спутаны с гиксосами. В сказании о борьбе за владения бога Амона Фиванского слышны смутные отзвуки реальных реформ Аменхотепа IV, посягнувшего на собственность храмов. Очевидно, искажен и образ самого Петубаста, который отнюдь не был столь кратким и мудрым, каким он представлен в сказаниях. Насколько мы можем судить, это был деятельный и достаточно воинственный правитель, каких было много в ту эпоху, полную смут, междоусобиц и чужеземных вторжений. Цикл сказаний о фараоне Петубасте оформился много веков спустя после его смерти, когда Египет давно уже потерял свою независимость, и сохранились только смутные воспоминания о далеком и славном прошлом, превратившемся в легенду.

Еще более легендарный сказочный характер присущ сказаниям о сыне Рамсеса II — царевиче Сатин-Хемуасе, который был верховным жрецом бога Птаха в Мемфисе. Если в преданиях о фараоне Петубасте имеется какая-то историческая основа, то в сказках, связанных с именем Сатин-Хемуаса, нет ничего правдоподобного, кроме его имени. На передний план выступает вера в чудеса, магию и волшебство. В этих сказках идеализируется и превозносится сила и могущество Египта в противовес бессилию и слабости иноземных богов, царей, чужаков и воинов. Примером тому может служить соревнование в магии египетского волшебника с эфиопским во втором сказании о Сатин-Хемуасе, оканчивающееся посрамлением последнего. Здесь полностью исчезает историческая основа, но зато совершенствуется литературное мастерство. В сказаниях о Сатин-Хемуасе талантливо сплетено в единое целое несколько самостоятельных сюжетов: поиски магической книги, роман дочери фараона Ахуры, сын Сатин-Хемуаса и т. д. Можно отметить и психологические нарастающие действия в эпизоде, где Сатин-Хемуас уговаривает поправив-

шуются ему красавицу быть более благосклонной к нему, умение заинтересовать читателя занимательностью повествования и искусное включение заимствованного, видимо из греческой мифологии, эпизода о сестрыни в ад. Конечно, может быть, здесь сказалось влияние греческой литературы, но как бы то ни было, с точки зрения композиции, сказание о Сатин-Хемуасе свидетельствует о том, что египетские писцы добились значительных успехов в литературном мастерстве.

Выше уже отмечались некоторые характерные черты, присущие литературному стилю и языку Древнего Египта, в том числе стремление к аллитерации, ритму и созвучию. Египтян увлекала игра слов. Нам сегодня покажутся скучными напыщенные фразы, которыми восхваляются сильные мира сего, в первую очередь фараоны. Нам не могут тронуть вычурные обороты, издуманные метафоры, многочисленные и не всегда ясные сравнения. Но у древних египтян была своя, отличная от нашей эстетика, и наша задача постараться ее понять.

Действительно, современному читателю непонятно, что, например, увлекало обитателей долины Нила и в эпоху Среднего Царства (2100—1750 гг. до н. э.) и столетия позже — в эпоху Нового Царства в сказке о «Красноречивом крестьянине». Сюжет ее предельно прост, а речи героя полны пышными сравнениями и трескучими эпитетами.

Время Среднего Царства уже сами египтяне считали «золотым веком» языка и литературы. В ту пору складываются основные формы художественного творчества, вырабатывается литературный стиль, которому подражали поколения писцов. Литературные произведения этой эпохи служили образцами на протяжении веков.

Называть героя сказки «крестьянином» можно только условно. Теперь это скорее дань традиции. В действительности он промышлял сбором и продажей лекарственных и иных трав, шкурами животных, различными птицами и т. п. Наименование «крестьянин» произошло от слова «сехти», которое обозначает не только земледельца, но и жителя оазиса.

Сюжет сказки весьма несложен. У обитателя одного из прилегающих к долине Нила оазисов приближенный знатного вельможи отобрал двух олов с поклажей. В данных и черствых речах, произнесенных перед этим вельможей, а затем и перед самим фараоном, пострадавший добивается правосудия. Так как речь потерпевшего нравится тем, для кого она предназначалась, то его быют, чтобы вынудить его произнести новые, еще более красноречивые жалобы. В конце концов, ядостью насладившись ими, фараон восстанавливает справедливость. Таким образом, завязка и конец сказки служат только «рамкой», объединяющей в одно целое десять речей крестьянина.

Характерно, что язык «рамки» резко отличается от языка жалоб. Повествовательная часть сказки написана ясно, просто, живо. Она вполне реалистична. Чувствуется, что материал взят автором из близкой ему окружающей действительности. Совсем в ином стиле выдержаны речи крестьянина. Они настолько вычурны, шестисты, перегружены пышными эпитетами и натянутыми метафорами, что некоторые мысли и сопоставления остаются иногда даже непонятными. Правда, отдельные сравнения не лишены образности и выразительности, порою остроумны. Но в целом они достаточно монотонны и уже во всяком случае неподходящи для простого крестьянина. Подобные изыскан-

ные и сложные обороты могли выйти из-под пера, точнее калама, опытного писца, полностью овладевшего «изысканным» стилем и хорошо знакомого с литературными вкусами своего времени.

Здесь естественно возникают вопросы: в какой среде создано это произведение? какова его тенденция?

Как уже отмечалось, стиль сказки указывает, что она могла быть оформлена, если не создана, только в среде высокообразованных писцов, занимавших более или менее крупные посты в государственном аппарате или храмовом управлении. В тесной связи с ее стилистическими особенностями, на что справедливо указывали некоторые ученые-египтологи, находится ее содержание. Она должна была привлечь слушателя или читателя не увлекательностью повествования или глубиной мыслей и полезностью наставлений, а именно красноречием, показать, как можно и должно красиво и изысканно выражаться. Однако речи крестьянина не лишены основной морализирующей тенденции, которая повторяется в каждой жалобе. Она в основном может быть сведена к одному положению: «Правосудие должно быть справедливо и одинаково для всех». В эпоху Среднего Царства эта тема была особенно актуальна. Тогда на основе прогрессирующего имущественного расслоения, растущей частной собственности, распада сельской общины резко обостряются социальные противоречия между знатью, жречеством, высшими чиновниками, в руках которых находились все судебные инстанции, с одной стороны, и основной массой свободного населения, включая средних земледельцев — так называемых «неджесов», ремесленников и торговцев, — с другой. Недаром именно от времени Среднего Царства дошло до нас наибольшее количество различных «поучений», которые по существу представляют собою не что иное, как политические памфлеты, иногда с очень резко выраженной классовой направленностью.

Социальные противоречия эпохи, правда, в несколько приглушенном тоне проступают и в сказке о «Красноречивом крестьянине», где автор указывает на несправедливости и притеснения, чинимые вельможами и их челядью. Может быть, в основе сюжета лежит какой-нибудь случай из судебной практики, известный автору-писцу, который в силу своей классовой принадлежности мог выступить только с морализующими увещаниями. Протест героя выражается в одних речах. По существу он пассивен. В действительности было далеко не так. Как известно из некоторых поучений, уже предки «Красноречивого крестьянина» достаточно активно провозили свое недовольство существующими порядками. В конце концов его потомки взяли за оружие и силой испровергли господствующий строй. Это восстание вошло в историю под названием «переворота 1750 года» и привело к распаду страны на отдельные области — номы.

Вот почему невозможно согласиться с мнением тех, кто видит в сказке о «Красноречивом крестьянине» один только риторические упражнения или, наоборот, рассматривает ее как литературную сатиру на излишества красноречия. Последней догадке противоречит и количество списков — едва ли допустимо, чтобы предназначенная для узкого круга лиц литературная пародия пользовалась такой популярностью, — и то обстоятельство, что эта сказка переписывается вместе с «Историей Синухета» — знаменитым произведением эпохи — на один папирус. Наконец, как ни мало схожи оба эти текста, они имеют некоторые общие стилистические черты. В восхвалении фараона Синухетом уже звучат те риторические цветистые обороты и

метафоры, которые будут гиперболизированы в сказке о «Красочном крестьянине».

Полная острыми социальными конфликтами эпоха Среднего Царства породила чрезвычайно разнообразную и по идейной направленности и по форме литературу, передающую порой очень ярко и образно сомнения, чаяния, надежды и разочарования определенных кругов. К сожалению, эти круги не очень широки: они ограничены привилегированными слоями населения, потому что, как отмечалось выше, только им было доступно искусство письма. О том, как жил народ, к чему он стремился и чего достиг, мы можем только догадываться по пристрастным, односторонним, часто даже ожесточенно злобным высказываниям тех, кто ни за что не хотел расстаться с богатством, властью и почетом.

Но и идеология господствующего класса не была монолитной. Одними, осознавшими, что время их безвозвратно уходит в прошлое, овладевало чувство обреченности, усталости, сомнения в целесообразности всего существующего, другие, яростно используя все средства, пытались сохранить прежние порядки.

Неизвестно, кем был Хати, сын Дуауфа, оставивший поучение своему сыну Пепи, скорее всего одним из тех средних землевладельцев-недзисов, которым в эпоху Среднего Царства старая родовая знать вынуждена была постепенно уступать место под солнцем. Недаром он стремится к тому, чтобы поместить своего сына «среди детей вельмож» в школу писцов и таким образом обеспечить ему место среди тех, кто управлял страной. К науке Хати, как, впрочем, и авторы других школьных поучений, подходит с шипящей утилитарностью. Это только средство вести легкую, обеспеченную жизнь, пользоваться трудом тех, кто обречен на голод, лишения и нужду.

В наставлениях писцам в Среднего и Нового Царства мы находим реалистические картины жизни простого народа: земледельцев, ремесленников, мелких торговцев, рядовых воинов. Видимо, им всем жилось очень несладко, ибо их участь должна была оторвать молодых писцов от земли и побудить их с удвоенным прилежанием обучаться наукам. Едва ли при этом авторы наставлений далеко отклонялись от истины. Из других источников мы знаем, что в условиях восточной рабовладельческой деспотии непосредственные производители — широкие массы свободных трудящихся и рабы — подвергались жесточайшей эксплуатации. Естественно, это вызывало их протест, что в конечном итоге привело к открытому восстанию, о котором уже упоминалось выше.

За много столетий уже чувствовалось приближение грозных событий. Прежде всего оно сказывается в скептицизме и неверии, которые охватывают некоторых представителей знати. Они начинают сомневаться в том, что составляло основу древней религии, — в загробной жизни. Эти идеи выражены в великопесенной «Песне арфиста», в которой наряду с вавилонским эпосом о Гильгамеше впервые в мировой литературе появляется мысль о бренности и бессмысленности всего земного. Все проходит, все подвластно смерти, от которой не спасают ни гробницы, ни пирамиды. Поэтому живи только сегодняшним днем, пользуйся всеми радостями жизни и не думай о том, что неминуемо, — о кончине.

Так веселись же! Пожми землю,
Ты на нее уже не вернешься!

Эта несложная философия очень характерна для представителей обреченного класса, инстинктивно чувствующих неотвратимость своей гибели. По настроению с «Песней арфиста» перекликается и философский диалог «Беседа разочарованного со своей душой». Мирозазрение человека, сомневающегося вообще в целесообразности дальнейшего существования и желающего покончить с собою, еще более мрачно и безысходно. Душа отговаривает его от осуществления подобного намерения, указывая на радости земного бытия. Однако в конце концов она смиряется перед доводами разочарованного и соглашается сопровождать его в загробный мир, если он осуществит свое желание.

Однако далеко не все представители господствующего класса ограничивались только скепсисом и безысходным пессимизмом, соглашавшись даже на самоуничтожение. Подавляющее большинство стоявших у власти отнюдь не собиралось уступить место «новым людям» — средним слоям, и, уж конечно, никто из них не думал о том, чтобы смягчить положение бедняков и рабов, особенно страдавших от существующих порядков.

В конце концов эти противоречия, выразившиеся прежде всего в распаде и разложении сельской общины, а также в стремлении родовой знати вернуть себе былую независимость от центральной власти, привели к смутам и междоусобицам войнам. В последние десятилетия эпохи Среднего Царства, около 1750 года до н. э., народные волнения охватили всю страну. Об этих событиях известно главным образом из двух литературных произведений, возникших в стане тех, кто с нескрываемой злобой относился к взявшимся за оружие народу. Одно из них — «Пророчество Ноферти» (или, как читали прежде, Ноферреху) — сохранил папирус армянского собрания № 1116 В, другое — «Речения Инуосера» (прежнее чтение Инуэра) — Лейденский папирус № 344.

Начало «Пророчества Ноферти» несколько напоминает сказку о фараоне Хуфу и чародеях. Мудрец Ноферти — «превосходный муж, у которого добра больше, чем у ему подобных», призванный, чтобы развлечь скучающего царя, предвещает ему будущее. Он «содрогаясь», описывает грядущее восстание, когда «властелин лишится своего имущества, а посторонние будут удовлетворены, когда «нижнее станет верхним». Еще большей злобой к восставшим проникнуты «Речения Инуосера». По силе неприкрытой, можно даже сказать циничной классовой ненависти к народу, к тем, кто лишил его и его близких власти и богатства, во всей древней литературе с ними могут сравниться лишь «Элегия» греческого поэта VI в. до н. э. Феопида из Мегары.

«Речения Инуосера», сохранившиеся, к сожалению, далеко не полностью — начало и конец утрачены, а в середине имеются многочисленные лакуны, — состоит из семи стихотворных отрывков и нескольких прозаических. В заключительной части предвещается восстановление прежнего порядка и будущего благоденствия Египта. Стихотворения построены по принципу, обычному для египетского стихосложения, — каждый стих начинается одним и тем же вводным словом — рефреном. В первом стихотворении рефреном служит слово «вонитиу», во втором «смотри» и т. д. Следует признать, что внутренняя логика композиции в этом произведении отсутствует. Одни и те же мысли часто повторяются, в их изложении нет последовательности. Обычно настоящее положение вещей противопоставляется

тому, чего следовало ожидать, если бы у власти оставались «доблестные мужи», то есть знатные вельможи. Но «земля перевернулась подобно гончарному кругу», и «благородные — в горе, а простолюдины — в радости». Бедствия, постигшие Египет, конечно, сильно преувеличены озлобленным автором, непримиримым в своей классовой ненависти.

Среди некоторых как западных, так и советских ученых распространено мнение, что «Речения Ипусера» лишены какой бы то ни было реальной исторической основы. Они считают их то произведением несицистической литературы, то диалогом-поучением, то религиозной мистерией. Однако академик В. В. Струве, сравнивая настоящий текст с ритуалами древнеегипетских мистерий, не нашел между ними никакого ни внешнего, ни внутреннего сходства. Еще в 1917 году он пришел к выводу, что «Речения Ипусера» представляют собою политический памфлет, отображающий идеологию угнетенной восставшей знати, и что ближайшие аналогии подобного рода нетрудно отыскать в книгах иудейских «пророков» VIII—VII вв. до н. э., сохранных в Библии. Им же тогда была опровергнута принятая многими европейскими учеными датировка этого памятника, относившими время его возникновения к периоду Древнего Царства. На основании тщательного исторического анализа академик В. В. Струве показал, что «Речения Ипусера» возникли значительно позже — в XVIII в. до н. э. Впоследствии вновь опубликованные документы подтвердили его выводы. И все же Лейденский папирус, наряду с некоторыми поучениями и «Пророчеством Ноферти», остается одним из старейших памятников политической полемической литературы, историческим свидетельством о древнейшем из известных нам восставших угнетенных и обездоленных против своих поработителей.

Сохранились и сатирические произведения. В «Наставлениях писцу» приведен отрывок из «школьной» рукописи, очень образно и с едким юмором рисующий поведение нерадивого писца, предающегося развлечением и пренебрегающего наукой.

Как уже отмечалось, пока неизвестны литературные памятники, которые по древности и разнообразию форм могли бы сравниться с литературными произведениями Древнего Египта. Но древностью обусловлены и многие их особенности. Так, рассказчик не всегда бывает строго последователен. Причины некоторых поступков и действий остаются для нас неизвестны. Но нельзя не отдать должного чувствам, которые воодушевляют героев, или мыслям, которые они высказывают. Эти мысли и чувства понятны и близки нам. Прежде всего это страстная любовь к своему родному краю, к своей стране. Ею диктуются поступки Потерпевшего кораблекрушение, Синухета, Ухуамона. Все они, вынужденные по той или иной причине находиться на чужбине, тоскуют по Египту. И нет для них большего счастья радости, чем возможность возвращения на берега Нила. Недаром Нилу посвящен гимн, полный любви, нежности и благодарности великой реке — кормилице и благодетельнице всего живого. Ведь Египет в поданном смысле слова, по образному выражению Геродота, является «даром Нила». Это прекрасно сознавали и сами египтяне, восклицавшие, обращаясь к Нилу:

Весь Египет — твоя земля!
Ты райешь о бедняках,
Наполняешь зерном закрома
И просторные житницы.

В равной степени характерна и привязанность египтян к семье, к близким. Лучше всего это выражено в словах доброго змея — владельца чудесного острова, на который попадает герой сказки «Потерпевший кораблекрушение»: «Если ты мужествен, овладей собой! Будь смел, и ты обнимешь своих детей, ты поцелуешь свою жену, ты увидишь свой дом, — а что может быть лучше этого?» Сказители воодушевляют идеей справедливости, возмездия за причиненное зло, в особенности если оно причинено с корыстной целью («Правда и Кривда»). Мы найдем в них и осуждение деспотии и эксплуатации человека человеком и прославление верности и преданности («Два брата», «Обреченный сын фараона»).

Но этим далеко не исчерпывается значение древнеегипетских сказок и повестей. Большая часть их — древнейшее свидетельство художественного творчества человека. В древнеегипетской литературе впервые встречаются многие литературные приемы, и притом довольно сложные, которые применяются и поныне во всех литературах мира. Например, «рамка» с самостоятельным сюжетом, которая позволяет объединить в единое целое несколько не связанных между собой отдельных произведений. Эта «рамка» объединяет вместе сказки о фараоне Хуфу и чародеях. В сказке о Сатин-Хемухе мир реальный сливается с миром фантазии. Это сделано чрезвычайно искусно, и читатель почти до самого конца остается в полном неведении, что развивающиеся события происходят во сне, а не наяву.

Наконец, многие сюжеты, разрабатываемые в фольклоре и литературе почти всех народов мира, впервые получили литературное оформление в древнеегипетских сказках. Тому можно привести сотни примеров. Достаточно указать, что сказка «Раносиний и неудовольный вор» имеет параллели в сказках немецких, датских, английских, русских, кипрских, тибетских, индийских, китайских, осетинских, арабских, чешских, бретонских, сирийских и т. д. То же можно сказать о сказке, условно озаглавленной «Правда и Кривда», близкой русской сказке с аналогичным названием. Сказка о «Потерпевшем кораблекрушение» перекликается со «Сказкой о Синбаде-мореходе» из «Тысячи и одной ночи», а басня «Лев и мышь» чрезвычайно близка басне древнегреческого баснописца Эзопа и т. д. Это не означает, что Египет вообще является родиной сказки, но более древних сказок, чем египетские, пока неизвестно.

Достижения цивилизации Древнего Египта изучены всеми человечеством. И ныне, когда Египет сбросил оковы колониального рабства, прекрасные традиции его великой и древней культуры, горячая любовь его народа к своей родине несомненно не только помогут ему отстоять свою независимость от посягательств извне, но и осуществить те мечты, надежды и чаяния, которые воодушевляли далеких предков современных египтян.

Настоящий сборник избранных литературных произведений Древнего Египта — первый опыт их перевода для массового читателя. Это значительно усложнило работу переводчиков. О трудностях, сопряженных с изучением древнеегипетского письма, говорилось выше. Правда, мы располагаем теперь словарями и грамматиками, но само изучение языка древних египтян началось только сто тридцать пять лет тому назад, и значение многих слов еще окончательно не выяснено. Кроме того, неповрежденный папирус представляет

собой большую редкость. От одних дошли только отдельные странички без начала и конца, другие изобилуют пропусками. Если упомянуть о ряде недоразумений, возникающих в связи с ошибками и опечатками, происходящими от небрежности или неграмотности писцов, то получится ясная, но далеко не полная картина тех трудностей, с которыми сталкивается каждый переводчик древнеегипетских текстов.

До сих пор произведение древнеегипетской литературы переводилось преимущественно текстуально. Такого рода переводы представляли интерес главным образом для специалистов. Настоящий сборник ставит перед собой иные задачи. Переводчики стремились познакомить советского читателя с древнейшими памятниками мировой литературы как с художественными произведениями. Старались сохранить максимальную точность перевода, они исходили прежде всего из требований, предъявляемых к художественному переводу вообще. Поэтому данный перевод не является обычным лингвистическим подстрочником, принятым в египтологии. В целях соблюдения художественной целостности недостающие части отдельных произведений были выполнены по восстановлению крупнейших египтологов — Г. Масперо, Ф. Гриффитса, А. Гардинера, В. Шнигелберга, а также Г. Эберса, с некоторыми изменениями как стилистическими, так и смысловыми, которые переводчики сочли необходимым внести.

В отдельных случаях переводчики произвели восполнение текста самостоятельно, исходя из его содержания и дополнительных данных, заимствованных из других источников. Все эти восстановления и дополнения, относящиеся, как правило, к концу или началу некоторых произведений, отделены от сохранившегося текста тремя звездочками.

И. С. Кацнельсон

Потерпевший кораблекрушение

Послал фараон одного из знатных вельмож страны своей в далекое плавание. Но постигла того неудача, и не смог он выполнить повеление фараона. Возвратился он в Египет ни с чем.

С печалью смотрел вельможа на берег: страшил его гнев фараона. И тогда обратился к нему с утешением бывалый дружинник из свиты его.

* * *

И сказал бывалый дружинник:

— Да возрадуется сердце твое, князь мой! Вот достигли мы места, где пребывает двор фараона, взяли колотушку, вбили причальный кол и забросили на берег носовой канат. Все восхваляют и славят бога. Корабельщики обни-

мают друг друга, ибо все возвратились целыми и неприкосновенными и нет убыли среди наших солдат. Благополучно миновали мы пороги Уауата¹, оставили позади остров Сенмут² и, наконец, достигли нашей страны!

Выслушай меня, князь мой! Не праздные слова я скажу тебе.

Омой лицо свое, обволосни водой пальцы свои и будь готов отвечать, когда тебя спросят. Говори с фараоном без страха, отвечай ему не запинаясь. Уста человека спасают его, умелая речь вызывает к нему снисхождение. Впрочем, делай как знаешь, ибо я уже говорил тебе это не раз.

Слушай, я расскажу тебе нечто о несчастье, подобном твоему, но которое приключилось со мной.

Я плыл к рудникам фараона, я спускался к Великому Зеленому морю³ на корабле длиною в сто двадцать локтей⁴ и шириною в сорок. Было на нем сто двадцать корабельщиков из числа наилучших в Египте. Они повидали небо, они повидали землю, и сердца их были отважнее, чем у львов. Они умели предсказывать бури задолго до их начала, они предугадывали грозу задолго до ее приближения.

Но вот, когда мы плыли по Великому Зеленому морю, вдруг разразилась буря. Вихрь налетел и поднял волну высотой до восьми локтей. Мачта обрушилась; сильным ударом сбил ее гребень волны. Корабль затонул, а с ним вместе все, кто на нем находился. Только меня одного вынесли волны Великого Зеленого моря на остров.

Три дня я провел в одиночестве; лишь сердце мое было моим товарищем. В изнеможении я лежал под деревом, стараясь укрыться в его тени. Потом я поднялся и направил стопы свои на поиски пищи. Вскоре нашел я смоквы и виноград, увидел сикоморы со зрелыми и созревающими плодами, огурцы, словно выращенные человеком, и другие превосходнейшие овощи. Еще я увидел множество птиц, а в источниках — всевозможных рыб. Ни в чем не было недостатка на этом острове! Насытился я, а то, что сорвал, но не смог уже съесть, положил обратно на землю. Потом

¹ У а у а т — область Северной Нубии около первого порога Нила.

² Остров Сенмут — современный Биге, находится в районе первого порога, считался пограничным пунктом Египта с Нубией.

³ Великое Зеленое море — Красное море.

⁴ Локоть — мера длины, равная примерно 50 см.

я сделал снаряд для добывания огня, развел костер и принес богам жертву всеожжения.

Но вдруг я услышал гул, подобный раскатам грома. Я подумал, что это Великое Зеленое море снова обрушило свои волны на остров, и в страхе закрыл лицо руками. Деревья вокруг трещали, и земля тряслась подо мной.

Когда же я снова открыл лицо, то увидел, что это был змей длиною в тридцать локтей и с бородой длиною в два локтя. Кольца тела его были покрыты золотом, брови его были из чистого лазурита. Он шел ко мне, и тело его извивалось.

Я простерся перед ним на животе своем, а он отверз уста свои и сказал мне:

— Кто принес тебя сюда? Кто принес тебя сюда, ничтожный? Кто принес тебя? Если ты замедлишь с ответом и не скажешь, кто принес тебя на этот остров, я обращу тебя в пепел, и ты это изведешь, прежде чем превратиться в ничто.

И ответил я:

— Ты говоришь со мной, но темен смысл твоих слов. В страхе я лежу перед тобой и ничего не понимаю.

Тогда взял меня змей в свою пасть и понес к своему жилищу. Там положил он меня на землю так осторожно, что остался я жив и невредим. Снова простерся я перед змеем на животе своем, а он отверз уста свои и сказал:

— Кто принес тебя? Кто принес тебя сюда? Кто принес тебя сюда, ничтожный? Кто принес тебя на этот остров, окруженный водами Великого Зеленого моря?

Я сложил перед ним руки и сказал в ответ на его слова:

— По приказу фараона я плыл к рудникам на корабле длиною в сто двадцать локтей и шириною в сорок. Сто двадцать корабельщиков было на нем из числа наилучших в Египте. Повидали они небо, повидали землю, и сердца их были отважнее, чем у льва. Они умели предсказывать бури задолго до их начала, они предугадывали грозу задолго до ее приближения. Один был сильнее и смелее другого, и не было несведущих среди них. Но когда мы плыли по Великому Зеленому морю вдали от всех берегов, вдруг разразилась буря. Вихрь налетел и поднял волну высотой до восьми локтей. Мачта обрушилась — сбил ее гребень волны. Корабль затонул, а с ним вместе все, кто на нем находился. Один я спасся, и вот я перед тобой. Волны Великого Зеленого моря принесли меня на этот остров.

И тогда сказал змей:

— Не бойся меня, ничтожный, не бойся! Теперь, когда ты со мной, незачем тебе бледнеть от страха. Видно, сам бог пожелал, чтобы ты остался в живых, ибо это он направил тебя к моему острову Духа, на котором такое множество превосходных вещей и нет недостатка ни в чем. Здесь, на этом острове, будешь ты жить месяц за месяцем, пока не завершится четвертый месяц. И тогда придет корабль из страны твоей, и будут на нем корабельщики, которых ты знаешь. Ты вернешься с ними на родину и умрешь в своем городе. И будешь ты счастлив, когда все тяжелое останется позади и ты станешь рассказывать о том, что случилось с тобой.

Слушай, я расскажу тебе нечто о несчастье, которое приключилось на этом острове. Здесь я жил со своими собратьями и детьми, и всего нас было семьдесят пять змеев.

Еще была среди нас одна девочка, дочь простой смертной, но ее я не считаю. И вот однажды упала с неба звезда, и пламя охватило всех. Случилось это, когда меня с ними не было. Они все сгорели, и лишь я один спасся. Но, когда я увидел эту гору мертвых тел, я сам едва не умер от скорби.

Так вот, если ты мужествен, овладей собой! Будь смел, и ты обвинишь своих детей, ты поцелуешь свою жену, ты снова увидишь свой дом, — а что может быть лучше этого? Ты вернешься в свой город и доживешь до конца своих дней среди братьев твоих.

Простершись перед змеем на животе своем, я коснулся челою земли и сказал ему:

— О твоем могуществе я поведаю фараону, о твоем величии я расскажу ему. Я прикажу доставить тебе благовония хекену, нуденесб и хесант¹, ладан и ароматические смолы, которые радуют богов. Я расскажу всем о том, что случилось со мною на этом острове и что я увидел здесь благодаря твоему могуществу. И будут славить тебя в моем городе перед советом вельмож всей страны. Для тебя заколю я быков и принесу тебе жертву всеожождения. В дар тебе принесу я птиц. Я велю послать к тебе корабли, нагруженные всем, что есть наилучшего в Египте, и при-

¹ Хекену, нуденесб, хесант — названия различных ароматических веществ.

несу их тебе в жертву, как богу, благосклонному к людям в этой далекой стране, о которой они не ведают.

И тогда посмеялся змей надо мною, точно слова мои были бессмысленны, и сказал:

— Мирры у тебя немного, и есть у тебя только ладан. Я же — повелитель Пунта, страны благовоний, и вся мирра принадлежит мне. Что же до благовонного хекену, которое ты мне обещаешь, то его на острове больше всего остального. Но не в этом суть, а в том, что, покинув мой остров, ты уже не найдешь его, ибо место это скроется под волнами.

И было все так, как предсказывал змей. К острову прибыл корабль. Я пришел на берег, влез на высокое дерево, увидел людей, которые были на корабле, и узнал их.

Тогда я направился к змею, чтобы рассказать о корабле, но увидел, что он уже все знает.

Сказал мне змей:

— Будь здоров, будь здоров, ничтожный! Ты вернешься домой невредимым, чтоб увидеть своих детей! Прославь меня в своем городе, — вот о чем я тебя прошу.

Тогда я простерся перед ним на животе своем и сложил руки, и он дозволил мне взять благовония хекену, нуденб, хесант, тишепсес, мирру, черную мазь для глаз, хвосты жирафа, столько ароматной смолы и ладана, сколько я хотел, слоновую кость, охотничьих собак, мартышек, бабуинов и множество других превосходнейших вещей. И все это я погрузил на корабль.

Потом я простерся перед змеем на животе своем, чтобы поблагодарить его. И тогда он сказал мне:

— Через два месяца ты достигнешь своей страны, ты обнимешь своих детей, ты вновь обретишь на родине молодость, и, когда придет срок, ты будешь погребен по обычаю.

Затем я спустился на берег, к кораблю, и окликнул людей, которые были на нем. Стоя на берегу, я возблагодарил владыку этого острова, и те, кто был на корабле, сделали то же самое. А потом мы поплыли на север.

Через два месяца, как предсказывал змей, достигли мы места, где пребывал двор фараона. Явился я к фараону и сложил перед ним все дары, привезенные мною с того острова. И поблагодарил меня фараон перед советом вельмож всей страны, наградил меня своими рабами и принял меня в свою свиту.

Вот видишь, сколько я повидал, сколько я перенес, пока не вернулся в свою страну! Слушай меня, я не зря говорю тебе это! Полезно слушать слова других.

Но ответил ему вельможа:

— Не хитри со мною, мой друг. Незачем поить ночью птицу, которую утром зарежут!

Здесь завершается рассказ, как его записал от начала и до конца Амено, сын Амени, писец с умелыми пальцами, да будет он жив, невредим и здоров!

История Синухета

Синухет, князь из знатного рода, судья и правитель подвластных фараону земель в стране бедуинов, вонистину известный фараону и любимый им приближенный из свиты его, рассказывает о себе:

— Я был спутником фараона и следовал всюду за своим господином. Я был слугою его гарема при высокочтимой Нофру, любимой сестре и супруге фараона Сенусерта, чья пирамида в Хнумсуте, благородной дочери фараона Аменхета, чья пирамида в Канофру¹.

В тридцатом году, на седьмой день третьего месяца разлива Нила, божественный лик фараона скрылся за го-

¹ Аменхет I (2000—1980 гг. до н. э.) и Сенусерт I (1980—1934 гг. до н. э.) — фараоны XII династии. Хнумсут и Канофру — места их погребения близ Лишта, южнее Мемфиса на западном берегу Нила.

ризонтом; Схотепибра¹, владыка Верхнего и Нижнего Египта, вознесся на небо и соединился с Солнцем — тело бога вновь слилось с божеством, которое его породило. Двор погрузился в молчание, все сердца охватила скорбь. Большие двойные ворота были закрыты, придворные сидели, склонившись лицом в колени, а народ причитал.

В те дни войско фараона находилось по его приказу в стране Тимхи². Во главе его стоял старший сын фараона, благой бог Сенусерт. Был он послан туда, чтобы сокрушить мощь чужой страны и покарать врагов фараона, укрывшихся среди племен техену³. И вот он уже возвращался, ведя за собою пленников из страны Техену и неисчислимые стада скота.

Тогда семеры, друзья фараона, послали вестников к сыну его, чтобы предупредить о случившемся во дворце. Гонимы застигли его в пути и предстали перед ним, хотя была уже ночь. Наследник фараона не стал медлить ни мгновения: божественный Сокол со своею святой устремился ко дворцу, не оповестив даже войско свое.

Но в ту же ночь прибыли гонимы и к другим сыновьям фараона, находившимся при войске вместе с наследником. К одному из них тайно явился вестник, и я услышал их голоса, потому что стоял поблизости.

Когда же я услышал, о чем они говорят, сжалось сердце мое, опустились руки мои, и дрожь охватила меня с головы до ног. Большими прыжками я удалился от них и спрятался. Я лег между двумя кустами, чтобы те, кто двигался по дороге, прошли мимо и не заметили меня.

Переждав, я направился на юг. Во дворец фараона решил я не возвращаться. Опасался я, что вскоре начнется там междоусобица и я погибну в этой борьбе за трон.

И вот переправился я через воды озера Маати вблизи священных сикомор и достиг острова Снофру⁴. Целый день я прятался на краю возделанного поля, а когда наступил рассвет нового дня, вновь тронулся в путь.

¹ С х о т е п и б р а (Любезный сердцу Ра) — тронное имя Аменхета I.

² Ст р а н а Т и м х и — Ливия.

³ Т е х е н у — родственные египтянам племена.

⁴ По-видимому, речь идет об озере Мариут, которое, так же как и остров Снофру, расположено в северо-восточной части дельты Нила. Священные сикоморы. — Рощи сикомор часто посвящались богине Хатор (богини веселья и любви) и считались местом ее обиталища.

Внезапно встретил я человека. Страх овладел мной, но путник почтительно приветствовал меня, и мы разминулись.

Когда подошла пора вечерней трапезы, достиг я города Гау. Отсюда, в лодке без рулевого весла, переправился я через Нил: западный ветер помог мне. Я обогнул каменистыми с восточной стороны и поднялся выше по течению к Владычице Красной горы¹.

Направил я стопы свои к северу и достиг Стен Князя — сильной крепости, воздвигнутой для того, чтобы сокрушать кочевников пустынь и отражать набеги бедуинов. Опасаясь, как бы дневная стража со стен меня не приметила, я пригнулся и затаился в кустах.

С наступлением ночи я снова двинулся в путь и к рассвету, когда земля озарилась, добрался до Петни. Остановился я на острове Великого Черного озера с горькой водой. Одолела меня жестокая жажда. Гортань моя пересохла, горло мое забило пылью, и тогда сказал я себе: «Это вкус смерти!»

Но вскоре услышал я рев стад и увидел кочевников-бедуинов. Сердце мое ободрилось, и силы вернулись ко мне. Шейх² бедуинов, побывавший в Египте, узнал меня. Он дал мне воды, а затем приказал вскипятить для меня молока. Вместе с ним предстал я перед людьми его племени, и они обошлись со мною радушно.

Из одной страны шел я в другую страну. Покинул я Библ и вернулся в Кедем³. Здесь, на востоке, прожил я год и еще полгода.

Но однажды призвал меня к себе Ненши, сын Аму, правитель Верхнего Ретену⁴, и сказал мне:

— У меня тебе будет лучше, ибо здесь ты услышишь египетскую речь.

Так сказал он потому, что знал о моих достоинствах и наслышан был о моей мудрости. Египтяне, которые находились при нем, за меня поручились.

¹ Владычица Красной горы — современный Гель Ахмар, горы севернее Каира.

² Шейх — старейшина у арабских племен.

³ Библ — древний финикийский город на Сирийском побережье. Кедем (буквально «восток») — очевидно, область пустынь восточнее Дамаска.

⁴ Ретену — область, охватывавшая предположительно часть Сирии и север Палестины.

И еще спросил он:

— Почему пришел ты в эту страну? Что тебя заставило? Не случилось ли чего-нибудь при дворе фараона?

Отвечал я ему:

— Владыка Верхнего и Нижнего Египта Аменемхет покинул землю и скрылся за горизонтом. Никто не знает, что теперь будет.

И еще сказал я, решив утаить половину правды:

— Эту весть передали мне, когда возвращался я из похода против страны Техену. Разум мой помутился, сердце мое вырвалось из груди и повлекло меня по дорогам пустыни, хотя никто меня не оскорблял, никто не плевал мне в лицо, никто меня не обвинял, и глашатай, разыскивающий преступников, не выкрикивал мое имя. Я и сам не знаю, что привело меня в эту страну! Видно, так уж было угодно богам...

Тут спросил он меня:

— Что же будет с этой землею без прекрасного божества, перед которым все страны дрожали, как перед богиней войны Сохмет в годину черного моря?

И сказал я ему в ответ:

— Конечно, сын фараона вступил во дворец. По праву завладел он наследством отца своего, ибо нет божества ему равного и нет никого, кто бы мог его в чем-либо превзойти. Мудрость ему подвластна, замыслы его совершенны, приказы его превосходны. Все повинуются каждому слову его. Это он покорял чужеземные страны, когда отец его не выходил из дворца своего. Он лишь являлся к нему и говорил, что повеленья его исполнены. Воистину доблестен фараон и могуча десница его! Никто не сравнится с ним, когда он обрушивается на варваров или устремляется в битву. Он сгибает руками рог. Руки врагов его ослабевают, и не могут они сплотить ряды свои. Зоркий, он поражает врагов своих прямо в темя. Никто не в силах устоять перед ним! Быстроногий, он истребляет бегущих. Нет спасения тем, кто показывает ему спину! Отважный, без страха встречает он нападение, не отступает и сам бросается на врага. И сколько бы ни было врагов, сердце его не дрогнет: оно недоступно страху. Не страшится он орд, идущих с востока. С радостью нападает он на варваров. Он хватает свой щит и повергает врагов на землю. А когда убивает он, ему не приходится повторять удара. Никто не может натянуть его лук, и стрелы его не избежать никому. Вар-

вары бегут от него, как от гнева самой Великой богини войны. Сражается он без усталы и, пока не покончит со всеми, не щадит никого.

И в то же время он милосерден, полон сладостной кротости и ласкою покоряет сердца. Его город любит своего господина сильнее, чем себя самого, ликует при виде его больше, чем при виде своих богов. Теперь, когда сделался он фараоном, мужчины и женщины приходят толпами и приветствуют его. Он покорил их еще тогда, когда находился во чреве матери. Со дня рождения ему суждено было повелевать. Собою он неизмеримо умножил число тех, кто родился в одно время с ним. Он единственный, посланный нам богами. Ликует земля, господином которой он стал. Это он раздвинул ее рубежи! Страны юга покорятся ему, а о северных странах он и не помышляет, ибо он рожден для того, чтобы разбить бедунов и сокрушить азнатов, кочевников пустынь. Отправь к нему гонцов, чтобы знал он ния твоё. И никогда не изрекай хулы против его величества. Ибо он не обойдет своей милостью даже чужую страну, если она ему преданна.

И тогда сказал мне Ненши, сын Аму:

— Воистину счастлив Египет, потому что он знает, как могуч Сенусерт. Но раз уж ты здесь, оставайся со мной, и я сделаю так, чтобы было тебе хорошо.

И вправду, поставил меня Ненши, сын Аму, выше детей своих и женил меня на своей старшей дочери. Повелел он мне выбрать надел из наилучших в стране своей на границе с другой страной. Прекрасна была эта область, и называлась она Иаа. Росли здесь смоквы и виноград, вина здесь было больше воды, масло и мед имелись в изобилии, и всевозможные плоды вызревали в садах. На полях произрастал здесь ячмень и пшеница, а стада мои были разнообразны и неисчислимы.

Великими милостями осыпал меня Ненши, сын Аму, из любви ко мне. Сделал он меня вождем племени, одним из избранных страны своей. Положил он мне ежедневную долю вина и других напитков, и каждый день посылал он мне долю пищи: мяса вареного и птицы жареной, не считая мелкой дичи пустыни. Эту дичь для меня ловили всегда и клали передо мной, сверх того, что приносили мне мои охотничьи собаки. Также выпекали для меня всевозможные хлебы, и все кушанья для меня готовили только на масле и молоке.

Так прожил я в стране Иза немало лет. Выросли дети мои, окрепли, и каждый из них стал вождем племени. Гонцы, куда бы ни направлялись они, на север или на юг, ко двору фараона, всегда останавливались у меня: всем путникам я давал приют. Я поил водой жаждущего, я выводил на дорогу заблудившегося, я помогал ограбленному.

По приказу правителя Ретену я командовал его войском, и когда кочевники пустынь осмеливались теснить подвластных ему вождей, я помогал вождям советом и направлял их в бой. Против какого бы племени я ни сражался, я всегда побеждал. Я оттеснял их с пастбищ и от колодезей, я отнимал у них пищу, угонял их скот и захватывал пленников. Тонким расчетом, стремительными походами, десницей моей и луком моим истреблял я вражеских воинов. Всем сердцем благоволил ко мне правитель страны Ретену. Полюбил он меня, когда уверился в моей доблести, и поставил меня даже выше своих детей, когда убедился в силе рук моих.

Но однажды явился ко мне сильнейший из воинов страны Ретену. Он пришел в мой шатер и вызвал меня на бой. Это был храбрый боец, и не было ему равных: победил он всех в стране своей. Он сказал, что будет сражаться со мной один на один. Задумал он ограбить меня, замыслил он угнать все мои стада по наущению племени своего.

Узнал об этом правитель страны Ретену и спросил меня, что нужно тому человеку. И ответил я:

— Я его не знаю. Воистину я с ним незнаком! Никогда я не проникал в его лагерь, никогда не распахивал его ворота, никогда не взламывал его ограду. Он просто завидует мне, ибо видит, что твои повеления исполняю я. И на самом деле, я ведь словно бык из рассеянного стада, очутившийся вдруг в чужом стаде. Нападает на него длинно-рогий бык, устремляется на чужака. Разве станет кто-нибудь любить простолыднина, сделавшегося вождем? Разве станет жить уроженец Дельты¹ вместе с варварами? Разве может папирус расти на скале? Но если вожак стада рвется в бой, должен ли могучий бык показывать ему спину из боязни, что тот его победит? Если сердце его склонно к борьбе, пусть выскажет желание свое. Кто знает, что его ждет? Только богам открыты предначертанья судьбы.

¹ Дельта — дельта Нила.

Ночью натянул я лук свой и приготовил стрелы. Испытал я, легко ли выходит из ножен меч, и проверил свое оружие.

Земля едва озярилась, а люди Ретену уже прибыли. Тот воин собрал все свои племена, он привел с собой половину страны и думал только о поединке.

И вот он двинулся на меня. Я стоял перед ним и ждал.

Все сердца трепетали за меня. Женщины и даже мужчины громко стонали. С болью в сердце говорили они:

— Кто же может сражаться с таким силачом!

Поднял воин Ретену свой щит, взмахнул боевым топором, метнул в меня дротики, один за другим. Но я увернулся от его ударов, и все стрелы его до последней тоже пролетели мимо меня. Тогда мы пошли друг другу навстречу. Устремился он на меня, но тут поднял я лук, и стрела моя вонзилась ему прямо в горло. Вскрикнул он и повалился носом в песок. Его собственным боевым топором я добил его, наступил ему на спину и прокричал свой победный клич.

Радостным воем приветствовали меня азиаты. Только рабы из племени воина Ретену оплакивали его.

Вознес я хвалу Монту, богу войны, и правитель Ненши, сын Аму, заключил меня в объятия свои.

Потом забрал я добро побежденного и захватил его скот. Я сделал с ним то, что хотел он сделать со мною. Опустошил я становище его и унес все, что было в его шатре. Так возвысился я: увеличилось богатство мой и умножился скот мой. Совершилось это по воле бога! Прогневал я его, и заставил он меня блуждать на далекой чужбине. Но теперь смилостивился он надо мной. Ликует сердце мое!

Когда-то бежал беглец
Из страны своей,
А теперь возвещают о нем
При дворе.
Когда-то вливался бедняк,
Умирая от голода,
А теперь оделяет он хлебом
Всех соседей.
Когда-то нищий, нагой
Пожниул землю свою,
А теперь облачен я в одежды
Из тончайшего полотна.

Когда-то носил я посланья,
Ибо гоним не имел,
А теперь у меня рабов
Великое множество.
Прекрасен мой дом, обширны владенья мои!
Вспоминают имя мое
При дворе фараона.

Кто бы ни был ты, бог, предназначавший бегство мое,
смилуйся надо мной и дозвожь мне вернуться на родину!
Дай мне вновь узреть те места, где пребывает сердце мое!
Сделай так, чтобы тело мое погребли в той земле, на кото-
рой я был рожден! Что может быть выше этого и желанней?
Помоги же мне!

То, что случилось, победа моя, — счастливый знак.
Оказал мне бог милость. Да будет он милосерден и дальше
и да сделает так, чтобы кончилось все хорошо для того,
кто был им унижен. Пусть проникнет жалость в сердце
бога, который изгнал меня и привудил жить на чужбине.
Неужели он не смирится сейчас надо мной? Пусть услы-
шит он мольбу изгнанника, взывающего издалека. Да про-
тянет он руку тому, кто был им повергнут в прах, и да
возвратит он его в страну, из которой изгнал его.

О владыка Египта, будь благосклонен ко мне! Дай мне
снова жить милостями твоими! Дозвожь мне приветствовать
супругу твою, владычицу Земли, во дворце твоём, дозвожь
мне служить ее детям!

О, если бы тело мое омолодилось! Старость настигла
меня, и слабость вошла в мои члены: отяжелели, померкли
мои глаза, ослабели руки мои, ноги больше не служат мне,
сердце мое утомилось. Близок час моей смерти, и скоро
уже понесут меня в город вечности, в город могил. Но
прежде хотел бы я послужить еще Владычице всего сущего,
хотел бы слышать я, что приятно детям ее, и совершить
их волю. Да повелевает она мною вечно, и в этой жизни
и в той!

И вот дошли слова мои до его величества Владыки
Верхнего и Нижнего Египта, доложили обо мне фараону
Хепер-ка-Ра, чей голос правдив¹. И тогда его величество,

¹ Х е п е р - к а - Р а — тронное имя Сенусерта I. «Чей голос правдив», то есть «искренен и угоден богам», — пышная похвала, означающая, что боги внимают голосу этого человека. Эта традиционная формула обычно относится к умершим.

дабы обрадовать сердце слуги своего, отправил ко мне послов с царскими дарами, словно к правителю какой-нибудь чужеземной страны. И дети фараона из дворца его прислали мне свое повеление.

КОПИЯ ПОВЕЛЕНИЯ, ДОСТАВЛЕННОГО
СЛУГЕ ФАРАОНА О ЕГО ВОЗВРАЩЕНИИ
В ЕГИПЕТ

«Гор¹, живой рожденьями, обе богини-покровительницы², Владыка Верхнего и Нижнего Египта, живой рожденьями Хепер-ка-Ра, сын бога Солнца Ра, Сенусерт, да живет он вечно!

Повеление фараона свитскому Синухету.

Доставлено тебе повеление это, дабы уведомить о нижеследующем.

Обошел ты дальние земли, прошел от Кедема до Ретену, и сердце твое заставляло тебя бежать из одной чужеземной страны в другую. Но что совершил ты, чтобы страшиться кары? Не злословил ты, и нечего тебе бояться речей своих. Не хулил ты совет знатных, и нечего тебе опасаться слов своих. Страх овладел твоим сердцем, но не было злого умысла против тебя в сердце моем. Повелительница твоя, небо твое, и ныне живет и здравствует во дворце. Голова ее увенчана знаками царского достоинства, и дети ее при дворе. Осыплют они тебя подарками драгоценными, и будешь ты жить их дарами.

Возвращайся в Египет! Там увидишь ты снова двор, при котором вырос, поцелуешь ты землю у Больших ворот дворца и присоедилишься к семерам, друзьям фараона. Ведь сейчас ты уже начинаешь стареть, теряешь мужскую силу, и должен ты думать о дне погребения и о последнем пути к вечному блаженству.

Здесь уготована тебе ночь с маслами благовонными, здесь ждут тебя погребальные пелены, сотканые руками

¹ Гор — в древнеегипетской мифологии солнечный бог, изображавшийся в виде крылатого солнечного диска или в виде сокола.

² Богини-покровительницы — Нехбет, покровительница Верхнего Египта, изображавшаяся в виде коршуна, и Уаджит, покровительница Нижнего Египта, почитавшаяся в образе кобры.

богини Тант¹. Здесь проводит тебя похоронное шествие в день последнего соединения с землей. Изготовят тебе саркофаг из золота, а изголовье его — из чистого лазурита. Свод небесный² раскинется над тобой, когда положат тебя в саркофаг и быки повлекут тебя. Музыканты пойдут впереди тебя и перед входом в гробницу твою исполнят священный танец Муу³. Огласит для тебя список жертвоприношений. Заколют для тебя жертвы у погребальной стелы твоей. Поставят гробницу твою среди пирамид детей фараона, и колонны ее водвигнут из белого камня. Не умрешь ты в чужой стране, не завернут тебя в баранью шкуру и не заруют как варвара за простой оградой. Довольно тебе топтать землю чужую! Подумай о погребении тела своего и возвращайся!»

Я стоял среди людей племени моего, когда повеление это достигло меня. Прочли мне его, и упал я на землю, простерся в прахе на животе своем и посыпал голову пылью.

Ликуя, ходил я по лагерю своему и говорил:

— Можно ли оказать большую милость слуге, которого сердце увлекло в страны варваров? Поистине безгранично милосердие фараона! Он спасает меня от гибели, ибо Ка⁴ его разрешило мне окончить жизнь при дворе.

копия сообщения о том,
что повеление фараона получено

«Синухет говорит:

Мир тебе, прекрасное божество, владыка обеих земель, любимый Ра, богом Солнца, покровительствуемый Монтом, богом Фив!

¹ Тант — в древнеегипетской мифологии богиня ткачества. Она считалась также покровительницей облачения умерших.

² Свод небесный — балдахин над погребальными саними, на которых перевозились саркофаги, или внутренняя крышка саркофага с изображением богини Нут, символизирующей небо.

³ Танец Муу — ритуальная погребальная пляска.

⁴ Ка — по верованиям древних египтян, незримый двойник, рождающийся вместе с человеком и охраняющий его после смерти в загробном мире. В данном случае — изысканно почтительное обращение к фараону.

Превосходно, что ныне твое Ка осведомлено о бегстве слуги твоего, совершенном им по неведению. Да ниспосылют жизнь и силу дыханию ноздрей твоих Амон, владыка «Престола обеих земель»¹, Собека², Ра, Хатор, Атум и его Эннеада³, Сопед, Нофербау, Семсеру, Гор Востока⁴, царский урей богини Уто⁵, венчающий твою голову, сонм богов, владычествующих над водами, Мин-Гор, владыка пустынь и чужеземных стран, Урерт, владычица Пунта, Нут, богиня небес, Горуэр-Ра и все боги Египта и морских островов! Да осыплют они тебя дарами своими! Да пошлют они тебе жизнь бесконечную, без предела, вечную, без границ! И да распространится страх перед именем твоим по горам и долинам! Все, что есть под солнцем, покорно тебе.

Вот молюба слуги к повелителю своему, избавившему его от гибели на чужбине:

О владыка познания! Знаешь ты подданных твоих, слышишь ты из дворца своего даже то, что боятся сказать твой слуга. Трудно, тяжело мне говорить об этом!

Но великий бог, подобие Ра, делает мудрым даже простолудина, своими руками зарабатывающего свой хлеб. Жизнь слуги твоего в руках твоих. Твое величество, Гор покоряющий! Здесь, на чужбине, повинуюсь я повелениям твоим, ибо простерта десница твоя над всеми странами.

Дабы увериться в этом, пусть прикажет его величество допустить к себе Меки, правителя Кедема, Хентиаушу, правителя Хенткеша, Менусу, правителя земли Фенех⁶.

¹ А м о н — бог Фив, затем под именем Амон-Ра, когда культ его слился с культом солнечного бога Ра, почитался в Египте как царь богов. «Престол обеих земель» — главный храм Амона в Фивах; современное название — Карнакский храм.

² С о б е к — бог водной стихии; посвященное ему священное животное — крокодил.

³ А т у м — божество заходящего солнца, которому были посвящены лев и ямса. Э н н е а д а — девятка богов города Гелнополя: Ра-Атум, породивший бога воздуха Шу и его жену Тефнут, от которых произошел бог земли Геб и богиня неба Нут, и дети последних: Осирис и Исиды, Сет и Нефтида.

⁴ С о п е д — бог восточной части дельты Нила. Н о ф е р б а у, Семсеру и Гор Востока — его воплощения.

⁵ Царский урей богини Уто. — Уто, богиня-покровительница города Буто, почиталась в образе змеи; ее золотое изображение, называвшееся «урей», фараоны носили на голове, оно должно было отращать от фараона врагов.

⁶ Синухет, очевидно, перечисляет сирийских правителей соседних с его владениями земель, готовых отдаться под покровительство фараона.

Это вожди с доброй славой; выросли они в любви к тебе, и даже их страны, не говоря уже о Ретену, преданы тебе, как собаки.

Что же до бегства слуги твоего, то не было оно предумышленным: не таил я в сердце такого желания и не скрывал я мысли такой. Я и сам не знаю, что заставило меня покинуть землю свою. А потом показалось мне, что все это — сон: я почувствовал себя словно житель Дельты, очутившийся вдруг в Элефантине¹, или человек из страны болот, оказавшийся вдруг в песках Нубии.

Не страх гнал меня: ведь никто меня не преследовал, никто меня не оскорблял, никто меня не обвинял, и глашатай, разыскивающий преступников, не выкрикивал имя мое. Но почему-то затрепетало мое тело и ноги сами понесли меня: сердце вело меня, бог, предопределивший бегство мое, увлекал меня на дорогу.

Но и в далеких землях не возгордился я и не поднял голову, ибо тот, кто знает страну свою, страшится силы твоей. Бог Солнца Ра сделал так, что страх перед тобой царит над землею Египта и над всеми чужеземными странами. И где бы я ни был, при твоём дворе или в этой чужой земле, один ты повелеваешь мною, Солнце восходит по желанию твоему; вода речная — пьют ее, когда ты захочешь; ветер небес — вдыхают его, когда ты дозволишь.

Слуга твой передаст другому свою должность правителя, которую исполнял он в этой земле. И да будет все по воле твоей, ибо ты даруешь нам воздух, которым мы дышим. Да будет с тобою любовь Ра, Гора и Хатор! Да сохранят они дыхание ноздрей твоих, ибо угодно Монту, владыке Фив, чтобы жил ты вечно!»

После прихода ко мне, ничтожному слуге, гонцов фараона дозволили мне провести еще день в стране Иаа, дабы я мог передать своим детям мое достояние. И тогда поставил я во главе племени своего старшего сына; перешло к нему мое племя и все мое добро: все рабы, весь скот, все припасы и все плодовые деревья.

Затем отправился я на юг. Я достиг укрепления «Пути Горы» и здесь остановился. Начальник отряда, который

¹ Э л е ф а н т и н а — древнеегипетский Иеб, остров на Ниле на границе с Нубией.

стоял там во главе пограничной стражи, послал вестника ко двору фараона, чтобы сообщить обо мне.

И вот повелел его величество, дабы надежный управитель царских земледельцев отправился мне навстречу. Следом за ним прибыли груженные суда с подарками фараона для азиатов, которые пришли вместе со мной, чтобы пропроводить меня до «Путей Гóра». Каждого из них я назвал по имени перед посланцем фараона.

А потом слуги принялись за свои дела: подняли парус, и мы отплыли. Всю дорогу для меня варили, мешали и процеживали пиво. И так плыли мы, пока не достигли города Итгу¹.

На другое утро, едва озарилась земля, за мной пришли и позвали меня во дворец. Десять человек шло впереди меня и десять человек следовало за мной.

Между сфинксами у входа я склонился и коснулся челом земли. Дети фараона встретили меня у ворот приветствиями. Семеры, друзья фараона, проводили меня в колонный зал и указали дорогу в покои повелителя.

Я вошел и увидел его величество на троне в золотой нише. Простерся я перед ним на животе своем, услышал я, как божество обратилось ко мне с ласковыми словами приветия, — и потерял сознание. Словно сумерки окружили меня! Душа моя отлетела, тело мое ослабло, сердце мое вырвалось из груди, и я уже не отличал жизнь от смерти.

Тогда приказал его величество одному из семеров:

— Подними его! Пусть говорит со мной!

А затем сказал он мне:

— Ну вот и вернулся ты! Ты бежал из Египта и долго блуждал по чужеземным странам. А теперь настигла тебя старость и дряхлость одолела тебя. Вовремя вспомнил ты о своем погребении, — немалое это дело! Теперь не похоронят тебя варвары. Не поступай же во вред себе: отвечай, когда тебя спрашивают, говори, когда называют имя твое!

Но страшился я кары и ответил, как отвечает испуганный человек:

— Что говорит мой повелитель? О, если бы я мог ответить! Но я не могу. Не по своей воле я бежал: десница

¹ И т г у — по-видимому, древнее написание Иттауи, резиденции первых фараонов XII династии, современный Лихт, находящийся к югу от Мемфиса.

бога гнала меня. И сейчас еще сердце в груди моей сжимает страх, подобный тому, что был причиной моего злосчастного бегства. Вот я перед тобой, и жизнь моя принадлежит тебе. Да сбудется все, что прикажет твое величество по желанию своему!

Тогда приказал фараон привести к нему детей его. И сказал его величество своей царственной супруге:

— Смотри, вот Синухет! Он вернулся, похожий на азната, словно он и был азнатом.

Громко вскрикнула супруга фараона, и дети фараона подхватили ее крик. И сказали они его величеству:

— Не он это, повелитель, воистину не он, господин наш!

Но промолвил тогда повелитель:

— Нет, воистину это он.

И вот принесли они ожерелья, трещотки и сistrы и протянули их фараону¹. И возгласили они:

Простерты руки твои к Прекрасной²,
О царь долговечный!
Да коснутся они украшений
Владычицы Неба.
Да пошлет она, Золотая,
Жизнь водам твоим,
Да сольешься ты водами
С Владычицей Звезд.
Корона Египта Верхнего
Плывет на север,
Корона Египта Нижнего
Поднимается к югу,
Соединяются обе короны
По воле твоей,
Венчает божественный урей
Чело твоё.
Защити же слуг твоих верных
От зла и напастей!
Да будет к тебе благосклонен
Ра, владыка обеих земель!
Слава тебе и жене твоей,
Владычице всего сущего!

¹ Ожерелья (из ракушек, звучащих при встряхивании), трещотки, сistrы — музыкальные инструменты, атрибуты богини Хатор. По преданию, богиня позволяет коснуться их только избранным; и в данном случае дочери фараона, выступая перед ним с заранее подготовленной гнилом-мольбой, протаскивают ему атрибуты богини, воспроизводя этот священный обряд.

² Здесь и далее приводятся различные эпитеты богини Хатор.

Отложи свой разящий лук
И стрелы свои,
Дай дыхание тем,
Кто задыхается.
Пожалуй нам дар прекрасный,
Синузета, сына Мехит¹,
В Египте рожденного варвара,
Правителя бедунинов.
Покинул он землю свою,
Устрашившись тебя,
Но перед ликом твоим
Все забывают страх,
Никто не ведаёт ужаса,
Если увидит тебя.

И сказал тогда фараон:

— Пусть он не страшится и не опасается! Он будет семером среди других знатных страны моей, он останется при дворе. Отведите его в покои для избранных, в покои Восхваления, и укажите ему место его.

И вот вышел я из покоев фараона. Дети фараона подали мне руки, и мы направились к Большим воротам дворца.

Поселили меня в доме сына фараона, полном прекрасных вещей. Были там прохладные покои с изображениями всех богов на стенах. Хранились там драгоценности из сокровищницы фараона. В каждой комнате были одеяния из тончайшего полотна, благовонная мирра и ароматические масла фараона и любимых его придворных. Множество слуг жило там, и каждый был занят своим делом.

Здесь сделано было все, чтобы сбросил я тяжесть лет: остригли меня и причесали, паразитов с тела моего изгнали назад в пески, а варварские одежды вернули кочевникам пустыни. Облаченный в лучшие льняные ткани, умащенный лучшим благовонным маслом, отдыхал я на ложе, оставив пустыни тем, кто живет среди них, а деревянное масло тем, кто им умащается.

Затем предоставили мне отдельный дом с садом, принадлежавший прежде семеру. Множество рабочих перестраивало его; все деревья в саду они посадили вновь.

Приносили мне еду из дворца трижды и четырежды

¹ М е х и т — в древнеегипетской мифологии львиноголовая богиня города Тиса в Среднем Египте; в данном случае, возможно, имя матери Синузета. Древние египтяне часто вели свою родословную по материнской линии, так как пережитки матриархата были тогда еще очень значительны.

в день сверх того, что давали мне дети фараона беспрестанно.

И построили мне гробницу из камня среди других гробниц. Начальник каменотесов разметил землю и воздвиг гробницу. Начальник художников расписал ее изнутри. Начальник скульпторов высек в ней изображения. Начальник служителей некрополя позаботился о ней: приготовили мне все, что нужно для погребения. Назначили мне заупокойных жрецов. Отвели мне погребальный надел при гробнице с полями перед ней: так делают лишь для первых семеров, друзей фараона. Покрыли мою погребальную статую позлотой, а передник ее изготовили из светлого золота. Сделали так по велению его величества. Ни один простой человек не удостоивался еще подобной милости!

И так жил я, пользуясь благосклонностью фараона, до самого дня моей смерти.

Здесь завершается повесть от ее начала и до конца, согласно тому, как было записано в книгах.

Красноречивый крестьянин

Жил некогда в Соляном оазисе¹ человек по имени Хунанупу. Была у него жена, и звали ее Мерне.

И вот однажды сказал Хунанупу своей жене:

— Слушай! Я хочу съездить в Египет² за едой для наших детей. Сходи-ка ты в амбар и взгляни, много ли осталось еще ячменя от прошлого урожая.

Жена смерила ячмень, и получилось у нее восемь мер.

Тогда крестьянин сказал жене:

— Оставь две меры ячменя на пропитание себе и нашим детям, а из шести мер напеки лепешек и навари мне пива на все дни пути.

¹ Соляной оазис — древнеегипетский Сахет-Хемат, современный Вади-Натрон, — оазис в Ливийской пустыне к западу от Нила. Принимал к третьему жому Нижнего Египта.

² Крестьянин имеет в виду собственно Египет, расположенный вдоль берегов Нила и его рукавов.

Затем крестьянин погрузил на своих ослов растения наа и редмет, натр, соль, дерево из оазиса Фарафра¹, шкуры пантер и волков, растения неша, тену, хелер-ур, сахут, саксут, мисут, ибса и инби, камни ану, сенет и абу, голубей, птиц нару и птиц учес, растения убен, тебсу, генгенет и «волосы земли», а также растение инсет и другие превосходнейшие вещи² из Соляного оазиса. Погрузив все это на ослов, отправился крестьянин в Египет.

Он двинулся на юг, к Нен-несу³ и достиг земли Перфефи, что к северу от Мединет. Здесь на берегу реки повстречался ему человек по имени Джхути-Нахт, сын некоего Исри. Он был слугой главного управителя Ренси, сына Меру. Увидая Джхути-Нахт ослов крестьянина, понравились они ему, и сказал он себе:

— Будь у меня сейчас какой-нибудь могущественный идол, я бы тогда захватил все добро этого мужика из оазиса!

А надо сказать, что дом Джхути-Нахта стоял на самой дороге, проходившей вдоль берега. И дорога та была очень узкой, не шире куска полотна. С одной стороны ее была река, с другой ячменное поле. И вот Джхути-Нахт приказал своему слуге:

— Ступай и принеси мне из дома кусок полотна.

Слуга тотчас же принес полотно. Тогда Джхути-Нахт разостлал его на прибрежной дороге так, что нижний край полотнища очутился в воде, а верхний — на ячменном поле.

И когда крестьянин пошел по дороге, по которой проходили все люди, Джхути-Нахт закричал ему:

— Смотри, мужик! Не вздумай наступить на мое полотно!

На это крестьянин ответил ему:

— Я не сделаю этого. Ведь я иду по проезжей дороге!

Крестьянин подался к высокому краю дороги, но тут Джхути-Нахт снова закричал:

— Эй, мужик! Уж не хочешь ли ты потоптать мой ячмень?

Ответил ему крестьянин:

¹ О а з и с Ф а р а ф р а — древнеегипетский Та-ил, расположен в Ливийской пустыне к западу от дельты Нила.

² Здесь перечисляется целый ряд растений и минералов, имевших, по-видимому, лекарственные свойства.

³ Н е н - н е с у — Гераклеополь, главный город XX нома Верхнего Египта. Резиденция царей IX и X династий.

— Ты захватил своим ячменем часть дороги, а теперь и вовсе загородил ее своим полотном. Ты хочешь помешать мне здесь пройти?

И как раз в это время один из ослов крестьянина схватил пучок ячменя и принялся его жевать. Тогда сказал Джхути-Нахт:

— Ах, так! За это я возьму твоего осла, мужик, потому что он жует мой ячмень. Он пойдет мне в уплату за потраву.

На это ответил ему крестьянин:

— Я иду по проезжей дороге. С той стороны я пройти не мог, а потому пришел по этому краю. Ты хочешь отнять у меня осла лишь за то, что он схватил пучок ячменя. Но я знаю, кто хозяин этой земли: она принадлежит главному управителю Ренси, сыну Меру. Он карает всех воров в Египте. Неужели ты думаешь, что он допустит, чтобы меня ограбили на его земле?

Тогда Джхути-Нахт сказал:

— Видно, правду говорят люди в пословице: «Имя бедняка вспоминают только из-за его хозяина». Я тут стою и говорю с тобой, а ты, мужик, думаешь о главном управителе?

И вот Джхути-Нахт взял только что срезанную тамарисковую палку и так отделал крестьянина, что у того не осталось живого места. Потом он захватил всех его ослов и увел их в свои владения.

Громко возопил крестьянин, жалуясь на свою обиду. Однако Джхути-Нахт сказал ему:

— Эй, мужик, лучше не возвышай голоса, если не хочешь отправиться к Владыке Молчания¹.

На это ответил крестьянин:

— Ты меня избил, ты отнял мое добро, а теперь затыкаешь мне рот и запрещаешь мне даже жаловаться! Пусть же Владыка Молчания вернет мне то, что было моим, и тогда я перестану кричать и смущать твой покой.

И крестьянин еще десять полных дней стонал и умолял Джхути-Нахта, однако тот не обращал на него внимания.

Тогда крестьянин отправился на юг к Нен-несу, чтобы обратиться с мольбой к самому главному управителю Ренси, сыну Меру. Он пришел к Ренси, когда тот выходил из ворот своего дома и спускался к своей служебной барке. Обратился к нему крестьянин и сказал:

¹ Владыка Молчания — в данном случае один из эпитетов Осириса, владыки царства мертвых.

— Да узнает сердце твое о моем деле! Прикажи своему доверенному слуге выслушать меня, и я расскажу ему все, как было, чтобы он передал это тебе.

Тогда главный управитель Ренси, сын Меру, отправил к крестьянину своего доверенного слугу, чтобы тот выслушал крестьянина, а потом пересказал ему все, что скажет крестьянин. Когда главный управитель Ренси, сын Меру, узнал подробности этого дела, он обратился к своим приближенным и поведал им все о Джхути-Нахте.

На это сказали ему приближенные:

— Наверное, речь идет о каком-нибудь жителе оазиса, который должен был привезти свои товары Джхути-Нахту, но пытался отдать их другому. А с этими выходцами из оазисов обычно так и поступают, когда они пытаются продать свои товары другим. Стоит ли наказывать Джхути-Нахта из-за какого-то натра или соли? Лучше приказать ему, чтобы он возместил отнятое, и он все возместит.

Но главный управитель Ренси, сын Меру, не сказал ни слова; он не ответил ни своим знатым приближенным, ни крестьянину.

ПЕРВАЯ ЖАЛОБА

Тогда крестьянин обратился с мольбой к главному управителю Ренси, сыну Меру. И сказал он ему:

— О главный управитель, господин мой, великий из великих, наставник людей во всех делах в настоящем и в будущем.

Когда ты плывешь по озеру справедливости при благоприятном ветре, ничто не сорвет твои паруса, ничто не замедлит ход твоей барки, ничто не сломает ее мачту, ничто не повредит ее реи. Ты не пойдешь ко дну, наткнувшись на камни у берега, и поток не увлечет тебя. Да не испытаеть ты коварства реки! Да не увидишь ты лиц, искаженных ужасом! Самые свирепые рыбы сами придут в твою сеть и самые жирные птицы сами попадут к тебе в руки. Ибо ты отец сироте, муж вдове, брат разведенной женщине, нянька младенцу, лишенному матери. Дозволь же мне прославить тебя в этой стране и вознести тебя даже выше наивысшего закона, о владыка, не знающий алчности, великий, незнакомый с низостью! Уничтожь неправду, чтобы торжествовала истина! Прислушайся к голосу,зывающему к тебе, и низвергни зло! Услышь мои слова! Будь спра-

редлив, о восхваляющий достойных похвалы! Избавь меня от напасти, ибо я изнемогаю от обид, я теряю силы от горя. Приди ко мне на помощь, ибо я в отчаянии!

Так взывал крестьянин из оазиса.

Было это во времена правления фараона Небкаура¹, чей голос правдив. И вот главный управитель Ренси, сын Меру, отправился к его величеству и сказал:

— Господин мой, я отыскал одного жителя оазиса, поистине красноречивого. Один из моих слуг отнял у этого крестьянина его добро, и он явился ко мне с жалобой.

На это ответил ему фараон:

— Если ты желаешь видеть меня здравствующим, доставь этого крестьянина сюда и затянй дело. Не отвечай ему, что бы он ни говорил. Пусть говорит он сам, а ты молчи. И пусть все его слова запишут, чтобы мы сами могли их услышать. Только не забудь позаботиться о его жене и детях, ибо эти жители оазисов спускаются в Египет лишь тогда, когда у них в доме ничего не остается. Позаботься также и о нем самом. Прикажи снабжать его пищей, но так, чтобы он не знал, что эту пищу даешь ему ты.

И вот крестьянину стали давать по десять хлебов и по две кружки пива в день. Но главный управитель Ренси, сын Меру, сначала посылал все это одному из своих друзей, чтобы уже тот вручал эту пищу крестьянину. В то же время главный управитель Ренси, сын Меру, отправил доверенного слугу к правителю Соляного оазиса с приказом снабжать пищей жену и детей крестьянина из расчета трех мер ячменя в день.

ВТОРАЯ ЖАЛОБА

И вот явился крестьянин к главному управителю Ренси, сыну Меру, во второй раз и обратился к нему с мольбой. Сказал он:

— О главный управитель, господин мой, величайший среди великих, богатейший среди богатых! Ты больше всех великих и богаче всех богачей. Ты — небесное кормило,

¹ Фараон Небкаура — речь идет о последнем фараоне X гераклеополитанской династии Небкаура Хети III (ок. 2080—2060 гг. до н. э.).

ось земли, нить, удерживающая свинцовую гирию! Будь же таким кормилом, которое не отклоняется, такой осью, которая не сгибается, такой нитью, которая не рвется. Разве станет истинно знатный человек захватывать то, что ему не принадлежит, разве станет он грабить беззащитного? Ведь в его доме есть все. А много ли нужно человеку? Кружка пива и три хлеба. Неужели твоим слугам нужно больше? Ведь смертный, как бы он ни был богат, умрет точно так же, как и те, кто ему подчинен. И ты не бессмертен! Что может быть хуже неверных весов, фальшивой гири свинцовой или справедливого и честного человека, сделавшегося обманщиком? Взгляни! Справедливость, изгнанная из своего дома, влачится в прахе у ног твоих. Большие чиновники творят зло, правота попорчена, и сами судьи воруют. Те, кто должен хватать злоумышленников, сами обвиняются с пути праведного. Те, кому предназначено поддерживать в других дыхание жизни, сами повергнуты в прах бездыханными. Те, кто должен приносить прохладу, душат людей жарой. Те, кто должен творить правосудие, сами становятся ворами. Те, кто обязан предотвращать нужду, сами делают так, что город задыхается в ее тисках. Те, кто должен бороться со злом, сами совершают злодеяние.

На это сказал ему главный управитель Ренси, сын Меру:

— Неужели твое добро так тебе дорого, что ты даже не боишься гнева моих слуг?

Но крестьянин продолжал жаловаться:

— Тот, кому доверено измерять зерно, обманывает других ради своей корысти. Тот, кому поручено наполнять амбары ближнего, обкрадывает его. Тот, кто должен настаивать других на путь истинный, на путь закона, толкает их на кражу. Кто же будет предотвращать злодеяния, если тот, кто обязан бороться с пороками, сам им подвержен?

Одни с виду справедливы и прямы, а на самом деле пути их извилисты и темны. А другие и вовсе открыто предаются злу. Разве я говорю неправду? Подумай о том, что покарать зло можно быстро, а если ему попустительствовать, оно остается надолго — лишь добрые дела не забываются никогда. Истинно сказано в поучении: «Поступай с человеком так, как он сам поступает с другими». Благодарни одного за его дела, избегай удара другого, чтобы он не ударил, отдавай вовремя приказ управляющему работами, прежде чем он их завершит. Ибо один миг может повлечь непоправимое: уничтожить твои виноградники, опустошить

твои амбары, оставить без рыбы твои садки. И тогда зрячий превратится в слепца, человек, наделенный слухом, станет глухим, а тот, кто вел других, сам потеряет дорогу. Но ты гавань несокрушимая. Твоя длань могуча, твое сердце непреклонно. Только милосердие обошло тебя стороной. Несчастен несчастный, которого ты поверг в прах! Ты подобен неумолимому посланцу бога-крокодила¹. Ты страшнее чумы. Перед тобой, как и перед чумой, все бессильно, а того, что не сделаешь ты, не сможет сделать и она.

Тот, у кого всего в достатке, может иной раз быть и снисходительным. Лишь злодей всегда безжалостен. Красть чужое добро или грабить привычно злодею, но для того, кто живет, ни в чем не нуждаясь, это — преступление.

Стоит ли, однако, так ненавидеть воров? Ведь они заботятся лишь о своем пропитании! А ты — наоборот! У тебя все есть: хлеб, чтобы утолить голод, и пиво, чтобы напиться. Всего у тебя в достатке! Но лик коричевого обращен к небу, и барка твоя рыскает, как ей хочется. Фараон не выходит на палубу, кормило в твоих руках, и ты сеешь зло вокруг себя. Тягостна доля просителя, трудно ему перебороть зло! Все вопрошают: «Что нужно здесь этому человеку?» Будь же местом убежища для просящего, да будет спокойна гавань твоя и да не опустошают воды ее крокодилы. Да будет правдив твой язык: иначе может он погубить человека. Не произноси лжи! Не доверяйся вышшим чиновникам: корзины с фруктами достаточно, чтобы подкупить любого судью. Ложь для них — привычная жвачка: она уже не смущает их сердце.

Ты самый знающий среди людей. Неужели ты не вникнешь в мое дело? Взгляни на меня, утоляющий жажду страждущих! Лодка моя идет ко дну. О выводящий на берег тонущего, спасающий потерпевшего кораблекрушение, взгляни на меня и спаси меня!..

ТРЕТЬЯ ЖАЛОВА

И в третий раз явился крестьянин к Ренси, сыну Меру, и обратился к нему с мольбой. И сказал он:

— Главный управитель, господин мой, ты божествен-

¹ Бог-крокодил — имеется в виду бог Собек, почитавшийся в облике крокодила.

ный Ра! Со своими приближенными ты владыка небес. Подобно жизнетворному разливу, ты даешь жизнь всем людям. Ты — сам Нил, который заставляет зеленеть луга и даже истощенные поля делает вновь плодородными.

Покарай же вора и защити несчастного! Не обрушивайся наводнением на просящего. Подумай о вечности, которая тебя ожидает. И если желаешь жить долго, следуй пословице: «Дыхание жизни — в справедливости!» Покарай того, кого следует покарать, и никто не упрекнет тебя в криводушии. Неужто весы колеблются в твоей руке? Неужто они склонятся в другую сторону? И неужели бог Тот¹ это потерпит? Если это так, тогда ты действительно вправе творить зло и быть подобным Тоту и этим неверным весам.

Но не воздавай за добро злом. Не подменяй одного другим. Жалобы мои разрастаются быстрее, чем ветви сенмита², и может быть дух от них резче, чем от сенмита, и не нравится тебе. Если не хочешь, не отвечай на них. Но помни, что тогда орошенное тобою зло покроет землю сплошными зарослями. А это трижды печальнее.

Если ты будешь держать руль по ветру, течение само увлечет тебя к правосудию. Но бойся, как бы тебе не приплыть совсем не к той гавани, к которой ты правишь. Помни: спокойствие страны — в справедливости!

Не произноси лжи — ведь ты так велик! Не будь легкомыслен — ведь ты стоишь у кормила власти. Не лги — ведь ты подобен весам. Не теряй достоинства — ведь ты сама честность. Ты сам — весы непогрешимые: если ты заколеблешься, заколеблются и чаши весов. Крепко держи веревки кормила, чтобы руль не рыскал. Не бери взятку, когда караешь взяточника, ибо истинно великий не может быть жадным. Твой язык — свинцовая нить весов, твое сердце — точная гиря, твои губы — коромысла весов. И если ты отворишь свой лик от просящего, кто же встанет преградой на пути преступления?

Ты подобен презренному, жадному прачке³, который другу своему предпочитает заказчика: кто приходит к нему с большим заказом, тот ему и брат.

Ты подобен перевозчику, который не переправит через

¹ Тот — по верованиям древних египтян, бог мудрости и письма, а также ллсец на загробном судилище богов.

² С е н м и т — растение с неприятным запахом.

³ Прачками в древнем Египте были мужины.

реку того, кто не может ему заплатить. Ты подобен праведнику, чья справедливость испарилась без следа. Ты словно хранитель амбаров, остающийся голодным пришельца из далеких краев. Среди людей ты живешь как сокол, пожирающий слабейших птиц.

Ты подобен повару, который радуется всем сердцем, убивая беззащитных животных: ведь за это никто его не упрекнет! Стада твои неисчислимы. Разве ты ощутишь потерю одной овцы, которую в местах, удаленных от всякого жилья, сожрал ненасытный крокодил?

Ты должен слышать все, и ничего не слышишь. Но почему ты не слышишь? В тот раз я ускользнул из рук убийцы. Но что об этом думаешь ты? Ведь истина рано или поздно все равно выйдет на свет и ложь будет повержена в прах. Не рассчитывай на завтрашний день, пока он не наступил. Ибо никто не знает, какие беды этот день принесет...

Так говорил крестьянин, стоя у входа в управление и обращаясь к главному управителю Ренси, сыну Меру. Выслушав его, возмутился главный управитель, набросился на крестьянина с двумя пучками розог и так отделал его, что на нем не осталось живого места.

Тогда воскликнул крестьянин:

— Так-то поступает со мной сын Меру! Он встал на несправедливый путь! Глаза его ослепли — он уже не видит того, на что смотрит; уши его оглохли — он уже не внимает тому, что ему говорят. Ты подобен городу без правителя, армии без военачальника, банде без вожака. Ты подобен сторожу, который сам крадет, ты подобен правителю, который берет взятки, ты подобен начальнику округа, которому поручили изловить бандитов и который сам стал примером для всех злоумышленников.

ЧЕТВЕРТАЯ ЖАЛОБА

И вот явился крестьянин в четвертый раз, дабы обратиться с мольбой. Он встретил главного управителя, когда тот выходил из храма Арсафеса¹. И сказал ему крестьянин:

— Будь благословен Арсафессем восхваляющий бога Арсафеса и выходящий из храма его! Справедливость по-

¹ А р с а ф е с — бог города Нен-несу, резиденции фараона. Арсафес изображался в образе человека с головой барана.

либла, и нет уже никого, кто бы мог сказать: «Вот я поверг несправедливость в прах!» Паром вытасчен на берег, — как теперь переправиться через реку? А переправиться нужно хочешь ты или нет. Однако не пойдешь же через реку, надев сандалин, как посуху! Разве так делается? Нет. Теперь уже никто не будет спать спокойно, никто не решится выйти ночью, никто не пойдет по дорогам днем, ибо человеку запрещено защищать свои исконные права.

Смотри сам. Теперь любой тебе может просто сказать: «Милосердие ушло от тебя. Горе несчастному, которого ты преследуешь» Ибо ты подобен охотнику, которого радует лишь его жестокая страсть: он мечет гарпуны в бегемотов, пронзает диких быков, бьет рыб, ловит в сети птиц. Как ни скор человек на слово, он порою слишком торопится. Как ни быстро откликается на все его сердце, ему не поспеть за его страстями. Будь милосерден и старайся познать истину! Владей собой, чтобы ты мог удовлетворить даже того, кто приходит к тебе с молчаливой мольбой. Вспылчивый никогда не познает истину. Буйный, скорый на руку никогда не будет желанным господином. Хорошо, если глаза твои еще видят истину. Не твори же произвола, пользуясь своим могуществом, дабы несчастье не постигло тебя самого! Если ты не исправишь зло, оно удвоится. Вкус пищи знает лишь тот, кто ест; ответить может лишь тот, кого спрашивают, сны видит лишь тот, кто спит, а для злодея наилучшим примером служит судья, сам достойный суда. Смотри, безумец, ты попался в ловушку! Смотри, невежда, к тебе обратились, и теперь ты должен ответить. Смотри, к тебе пришли, и тебе уже некуда деться! Кормщик, не давай кораблю плыть по воле волн! Податель жизни, не допусти, чтобы люди умирали! Разрушитель зла, не дай мне погибнуть! Тень прохладная, не жги меня лучами, как солнце! Священное место убежища, не допусти, чтобы крокодил схватил того, кто ищет защиты.

В четвертый раз я обращаюсь к тебе с мольбой. Неужели я должен взывать к тебе без конца?

ПЯТАЯ ЖАЛОБА

И вот пришел крестьянин в пятый раз к управителю Ренси, сыну Меру, и обратился к нему с новой мольбой. И сказал он:

— О главный управитель, господин мой! Одни рыбаки ловят рыбу ну, другие быют рыб ин, третьи пронзают трезубцами рыб нубеб, четвертые ловят всяких рыб, пятые опустошают реки сетями. Так вот ты подобен им всем.

Не отнимай у бедняка его добро. Ведь ты знаешь меня, незащитного! Для несчастного бедняка его достояние все равно, что дыхание жизни: отними его — и он задохнется. Ты поставлен над нами, чтобы разбирать дела, судить правых и виноватых и карать разбойников. А ты только тем и занимаешься, что покрываешь воров. Тебе доверяются, а ты изменяешь своему долгу. Ты поставлен над нами, чтобы защищать бедняков подобно плотине. Смотри, как бы несчастный не потонул, ибо ты для него стал потоком свирепого наводнения.

ШЕСТАЯ ЖАЛОБА

И вот явился крестьянин в шестой раз к управителю Ренси и обратился к нему с мольбой. И сказал он:

— О главный управитель, господин мой! Всякое беспристрастно решенное дело лишает ложь силы, утверждает истину, создает добро и уничтожает зло подобно пище, которая уничтожает голод, подобно одежде, которая прикрывает наготу, подобно тому, как небо после свирепой грозы проясняется и солнце согревает всех замерзавших, подобно огню, который жарит то, что было сырым, подобно воде, которая утоляет жажду.

Вагляния: тот, кто поставлен судьей, сам стал вором! Тот, кто должен утешать других, сам приносит им горе. Тот, кто должен уничтожать все трудности, сам их создает. Но мошенничество несовместимо с правосудием. Лишь когда все меряешь правильной мерой, правосудие торжествует. Преувеличения и излишества к добру не ведут. Если ты можешь сделать добро своему ближнему, делай это сразу. Если же будешь молчать и слишком долго глотать слова, даже истина может устареть и оказаться нектати.

Горе понуждает меня покинуть тебя, сказанное мною заставляет уйти. Ведь я не знаю, что у тебя теперь на сердце! Не медли же! Сделай хоть что-нибудь, ответь хоть как-нибудь на мою жалобу! Если ты расторгнешь узы, то кто же их свяжет? Багор у тебя в руке подобен шести, ко-

торым направляют барку, когда можно достать дно. Но если ты захочешь направить барку в порт против течения, она опрокинется и груз ее будет рассеян по всем берегам Египта. Ты просвещен, ты мудр, ты совершенен, но только не в воровстве! Зачем же ты пытаешься подражать вора? Все дела твои от этого идут прахом. Похоже, что самый отъявленный пройдоха во всей стране старается выдать себя за праведника. Ибо лишь тот, кто возвращает зло, поливает свое поле подлостью, чтобы превратить его в поле лжи и вырастить на нем все самое худшее, что только есть на земле.

СЕДЬМАЯ ЖАЛОБА

И вот явился крестьянин в седьмой раз к управителю Ренси и обратился к нему с мольбой. И сказал он:

— О главный управитель, господин мой! Ты кормило всей страны: вся страна повинуется твоим повелениям. Ты двойник бога Тота, который судит нелицеприятно. О господин мой, будь милостив, когда взывает к тебе человек, дабы ты защитил его в правом деле. Не упорствуй в своем заблуждении — это тебе не к лицу! Кто видит слишком далеко, не спокоен сердцем. Не печалься же ни о чем заранее и не радуйся тому, чего еще нет. Чтобы сохранить друзей, нужно прощать. Не обращай внимания на то, что было. Разве ты знаешь, что на сердце у другого сейчас? Кто нарушает закон и не дает хода правосудию, тот убивает бедняков: никто из них не переживет подобного насилия. Где же твоя справедливость? Вот и меня переполнила боль, а в сердце моем — обида. Подобно брешу в плотине открылся мой рот, и я заговорил, и боль моя излилась из меня, ибо я не мог больше терпеть. С багром в руках я вывел барку обиды моей из гавани, я вычерпал захлестывавшую ее воду, я избавился от боли, переполнявшей мое тело, я смыл грязь со своих одежд. Больше я говорить не буду: я излил перед тобой все свое горе. Что же тебе еще надобно?

Твое легкомыслие тебя погубит, твоё корыстолюбие не доведет тебя до добра, твоя ненасытная алчность сделает всех твоими врагами. Где найдешь ты второго такого жителя оазиса, подобного мне? Но ты глух ко всему. Разве будет еще какой-нибудь проситель стоять столько времени у твоего порога, как стою я? Ты не сделаешь косноязычного красноречивым, не разбудишь спящего, не превратишь

лентяя в прилежного, не отверзнешь уста того, кто молчит, не сделаешь мудрецом невежду, не заставишь поумнеть дурака. А ведь высшие чиновники должны бы были ненавидеть зло и быть подателями добра. Подобно умелым ремесленникам они должны уметь делать все, даже приставлять на место отрубленные головы!

ВОСЬМАЯ ЖАЛОБА

И вот крестьянин пришел в восьмой раз к правителю Ренси и обратился к нему с мольбой. И сказал он:

— Главный управитель, господин мой! Жадность бездонна — в эту пропасть можно падать бесконечно. Но корыстный часто не знает, чего он хочет, и единственное, что его ждет, — это конечная неудача. Ты корыстен, и это тебе не к лицу. Ты крадешь, но не будет тебе от этого пользы. Ибо твой долг — поддерживать того, кто защищает свои права и требует справедливости. Все, что нужно тебе, есть в твоём доме. Голода ты не испытываешь, сосуды твои полны зерна, и жаль будет, если они покачнутся: то, что просыпется, будет потеряно для страны.

Высшие чиновники поставлены, чтобы бороться со злом. Но кто они сами? Грабители, воры и насильники. Высшие чиновники должны быть убежищем для обиженных, а они стали притоном для злоумышленников.

Без страха перед тобой я взываю к тебе. Если ты думаешь по-другому, ты не знаешь моего сердца. Сердце мое, сердце скромного человека, переворачивается, когда я тебя упрекаю. Но оно не дрожит, когда я взываю к тебе и говорю тебе горькую правду. Подобного мне просителя ты нес скоро найдешь!

У тебя есть поля, дома твои приносят тебе доход, склады твои полны пищи. Высшие чиновники делают тебе подношения, и ты их берешь. Для чего? Неужели ты вор? Ведь тебе несут вещи даже тогда, когда ты со своими солдатами направляешься в поля, чтобы определить их границы.

Твори правосудие бескорыстно, твори его во имя Владыки правосудия, чье правосудие единственно истинное. Воплощение спокойствия, свиток папируса, совершенный прибор для письма бога Тота, — остерегайся зла! Добро хорошо тогда, когда это истинное добро. Справедливость

же всегда бессмертна: она нисходит в могилу вместе с тем, кто был справедлив. Его кладут в гробницу, и земля закрывается над ним, но имя его не сотрется в памяти людской: его будут помнить ради совершенных им добрых дел. Ибо так сказано самим богом. А в его руках весы не колеблются, коромысло их не дрожит и не склоняется произвольно в какую-нибудь сторону.

Пришел к тебе я или кто-нибудь другой — любого прими хорошо. И что бы тебе ни сказали, ни с кем не говори так, словно он не имеет права с тобой разговаривать. Не нападай на человека, если он на тебя не нападает. Ты не милосерден, ты не знаешь снисхождения. Ты не уклоняешься от ответа, но в то же время ты не борешься со злом. И ты ничем не вознаградил меня за мою превосходную речь: а моими устами глаголет сам бог Ра. Пусть же будут слова твои правосудием и дела твои правосудием, ибо правосудие велико, могуче и бесконечно: того, кто к нему приобщился, при жизни одаривает фараон, а после смерти уподобляют блаженным.

Если весы не верны и чаши их колеблются, невозможно узнать истинный вес. Кривыми путями не добраться барке до гавани. Лишь тот, кто честен и добр, благополучно достигнет берега.

ДЕВЯТАЯ ЖАЛОБА

И вот явился крестьянин в девятый раз к управителю Ренси и обратился к нему с мольбой. И сказал он:

— О главный управитель, господин мой! Ты — уста людей, ты их совость, их непогрешимые весы, отмечающие малейшие недостатки. Покарай того, кто достоин кары, и никто не упрекнет тебя в корыстолюбии или во лжи. Истина сама придет к тебе.

Ложь кормится истиной, на ней она расцветает, но жизнь ее недолга. Едва ложь пускается в путь, как тут же теряет дорогу. Ей не переправиться через реку на пароме и не добраться до цели.

Тот, кто копит богатства лишь для себя, остается бездетным: никто не унаследует ему на земле, никто не вступит вместе с ним на борт корабля, а если и вступит, то все равно не доберется до конечной гавани.

Рука твоя и так не легка, да не станет она еще тяжелее! Не медли, ибо ты и без того не быстр! Не будь пристрастным

и не слушайся прихотей сердца своего! Не отвращай свой лик от того, кто перед тобою. Не закрывай глаза на того, на кого ты уже взглянул. Не отталкивай того, кто пришел к тебе с мольбой. Отбрось колебания, которые мешают тебе произнести приговор. Сделай что-нибудь для того, кто ради тебя сделает все! Не прислушивайся к словам других, когда к тебе вызывает человек, умоляя тебя защищать его в правом деле. Ибо нет приятного прошлого для немилостивого, нет друзей у того, кто глух к справедливости, нет праздничного дня для корыстолюбца.

О, как несчастен приходящий с жалобой! Удел несчастного быть просителем. Удел обидчика — стать убийцей несчастного. Смотри, я вызываю к тебе, я жалуюсь тебе, а ты меня даже не слушаешь! Я уйду от тебя и обращусь с жалобой на тебя к богу Анубису¹, последнему покровителю!

Так сказал крестьянин и удалился.

Но тут главный управитель Ренси, сын Меру, послал вслед за крестьянином двух стражников, чтобы его вернули. Испугался крестьянин, ибо подумал, что его хотят наказать за дерзкие речи, которые он говорил. И воскликнул крестьянин:

— Вода освежающая — для жаждущего, сосцы, полные молока, — для младенца, — вот что такое смерть для того, кто ее так долго ждал и к кому она, хоть и с запозданием, наконец пришла.

Но главный управитель Ренси, сын Меру, сказал ему:

— Не бойся, мужик! Я так поступал с тобой лишь для того, чтобы удержать тебя при себе.

На это крестьянин возразил ему:

— Клянусь жизнью, неужели я должен до конца своих дней есть твой хлеб и пить твое пиво?

И ответил ему главный управитель Ренси, сын Меру:

— Подожди здесь еще немного хотя бы для того, чтобы услышать ответ на свои жалобы.

И он приказал прочесть все жалобы крестьянина, как они были записаны на свитке нового папируса. Затем главный управитель Ренси, сын Меру, переслал этот свиток его величеству фараону Небкаура, чей голос правдив. По-

¹ А н у б и с — первоначально бог Абидосского нома, затем один из богов царства мертвых, покровитель бальзамирования и погребальных обрядов.

нравились сердцу фараона речи крестьянина больше всего другого на земле Египта, и повелел он:

— Реши это дело сам, о сын Меру!

И тогда главный управитель Ренси, сын Меру, послал двух стражников за Джхути-Нахтом. Привели стражники Джхути-Нахта, и писцы составили опись его имущества и его слуг. А было у него шесть рабов, не считая запасов пищи, ячменя из Верхнего Египта, ржи, ослов, коров и быков, свиней и прочего мелкого скота. И отдали Джхути-Нахта как раба крестьянину вместе со всем его добром.

Здесь завершается книга от ее начала и до конца согласно тому, как это было записано.

Фараон Хуфу и чародеи

Владыка Египта, любимый богом Ра фараон Хуфу¹ заскучал. Бродил он по залам дворца своего, искал, чем бы развлечься, но ничего не нашел. И тогда повелел он призвать к себе сыновей своих. Пришли они, и сказал им Хуфу:

— Сегодня искал я, чем бы развлечься, но ничего не нашел. Пусть каждый расскажет историю о деяниях чародеев, которым открыто тайное! Расскажите мне о чудесном, случившемся в старину! Для этого я вас призвал.

И вот начали сыновья фараона рассказывать о деяниях чародеев. И дошла очередь до Хауфра, сына Хуфу².

• • •

¹ Х у ф у (греческая версия — Хеонс) — второй фараон IV династии, строитель великой пирамиды, правивший около 2900 г. до н. э.

² Х а у ф р а (греческая версия — Хефрен) — сын и преемник Хуфу. Ему принадлежит вторая по величине пирамида.

Встал тогда Хауфра, сын фараона, чтобы начать свою речь. И сказал он:

— Я поведаю твоему величеству о чуде, случившемся во времена правления предка твоего Небка¹, чей голос правдив, когда он направился в храм бога Птаха, владыки Анхтауи².

Однажды собрался его величество Небка, чей голос правдив, посетить храм Птаха в Анхтаун. Остановился он в отдалении от храма и велел призвать к себе Уба-Онера, верховного жреца-заклинателя храма Птаха.

Когда явились гонцы фараона к Уба-Онеру, жена Уба-Онера заметила среди слуг, что пришли вместе с ними, молодого простолюдина. И обратилось сердце жены Уба-Онера к тому простолюдину. Она послала к нему служанку свою и велела сказать: «Приходи, мы проведем вместе час! Облечись в праздничные одежды, которые я тебе посылаю!»

Отправилась служанка к простолюдину, доставила ему сундук с богатыми одеяниями и передала, что было приказано.

Прошло немного дней, и простолюдин явился к жене Уба-Онера. Увидел он по дороге пруд, а на берегу — беседку. И сказал простолюдин жене Уба-Онера:

— На берегу пруда Уба-Онера есть беседка. Если хочешь, проведем время в этой беседке.

Тогда послала жена Уба-Онера за служителем, надзиравшим за прудом, и приказала ему:

— Вели приготовить беседку около пруда! Я приду туда отдохнуть.

И вот когда все было приготовлено, жена Уба-Онера отправилась в беседку около пруда и провела там время, пируя с простолюдином.

На закате солнца спустился простолюдин к пруду, чтобы омыться, и служанка принесла ему новые одежды.

Увидел это служитель, надзиравший за прудом. Посмотрел он и догадался о том, что было между простолюдином и женой Уба-Онера.

¹ Небка — тронное имя фараона Санахт, преемника фараона Джосера, основателя III династии (около 3000 г. до н. э.).

² Птах — в древнеегипетской мифологии бог города Мемфиса покровитель художников и ремесленников, изображаемый в виде мумии. Анхтаун — окраина Мемфиса, район современного Сакара.

На другой день, едва озарилась земля, отправился слуга, надзиравший за прудом, к верховному жрецу-заклинателю Уба-Онеру, чтобы донести ему о случившемся. Узнал Уба-Онер о том, что было между его женой и простолюдином в беседке около пруда, и сказал:

— Принеси мне ларец из эбенового дерева, выложенный чистым золотом! Принеси мне ларец, где лежит моя книга заклинаний! И принеси мне чистого воску!

Принес слуга ларец с книгой заклинаний, принес чистого воску. Уба-Онер слепил из воска крокодила длиной в семь пальцев и прочел над ним заклинание:

— Если придет простолюдин, чтобы омыться в моем пруду, схвати его и унеси на дно!

Затем он отдал воскового крокодила слуге и сказал:

— Когда спустится простолюдин, как обычно, к пруду, брось этого крокодила в воду позади него.

Слуга взял воскового крокодила и отправился домой.

И вот жена Уба-Онера снова послала за слугой, надзиравшим за прудом, и приказала ему:

— Вели приготовить беседку около пруда! Я приду туда отдохнуть!

И приготовили для нее беседку, наполнив ее всевозможными превосходнейшими вещами. Пришла в нее жена Уба-Онера со своей служанкой, и там провели они с простолюдином приятный день.

Вечером, как обычно, спустился простолюдин к пруду. И тогда слуга бросил воскового крокодила в воду позади него. Превратился восковой крокодил в настоящего, длиной в семь локтей. Схватил он простолюдину и утащил на дно.

Тем временем верховный жрец-заклинатель Уба-Онер пребывал близ его величества фараона Небка, чей голос правдив. Семь дней находился он возле него, и семь дней бездыханный простолюдин оставался под водой.

Но когда миновали семь дней, фараон Небка, чей голос правдив, отправился в путь и прибыл в храм Птаха. Здесь предстал перед ним Уба-Онер и сказал ему:

— Пусть его величество соизволит последовать за мной, дабы увидеть чудо, случившееся в дни его правления с одним простолюдином.

И его величество отправился к пруду вместе с Уба-Онером. Здесь Уба-Онер приказал крокодилу:

— Вынеси простолюдину на берег!

Выполз крокодил из воды и вынес простолюдина на берег. Тогда верховный жрец-заклинатель Уба-Онер произнес над крокодилом заклинание и заставил его остановиться перед фараоном.

И сказал фараон Небка, чей голос правдив:

— Воистину этот крокодил ужасен!

Тотчас же нагнулся Уба-Онер, схватил крокодила, и в его руках превратился он в воскового крокодила длиной всего в семь пальцев. Тут поведал Уба-Онер фараону Небка, чей голос правдив, о том, что совершил этот простолюдин с его женой. И тогда приказал его величество крокодилу:

— Унеси к себе то, что ты захватил!

Вновь обратился восковой крокодил в настоящего длиной в семь локтей, схватил простолюдина и уполз в воду. Опустился он на дно пруда и исчез. Что с ним дальше случилось — не знает никто.

Затем приказал фараон Небка, чей голос правдив, отвести жену Уба-Онера в поле к северу от дворца своего. Там ее сожгли и прах ее бросили в реку.

Вот какое чудо, в числе многих, сотворил верховный жрец-заклинатель Уба-Онер в дни правления предка твоего, фараона Небка, чей голос правдив!

Выслушал это его величество Хуфу, чей голос правдив, и сказал:

— Да будет принесено в жертву фараону Небка, чей голос правдив, тысяча хлебов, сто кружек пива, целый бык и две меры ладана! И да будет принесено в жертву верховному жрецу-заклинателю Уба-Онеру хлеб, кувшин пива, мясо и мера ладана, ибо я видел пример его мудрости!

И было сделано все, как приказал его величество.

ВОЛШЕВСТВО ДЖАДЖАМАНХА

Встал тогда Бауфра, другой сын фараона, чтобы начать свою речь. И сказал он:

— Я поведаю твоему величеству о чуде, случившемся во времена правления отца твоего, фараона Снофру¹, чей голос правдив. Сотворил это чудо, в числе многих, Джа-

¹ С н о ф р у — фараон, правивший около 2900 г. до н. э., был предшественником фараона Хуфу.

джаманх, верховный жрец-заклинатель и переписчик книг. До него о подобном никто не слышал, и такого чуда прежде не случалось.

Однажды бродил фараон Снофру по залам дворца своего, искал, чем бы развлечься, но ничего не нашел. И тогда повелел он:

— Ступайте и приведите ко мне Джаджаманха, верховного жреца-заклинателя и переписчика книг!

Тотчас привели Джаджаманха. И сказал ему его величество:

— Я бродил по покоям дворца, искал, чем бы развлечься, но не нашел ничего. Скажи, что мне делать?

И ответил ему Джаджаманх:

— Пусть твое величество отправится к дворцовому озеру и прикажет спаридить там барку для себя и для лучших красавиц твоего дворца. Сердце твоего величества развеселится, когда ты увидишь, как они гребут. Ты увидишь прекрасные заросли вокруг озера, ты увидишь красивые берега, и усладится зрелищем этим душа твоя.

И вот приказал фараон Снофру, чей голос правдив:

— Пусть принесут мне двадцать эбеновых весел, отделанных золотом, с рукоятками из дерева секеб, украшенными чистым золотом. Пусть приведут ко мне двадцать юных дев, не рожавших ни разу, двадцать юных дев с прекрасным телом, красной грудью и заплетенными локонами. Пусть доставят мне двадцать сетей и дадут эти сети девам вместо одежд!

И было сделано все, как приказал его величество.

Девы гребли, барка плыла от берега к берегу, и его величество веселился сердцем, глядя на то, как они гребут.

Но вот загребная встряхнула локонами, и ее подвеска, рыбка из молодой бирюзы¹, упала в воду. Загребная перестала петь и перестала грести, и весь ее ряд перестал петь и перестал грести.

Спросил его величество:

— Почему вы не гребете?

И ответили ему девы:

¹ Подвеска, рыбка из молодой бирюзы (то есть из бирюзы, не утратившей от времени свой цвет) — головное украшение в форме рыбки. Такие подвески имели значение амулетов.

— Загребная наша умолкла и не гребет.

Тогда спросил его величество загребную:

— Почему ты не гребешь?

И отвечала она фараону:

— Подвеска моя, рыбка из молодой бирюзы, упала в воду.

Сказал его величество:

— Гребни! Я прикажу дать тебе другую подвеску.

Но она ответила:

— Я не хочу другую, я хочу мою.

Тогда приказал его величество фараон Снофру, чей голос правдив:

— Ступайте и приведите ко мне Джаджаманха, верховного жреца-заклинателя и переписчика книг!

Тотчас привели к нему Джаджаманха. И сказал ему фараон:

— Джаджаманх, брат мой, я сделал, как ты говорил, я смотрел, как гребут эти девы, и радовалось сердце мое. Но вот загребная уронила свою подвеску, рыбку из молодой бирюзы, и упала она в воду. Тогда умолкла загребная и перестала гребти, а за ней остановился весь ее ряд. Я спросил ее: «Почему ты не гребешь?» И она мне ответила: «Моя подвеска, рыбка из молодой бирюзы, упала в воду». Я сказал ей: «Гребни! Я прикажу дать тебе другую!» Но она ответила: «Я не хочу другую, я хочу мою». Сделай что-нибудь, Джаджаманх!

И тогда верховный жрец-заклинатель и переписчик книг Джаджаманх произнес над озером заклинание. По слову его половина вод озера поднялась и легла на другую половину. На дне озера отыскал он подвеску, рыбку из молодой бирюзы: она лежала на глиняном черепке. Взял он ее и отдал загребной.

Глубина в том озере доходила на середине до двенадцати локтей, и когда одна половина вод озера легла на другую, поднялось оно в той половине до двадцати четырех локтей.

Затем верховный жрец-заклинатель и переписчик книг Джаджаманх вновь произнес над озером заклинание и перенес его воды на прежнее место. Его величество фараон приятно провел день в кругу своих приближенных. А Джаджаманха он одарил превосходнейшими вещами.

Вот какое чудо, в числе многих, сотворил верховный жрец-заклинатель и переписчик книг Джаджаманх в дни

правления отца твоего, фараона Снофру, чей голос правдив.

Выслушал это его величество фараон Хуфу, чей голос правдив, и сказал:

— Да будет принесено в жертву фараону Снофру, чей голос правдив, тысяча хлебов, сто кружек пива, целый бык и две меры ладана! И да будет принесено в жертву верховному жрецу-заклинателю и переписчику книг Джаджаманху хлеб, кувшин пива и мера ладана, ибо я видел пример его мудрости!

И было сделано все, как приказал его величество.

ВОЛШЕВСТВО ДЖЕДИ

Встал тогда Дидифгор¹, третий сын фараона, чтобы начать свою речь. И сказал он:

— До сих пор ты видел примеры того, что было совершено людьми, которых уже нет в живых. Невозможно тут отличить правду от лжи. Но вот в твоё время, в твоё правление живет один человек, которого ты не знаешь. А ведь он — великий чародей!

Спросил тогда его величество:

— О ком говоришь ты, сын мой Дидифгор?

И ответил ему Дидифгор:

— Есть такой простолюдин по имени Джеди. Живет он в Джед-Снофру². Сейчас ему сто десять лет. Но и до сего дня он съедает зараз пять сотен хлебов, из мясной пищи — половину быка и выпивает по сто кружек пива. Он может приставить на место отрезанную голову. Он может заставить льва следовать за собою без пут: повод его будет волочиться по земле. И он знает планы тайных покоев святилища Тота.

А его величество фараон Хуфу, чей голос правдив, проводил все свое время в поисках как раз этих тайных покоев святилища Тота, ибо хотел он сделать подоб-

¹ Д и д и ф г о р — один из сыновей Хуфу; он считался мудрецом и ученым, ему приписывалось открытие магических формул «Книги мертвых», содержавшей молитвы и заклинания. Гробница Дидифгора найдена неподалеку от великой пирамиды Хуфу.

² Д ж е д - С н о ф р у (буквально: Долговечен Снофру) — название города вблизи пирамиды фараона Снофру около современного Медума.

ные им в своей гробнице. Поэтому его величество тотчас сказал:

— Сын мой Дидифгор, ты сам отправишься за ним и приведешь его ко мне!

И вот снарядили суда для Дидифгора, сына фараона. Поплыл он вверх по течению Нила к Джед-Снофру. Через несколько дней суда причалили к берегу, и Дидифгор двинулся дальше по суше: он сел на эбеновые носилки с ручками из драгоценного дерева сесенем, отделанными золотом, и его понесли.

Когда они прибыли к Джеди, носилки эти поставили на землю, и Дидифгор поднялся, чтобы приветствовать чародея. Джеди лежал в это время на циновке у порога своего дома. Один слуга поддерживал его голову и умачал ее, а другой слуга растирал ему ноги.

И сказал Дидифгор, сын фараона:

— Джеди, хоть и пришла твоя старость, хоть и близок день твоей смерти, твоего погребения и твоих похорон, подобен ты человеку, еще не достигшему преклонных лет, — твой сон безмятежен, болезней ты не ведаешь и даже кашля нет у тебя!

Так приветствуют людей почтенных.

И еще сказал Дидифгор:

— Я пришел за тобой по повелению отца моего, фараона Хуфу. Ты будешь есть превосходные кушанья, которыми оделяет фараон, ты получишь пищу, которую дают его приближенным слугам. Через счастливую жизнь проведет он тебя к твоим предкам, покоящимся в гробницах.

И ответил ему Джеди:

— Мир тебе, мир тебе, Дидифгор, любимый сын отца своего фараона! Да вознаградит тебя отец твой Хуфу! Да возмзсит он тебя над своими старейшими! Да будет могуче твое Ка, чтобы сразаться с врагами твоими, и да познает твое Ба¹ дорогу к вратам в подземное царство Хебесбага!²

Так приветствуют сыновей фараона.

Тогда Дидифгор, сын фараона, протянул Джеди руки и

¹ Ба — по верованиям древних египтян, душа человека, остающаяся его после смерти. Обычно Ба изображалось в виде птицы с человеческой головой.

² Хебесбаг (Скрывающий смерть) — в древнеегипетской мифологии прирзтник царства мертвых.

поднял его. Вдвоем направились они к берегу, и Дидифгор поддерживал Джеди своей рукой. И сказал ему Джеди:

— Прикажи дать мне барку, чтобы доставили на ней моих детей и книги мои.

И ему снарядили две барки с командой. Сам Джеди сел на судно Дидифгора, сына фараона, и они поплыли вниз по Нилу.

Когда достигли они места, где пребывал фараон, Дидифгор, сын фараона, пошел к нему, чтобы оповестить о своем прибытии. И сказал Дидифгор, сын фараона:

— О повелитель, господин мой! Да будешь ты жив, здоров и могуч! Я доставил к тебе Джеди.

Промолвил его величество фараон:

— Ступай и приведи его!

Затем прошел его величество фараон в зал приемов, и туда привели к нему Джеди.

И сказал его величество фараон:

— Как случилось, Джеди, что я не видел тебя раньше?

И ответил Джеди:

— Приходит лишь тот, кого призывают, о повелитель мой, да будешь ты жив, здоров и могуч. Позвали меня — вот я и пришел.

Спросил его величество фараон:

— Правду ли говорят, что ты можешь приставить на место отрезанную голову?

И ответил Джеди:

— Да, я могу это сделать, о повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч.

Тогда приказал фараон:

— Пусть приведут ко мне из темницы узника, которого должны казнить!

Но Джеди сказал:

— Нет, не могу я этого сделать с человеком, о повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч! Ибо запрещается делать подобное со священной паствой богов.

Тогда принесли гуся и отрезали ему голову. Положили гуся у западной стены зала приемов, а его голову положили у восточной стены зала приемов. Джеди проговорил магические заклинания, и поднялся гусь, и пошел, переваливаясь, и голова его тоже поднималась ему навстречу. И вот голова гуся вновь приросла к его шее. Встрепенулся гусь и загоготал.

Принесли Джеди утку, и с нею он сделал то же самое. Затем его величество фараон приказал привести быка. Отрубили ему голову и повергли на землю. Но вот произнес Джеди свои магические заклинания, и бык встал и пошел за ним сам, без поводка, который волочился по земле.

Тогда сказал его величество фараон Хуфу:

— Говорят, что еще ты знаешь планы тайных покоев святилища Тота.

И ответил Джеди:

— Хвала тебе, повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч! Я не знаю тех планов, но я знаю, где они хранятся.

Спросил его величество фараон:

— Где же они?

И ответил Джеди:

— В Гелиополе¹ есть покой, называемый «Хранилище записей». Там стоит ларец, высеченный из кремня. Хранятся они в том ларце.

Тогда сказал его величество фараон:

— Поди и принеси их мне!

Но Джеди ответил:

— О повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч! Не я принесу их тебе.

Спросил его величество фараон:

— Кто же принесет их мне?

И ответил Джеди:

— Тебе принесет их старший из троих детей, находящихся сейчас в чреве Раджедет. Он принесет их тебе!

Сказал тогда его величество фараон:

— Ну что ж, я, конечно, доволен, что он принесет их мне. Но скажи, кто она, эта Раджедет?

И ответил Джеди:

— Это жена Раусера, жреца бога Ра, владыки Сахебу². Она зачала от бога Ра, владыки Сахебу, трех детей. И сказал Ра, что дети ее будут властвовать над всей страной. А старший из них станет верховным жрецом в Гелиополе.

Когда услышал это его величество фараон, опечалилось сердце его. Но сказал ему Джеди:

— Из-за чего такая печаль, о повелитель, господин

¹ Г е л и о п о л ь — древнеегипетский город Ои; находился северо-восточнее Мемфиса и был центром культа бога солнца Ра.

² С а х е б у — местность близ Гелиополя.

мой, да будешь ты жив, здоров и могуч! Неужели из-за этих трех детей? Но послушай, что я скажу: вперед будешь править ты, потом твой сын, потом сын твоего сына, и только после него — один из них¹.

Спросил тогда его величество фараон:

— Когда же родит Раджедет?

И Джеди ответил:

— Она родит на пятнадцатый день первого зимнего месяца.

Сказал фараон:

— Значит, слуга, это будет как раз в то время, когда отмели на канале «Двух рыб» обнажатся?² Ведь иначе я мог бы сам отплыть на судне к храму бога Ра, владыки Сахебу!

Но Джеди ответил:

— Хорошо! Я сделаю так, чтобы над отмелями канала «Двух рыб» было в то время четыре локтя воды.

Поднялся его величество фараон, чтобы удалиться во внутренние покои дворца своего. И приказал он:

— Пусть отведут Джеди в дом сына моего Дидифгора! Пусть живет он там, и будет назначено ему в пищу тысяча хлебов, целый бык, сто кружек пива и сто связок лука.

И было сделано все, как приказал его величество.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРЕДСКАЗАНИЙ ДЖЕДИ

Пришел назначенный день, и начались у Раджедет боли. Трудными были роды ее. И тогда бог Ра, владыка Сахебу, повелел Исиде, Нефтиде, Месхент, Хекет и Хиуму:³

¹ В действительности после Хуфу правили его сыновья Джедефра и Хауфра, сын Хауфра Менкаура и, наконец, Шепсескаф, последний фараон IV династии. Однако в народной памяти сохранились воспоминания только о трех фараонах, строителях великих пирамид: о Хуфу, Хауфра и Менкаура.

² Канал «Двух рыб», очевидно, сильно наливший зимой, пересекал IX ном Нижнего Египта и смыкался с Каиовским устьем Нила.

³ И с и д а — в древнеегипетской мифологии богиня плодородия. Н е ф т и д а — богиня — покровительница города Диосполис Малого, сестра и жена злого бога Сета. М е с х е н т — богиня-покровительница рождения. Х е к е т — породительница всего сущего, изображавшаяся с головой лягушки. Х и у м — супруг Хекет, творец мира и людей, которых он вылепил, по поверью, на гончарном круге; он изображался с головой барана.

— Ступайте и помогите Раджедет разрешиться от бремени. В чреве ее три сына-правителя, и будут они править над всею страной. Они воздвигнут вам храмы, они снабдят пищей ваши алтари, они заполнят ваши жертвенные столы, они умножат приношения.

И вот превратились богини в танцовщиц-музыкантов и отправились в путь. А Хнум последовал за ними, неся их вещи. Так достигли они дома жреца Раусера и увидели, что стоит Раусер, не зная, что ему делать, и одежда его в беспорядке.

Протянули богини-танцовщицы свои ожерелья, трещотки и сестры к Раусеру, благославляя его. И сказал он им:

— Взгляните, пришельцы! Здесь есть женщина, и страдает она, ибо трудны ее роды!

И богини сказали:

— Покажи ее нам, ибо мы умеем облегчать роды.

Тогда он сказал:

— Заходите!

Вошли богини к Раджедет и заперлись вместе с нею в комнате.

Затем встала Исида перед роженицей, Нефтида позади нее, а Хекет ускорила роды.

И сказала Исида:

— Не будь сильным во чреве матери, Усеркаф!¹

И ребенок выскользнул ей на руки. Оказался он в локоть длиннот, и крепки были кости его. Члены его покрывало золото, а его головной платок был из чистого лазурита.

Отрезали ему пуповину, омыли его и, завернув в полотно, уложили на кирпичную лежанку. Мескент подошла к нему и сказала:

— Вот фараон, который будет властвовать над всей этой страной.

И Хнум даровал здоровье телу его.

Вновь встала Исида перед роженицей, Нефтида позади нее, а Хекет ускорила роды.

¹ Исида при рождении каждого ребенка произносит каламбур. Побуждая ребенка скорее явиться на свет, она наделяет его именем, соответствующим сказанной ею фразе. Усеркаф (буквально: «Сильнее его Ка») — имя первого фараона V династии. Далее идет Сахура — второй фараон V династии, от глагола «медлить, задерживаться», которого Исида просит не медлить в чреве матери, и Кеку — третий фараон V династии, от слова «ираке», которого Исида просит не оставаться во ираке чрева.

И сказала Исида:

— Не медли во чреве матери, и да будет Сахура имя твоё!

И второй ребенок выскользнул ей на руки. Оказался он в локоть длинной, и крепки были кости его. Члены его покрывало золото, а его головной платок был из чистого лазурита.

Отрезали ему пуповину, омыли его и, завернув в полотно, положили на кирпичную лежанку. Месхент подошла к нему и сказала:

— Вот фараон, который будет править над всей этой страной!

И Хнум даровал здоровье телу его.

Опять встала Исида перед роженицей, Нефтида позади нее, а Хекет ускорила роды.

И сказала Исида:

— Не оставайся во мраке чрева, и да будет Кеку имя твоё!

И третий ребенок выскользнул ей на руки. Оказался он в локоть длинной, и крепки были кости его. Члены его покрывало золото, а его головной платок был из чистого лазурита.

Отрезали ему пуповину, омыли его и, завернув в полотно, положили на кирпичную лежанку. Месхент подошла к нему и сказала:

— Вот фараон, который будет властвовать над всей этой страной.

И Хнум даровал здоровье телу его.

Так помогли они Раджедет разрешиться от бремени тремя сыновьями и вышли из дому. И сказали они жрецу:

— Возрадуйся, Раусер! Посмотри, трое детей родилось у тебя!

И ответил он им:

— Что могу я сделать для вас? Чем я вас награжу? Вот мешок зерна — пусть возьмет его ваш носильщик. Приготовьте себе пива из этого зерна!

Взвалил Хнум мешок с зерном себе на спину, и все вместе они вернулись туда, откуда пришли. Но тут сказала Исида:

— Как же так получилось, что мы ушли, не сотворив для этих детей никакого чуда, о котором мы могли бы поведать их истинному отцу, богу Ра, пославшему нас?

И вот они сделали три диадемы фараона и спрятали

их в мешок с зерном. Потом повелели они, чтобы небо низверглось на землю грозой и ливнем. Словно застигнутые непогодой вернулись они в дом Раусера и сказали ему:

— Разреши нам оставить этот мешок с зерном в твоём доме. Запечатай его в кладовой, и пусть он хранится там, пока мы не вернёмся с севера, куда отправляемся танцевать.

И они положили мешок с зерном в кладовую, а дверь ее запечатали.

Но вот очистилась Раджедет после родов четырнадцатидневным очищением¹ и призвала служанку. Спросила она служанку:

— Довольно ли в доме припасов?

И та ответила:

— В доме довольно всех лучших припасов, и не хватает только сосудов с зерном, ибо их еще не доставили.

Спросила Раджедет:

— Почему же не доставили сосуды с зерном? Из чего мы будем варить пиво?

И служанка ответила:

— У нас не из чего варить пиво. Есть только один мешок с зерном, но принадлежит он танцовщицам и хранится в кладовой под их печатью.

Приказала тогда Раджедет:

— Спустись в кладовую и принеси немного зерна. Раусер возместит его танцовщицам, когда вернется.

Служанка спустилась вниз и отперла кладовую. Но едва вошла она, как услышала пение, музыку, шум и возгласы ликования — все, что слышишь, когда приветствуют фараона.

Вернулась служанка к Раджедет и рассказала ей о том, что она слышала. Тогда Раджедет сама пришла в кладовую. Она обошла всю комнату, но не могла понять, откуда доносятся эти звуки. Но вот приложила она ухо к мешку с зерном и слышала, что звуки доносятся изнутри.

Положила Раджедет мешок с зерном в сундук, а сундук поместила в ларь и обвязала его ремнями. Этот ларь поставила она в комнату, где хранились все ее вещи, и дверь заперла.

Когда Раусер вернулся домой, Раджедет рассказала ему

¹ Четырнадцатидневное очищение. — В Древнем Египте женщина после родов считалась нечистой и должна была «очищаться» в течение четырнадцати дней.

обо всем. Обрадовался он беспредельно! Они сели рядом и вместе провели этот счастливый день.

Но вот прошло после этого еще немного дней. Раджедет повздорила со своей служанкой и приказала ее побить. Сказала тогда служанка тем, кто был в доме жреца:

— Как смеет она поступать так со мной? Я ведь знаю: она родила трех фараонов! Вот пойду и все расскажу его величеству фараону Хуфу!

Отправилась служанка в путь и повстречала своего старшего брата от одной матери¹. Он вязал на гумне снопы льна. Спросил он служанку:

— Куда это ты отправилась, девочка?

И она рассказала ему все, что было.

Но брат ей сказал:

— Для чего ты сделала это? Для чего ты пришла и рассказала мне это? Неужели ты думаешь, что я вместе с тобой пойду доносить?

Схватил он пучок льна и жестоко избил ее.

Погнавшись служанка к реке, чтобы достать себе воды. Но тут схватил ее крокодил.

А брат служанки пошел к Раджедет, чтобы рассказать ей обо всем. Он увидел, что сердце ее полно скорби: она сидела недвижимо, склонив голову на колени.

Спросил ее брат служанки:

— Госпожа, чем ты так опечалена?

И ответила Раджедет:

— Эта девочка выросла в моем доме. А теперь она сказала: «Я донесу на тебя!» — и убежала.

Склонил брат служанки голову и проговорил:

— Госпожа, она пришла ко мне, остановилась передо мной и рассказала мне все, что было. Но тогда я жестоко избил ее. Отправилась она к реке, чтобы достать себе немного воды, но там ее схватил крокодил.

* * *

Но в тот же назначенный день, когда начались у Раджедет боли и родила она трех сыновей, его величество фараон Хуфу узнал об этом. Было это в пятнадцатый день первого зимнего месяца, как предсказывал Джеди.

¹ В Древнем Египте у слуг, первое рабов, могли быть разные отцы, и родство считалось по матери.

И вот повелел его величество фараон снарядить суда. Задумал он посетить храм бога Ра, владыки Сахебу, и сам все увидеть. Повелел он призвать к себе Джеди и сказал ему:

— Ты отправишься вместе со мной, ибо отмели на канале «Двух рыб» обнажились, а ты обещал сделать так, что над ними будет четыре локтя воды.

И ответил Джеди:

— О повелитель, господин мой, да́ будешь ты жив, здоров и могуч! Я поеду с тобой и сделаю так, если боги дозволят.

И вот отплыли они, и Джеди плыл на барке его величества фараона. Когда достигли суда канала «Двух рыб», увидели все, что отмели обнажились и дальше продвинуться невозможно. Тогда его величество фараон призвал Джеди и повелел:

— Исполни обещанное!

И Джеди начал произносить над водой магические заклинания. По слову его вода в канале «Двух рыб» поднялась и покрыла отмели слоем в четыре локтя. И суда фараона двинулись дальше.

Но тогда бог Ра, владыка Сахебу, призвал Исиду, Нефтиду, Меххент, Хекет и Хнума и повелел им:

— Сделайте так, чтобы десница фараона Хуфу не коснулась детей моих, ибо им надлежит властвовать над всей этой страной.

И они отправились в путь. Увидели они суда фараона Хуфу на канале «Двух рыб». И сказала Исида:

— Покажем фараону Хуфу, что желание его противно богам. Осушим канал!

И они осушили канал. Внезапно ушла вся вода, и суда фараона очутились словно в пустыне.

Ужаснулся его величество фараон и велел призвать к себе Джеди. Спросил он его:

— Где же власть твоя? Что означает это?

И ответил Джеди:

— О повелитель, господин мой, да́ будешь ты жив, здоров и могуч! Я открыл тебе тайну грядущего, а ты захотел изменить его. Но не в силах никто изменить предначертанья богов. Боги тебе говорят: «Вернись! И да не коснется десница твоя детей Раджедет!»

И сказал тогда Хуфу:

— Пусть свершится воля богов.

В тот же миг воды вновь наполнили канал «Двух рыб». И его величество фараон Хуфу благополучно вернулся в свой дворец.

Прошло предсказанное время, и все исполнилось, как говорил мудрый Джеди. После фараона Хуфу, чей голос правдив, правил его сын Хауфра, чей голос правдив, за ним — сын его сына Менкаура, чей голос правдив, и только после него — дети бога Ра, владыки Сахебу, и жены жреца Раджедет.

Хитроумный полководец Джхути

Рассказывают, что был некогда в Египте полководец по имени Джхути. Он сопровождал фараона Менхеперра¹ во всех его походах в страны Юга и Севера, он сражался во главе своих солдат, он постиг все военные хитрости и получил немало наград за свою отвагу, ибо он был превосходным полководцем и не было равных ему во всей стране.

И вот однажды прибыл ко двору фараона гонец из страны Хару². Привели его к фараону, и спросил его величество:

— Кто послал тебя? Для чего пустился ты в путь?

¹ Менхеперра — тронное имя фараона XVIII династии Тутмоса III, правившего в 1525—1473 гг. до н. э. В результате его походов границы Египта были расширены на севере до излучины р. Евфрата, а на юге — до четвертого порога Нила.

² Страна Хару — Сирия.

И ответил гонец фараону:

— Наместник стран Севера послал меня. Вот что сказал он: «Побежденный тобою правитель Яффы восстал против твоего величества. Он убил солдат твоего величества. Он истребил твои колесницы, и никто не может устоять против него».

Когда услышал эти слова фараон Менхеперра, гнев охватил его, и в гневе стал он подобен леопарду. И сказал фараон:

— Клянусь жизнью и милостью ко мне бога Ра, клянусь любовью ко мне отца моего Амона, я разрушу город побежденного из Яффы, и познает он тяжесть десницы моей!

И вот созвал фараон своих семеров, полководцев, а также писцов и повторил им известие, которое прислал ему наместник стран Севера. Но все они как один молчали, ибо не знали, что отвечать.

Сказал тогда полководец Джхути:

— О ты, кому вся земля воздает почести! Прикажи дать мне твой великий жезл. Прикажи дать мне солдат твоего величества и колесницы с лучшими из храбрецов Египта. И тогда я убью побежденного из Яффы и захвачу его город.

И воскликнул его величество фараон:

— Превосходно, превосходно то, что сказал ты нам!

И вручили Джхути великий жезл фараона Менхеперра и дали ему солдат и колесницы с лучшими из храбрецов Египта, как он просил.

И вот через много дней Джхути со своими людьми прибыл в страну Хару. Здесь приказал он изготовить двести больших корзин, а также множество пут, цепей и деревянных колодок. Кроме того, приказал он выковать медные оковы для ног весом в четыре немеса¹.

Когда все было изготовлено, послал полководец Джхути гонца к побежденному из Яффы, чтобы сказать ему:

— Я, Джхути, полководец земли Египта. Сопровождал я фараона во всех его походах в страны Юга и Севера и получал немало наград за свою отвагу. И вот стал фараон завидовать моей храбрости и задумал меня убить. Но сплелся я и ушел от него, унося с собою великий жезл фараона Менхеперра. Спрятал я его в корзине с кормом для лошадей моих. Если ты желаешь, я отдам его тебе, а сам

¹ Немес — мера веса в Древнем Египте.

останусь с тобой, и со мной мои воины — лучшие из храбрых Египта.

Когда услышал эти слова побежденный из Яффы, возликовал он, ибо знал, что доблестен полководец Джхути и нет ему равных на всей земле. И послал он к Джхути гонца, чтобы сказать:

— Приходи ко мне! Я приму тебя как брата и дам тебе надел, наилучший из земель страны моей.

Сам побежденный из Яффы вышел навстречу Джхути со своими телохранителями, а также с женщинами и детьми из города своего. Повел он Джхути в свой лагерь, но ни воинов Джхути, ни их коней он с собою не взял.

• • •

В лагере с побежденным из Яффы было сто двадцать сирийских воинов, обильно снабженных пищей и кормом для их коней в плетеных сосудах наподобие корзин. Увидел это Джхути и попросил:

— Прикажи накормить и солдат фараона, ибо лица их печальны от голода.

И побежденный из Яффы сделал так, как он просил.

Потом сели они пировать, и через час, когда оба были уже пьяны, Джхути сказал побежденному из Яффы:

— Пока я сижу здесь с женщинами и детьми города твоего, прикажи, чтобы воины твои впустили мои колесницы и накормили коней. Если хочешь, пусть каждую из них введет какой-нибудь раб-чужестранец.

И вот колесницы ввели в лагерь и коням задали корм. Вместе с колесницами прибыл в лагерь и великий жезл фараона Менхеперра. Пришли к Джхути и сообщили ему об этом. Услышал это побежденный из Яффы и сказал Джхути:

— Хочу я увидеть великий жезл фараона Менхеперра! Клянусь Ка фараона Менхеперра, он уже здесь у тебя, этот великий жезл. Принеси его мне!

И полководец Джхути сделал так, как он просил, и принес великий жезл фараона Менхеперра. Приблизился он к побежденному из Яффы, схватил его за одежды и сказал:

— Взгляни на меня, о побежденный из Яффы! Вот великий жезл фараона Менхеперра, яростного льва, сына Сохмет, да укрепит Амон десницу его!

Тут поднял Джхути руку свою и ударил побежденного из Яффы жезлом в висок. Упал побежденный из Яффы навзничь. Надел ему Джхути на шею колодку, связал его кожаными путами и приказал принести предназначенные для поверженного оковы из меди. И надели ему на ноги оковы весом в четыре немеса.

Затем приказал Джхути принести двести корзин, которые он велел изготовить заранее. Двумстам солдатам приказал он усесться в них. Дали им колодки и путы, а также дали им их сандалии и оружие и запечатали корзины печатами. Повелел Джхути нести корзины наилучшим солдатам своим, а всего их было пятьсот человек¹. И сказал им Джхути:

— Когда войдете вы в город, выпустите ваших товарищей из корзины, схватите всех жителей города и тотчас же свяжите их!

После этого вышел один воин Джхути из лагеря и сказал колесничему побежденного из Яффы:

— Вот слова твоего господина, ступай и скажи их своей госпоже: «Возрадуйся! Бог наш Сутех отдал нам в руки Джхути вместе с женой его и детьми его! Смотри, мой лик обратил в рабов его воинов!» Так скажешь ты ей об этих двухстах корзинах, в которых сидят солдаты в колодках и путах.

И отправился колесничий в город впереди воинов Джхути, дабы усладить сердце госпожи своей.

Сказал он ей:

— Мы захватили Джхути!

И вот открыли ворота города перед солдатами, и они вошли внутрь. Освободили они своих товарищей из корзины и стали хватать жителей города, молодых и старых. Тотчас же надели они на них колодки и связали путами.

Так десница мощная фараона, да будет он жив, здоров и могуч, простерлась над городом.

Ночью Джхути послал гонца к фараону Менхеперра, да будет он жив, здоров и могуч. И гонцу велел он сказать:

«Да возрадуется сердце твое! Амон, благой твой отец,

¹ Каждые две корзины со спрятанными в них солдатами несли три воина: один впереди, второй посредине, между двумя связанными корзинами, и третий позади. Таким образом всего в город направилось пятьсот воинов.

отдал в руки тебе побежденного из Яффы со всеми людьми его и городом его. Пришли нам людей, дабы отвести пленных и наполнить храм владыки богов Амона-Ра рабынями и рабами, которые склонятся в прах под ноги твои отныне и навсегда».

Здесь счастливо завершается рассказ, как его записал от начала до конца писец с умелыми пальцами, писец войска фараона.

Обреченный сын фараона

Рассказывают, что жил некогда в Египте фараон, и не было у него наследника. Тогда обратился он с мольбою к богам времени своего, и они повелели, чтобы у него родился сын.

Эту ночь фараон провел со своей женой, и она понесла. А когда прошли месяцы, родился у нее сын. И вот пришли семь Хатор¹, чтобы предсказать судьбу его. И сказали они:

— Погубит его крокодил, или змея, или собака.

Услышали это люди, которые были рядом с ребенком, и передали слова Хатор его величеству фараону, да будет он жив, здоров и могуч. Всем сердцем опечалился его ве-

¹ Семь Хатор. — По верованиям древних египтян, богиня Хатор воплощалась в образы семи богинь — предсказательниц судьбы.

личество, да будет он жив, здоров и могуч. И приказал его величество, да будет он жив, здоров и могуч, воздвигнуть в пустыне для сына своего дворец из камня. Доставили туда слуг и всевозможные превосходные вещи из дворца фараона, чтобы ребенок жил там и не выходил наружу.

Но вот мальчик подрос. Взошел он однажды на крышу дворца своего и увидел вдали собаку, бежавшую за человеком, который шел по дороге. Спросил тогда мальчик слугу, который стоял с ним рядом:

— Кто это бежит за человеком, который идет по дороге?

И слуга ответил:

— Это собака.

Сказал тогда мальчик:

— Пусть приведут мне такую же!

Отправился слуга к фараону, да будет он жив, здоров и могуч, и передал ему эти слова. И повелел его величество, да будет он жив, здоров и могуч:

— Пусть принесут ему маленького щенка, чтобы не печалилось сердце его.

И мальчику принесли щенка.

Прошло после этого много дней. Вырос юноша, возмужало тело его. И однажды послал он слугу к отцу своему и повелел ему передать такие слова:

— Какой толк от того, что я сижу здесь без дела? Ведь я все равно обречен: три судьбы угрожают мне. Дозволь же мне поступить по своему желанию, пока бог не свершит то, что задумал.

Тогда запрягли для него колесницу, снабдили его всевозможным оружием и дали ему слугу. Потом переправили его на восточный берег Нила и сказали ему:

— Теперь поезжай, куда сам захочешь!

И вот он направился к северу по желанию своему, и собака его тоже последовала за ним. Он пересек пустыню, питаясь дичью песков. И так добрался он до земель правителя Нахарины¹.

Не было у правителя Нахарины детей. Родилась у него одна только дочь, и для нее построил он башню, окна которой отстояли на семьдесят локтей от земли.

¹ На х а р и н а — область, расположенная между Тигром и Евфратом в их верхнем течении. В данном случае — северная часть Сирии к востоку от Ливанского хребта.

И вот повелел он призвать сыновей всех сирийских правителей и сказал им:

— Дочь моя станет женой того, кто допрыгнет до ее окна.

Прошло после этого много дней. Каждый день сыновья правителей Сирии пытались допрыгнуть до того окна. Проходил юноша мимо и увидел их. Пригласили они его в свой дом, омыли его и дали корму его коням. Они сделали для юноши все, что могли: они умастили его, они перевязали израненные ноги его, они накормили его слугу. Потом заговорили они с юношей и спросили его:

— Откуда идешь ты, прекрасный юноша?

И он им ответил:

— Я сын офицера из земли египетской. Мать моя умерла, и отец взял себе другую жену. Но мачеха невзлюбила меня, и вот я бежал, чтобы спастись от нее.

Тогда они обняли его и поцеловали.

Прошло после этого много дней, и однажды спросил их юноша:

— Что вы здесь делаете?

Ответили они:

— Вот уже полных три месяца мы здесь счастье пытаем, ибо сказали нам, что тот, кто допрыгнет до окна дочери правителя Нахарины, получит ее в жены.

И сказал он им:

— Ах, если бы ноги мои не болели, я бы пошел вместе с вами!

Потом отправились они к башне и стали прыгать, как обычно. А юноша стоял поодаль и смотрел. И вот заметила его дочь правителя Нахарины, и лицо ее обратилось к нему.

Прошло после этого еще много дней, и однажды отправился юноша вместе с сыновьями правителей Сирии к башне и тоже стал прыгать. Прыгнул он и достиг окна дочери правителя Нахарины. Она обняла его и поцеловала.

Весть об этом передали правителю Нахарины, чтобы обрадовать сердце его. Сказали ему:

— Один человек достиг окна твоей дочери.

Обратился к вестнику правитель Нахарины и спросил его:

— Сын какого правителя тот человек?

Ответил вестник:

— Это сын офицера, который бежал из земли египетской, спасаясь от своей мачехи.

Охватил тут великий гнев правителя Нахарины, и сказал он:

— Разве отдам я дочь свою этому беглецу из Египта? Пусть возвращается, откуда пришел!

Пошли вестники к юноше и сказали ему:

— Возвращайся туда, откуда пришел!

Но тут дочь правителя Нахарины остановила вестника и сказала ему:

— Клянусь вечностью Ра-Горахути!¹ Если отнимут его у меня, не стану я пить, не стану есть и умру в тот же час!

Тогда вестник вернулся и сообщил обо всем, что она сказала, ее отцу. Отправил отец людей туда, где был юноша, чтобы убить его. Но сказала дочь правителя Нахарины:

— Клянусь Ра! Если убьют его, я тоже умру на заходе солнца! Я и на час не переживу его!

Пошли и сказали об этом отцу. И тогда повелел он привести к нему юношу и свою дочь. Предстал юноша перед правителем Нахарины, и тот проник к нему благосклонностью. Он обнял и поцеловал его. А потом сказал он ему:

— Поведай мне о себе! Ведь ты мне теперь словно сын!

И сказал ему юноша:

— Я сын офицера из земли египетской. Мать моя умерла, и отец взял себе другую жену. Но мачеха невзлюбила меня, и вот я бежал, чтобы спастись от нее.

Тогда отдал ему правитель Нахарины свою дочь в жены, подарил ему дом и поля, а также стада скота и всякие превосходные вещи.

Прошло после этого еще много дней, и однажды сказал юноша своей жене:

— Три судьбы предназначены мне: погубит меня крокодил, или змея, или собака.

И тогда сказала она:

— Прикажи убить собаку свою, которая следует за тобой.

Но ответил юноша:

— Неразумно это! Я не дам убить собаку мою, которую взял еще маленькой и сам вырастил.

Тогда жена начала оберегать своего супруга с величайшей заботой; она никуда не давала ему выходить одному.

¹ Ра-Горахути (Горахути — «Гор горизонта» — одно из воплощений бога солнца Гора; иногда с ним ассимилировался бог Ра в образе единого бога.

Но уже в тот день, когда юноша покинул землю Египта и отправился странствовать, крокодил, предназначенный ему судьбою, последовал за ним и нигде не отставал от него. Он поселился в реке возле города, в котором жил юноша со своею женой. Но в той же реке обитал водяной дух. Он не давал крокодилу выходить из реки, и крокодил не давал водяному духу выходить для прогулок на берег. И когда всходило солнце, поднимались оба врага и начинали сражаться. Так сражались они каждый день полных три месяца.

Прошло еще много дней. Однажды юноша сел пировать и провел приятный день в своем доме. Когда вечерний ветер утих¹, юноша лег на ложе свое, и сон сковал его тело. А жена наполнила одну чашу вином, а другую чашу пивом и поставила их возле него.

И вот выползла из норы змея, чтобы укусить юношу. Но его жена сидела подле него и не спала. Тут чаши с вином и пивом привлекли змею. Выпила она все и опьянела; перевернувшись она брюхом кверху и заснула. И жена изрубила ее топором.

Потом разбудила она своего супруга, показала ему змею и сказала:

— Смотри! Твой бог отдал тебе в руки одну из трех твоих судеб. Он охранит тебя и от двух остальных.

Принес юноша жертвы богу Ра и стал славить его и восхвалять каждый день.

Прошло после этого еще много дней, и однажды, чтобы развлечься, отправился юноша погулять по своим владениям. Но жена его с ним пойти не смогла. Только собака его последовала за ним.

И вот обрела собака дар речи и сказала юноше:

— Я судьба твоя!

Тогда юноша побежал от нее. Достиг он реки и бросился в воду, чтобы уйти от собаки. Здесь увидел его крокодил и схватил.

Потащил его крокодил в то место, где пребывал обычно водяной дух, но того там не было. И тогда сказал крокодил юноше:

— Я твоя судьба. Я последовал сюда за тобой. Но вот

¹ Вечерний ветер. — Ветер обычно дует в Египте весь день, а к вечеру, когда спадает жара, стихает. Автор по аналогии переносит на Сирию, где происходит действие, климатические особенности Египта.

уже полных три месяца я сражаюсь здесь с водяным духом. Я готов отпустить тебя, если ты сразишься с ним, когда он вернется. Если ты боишься меня и хочешь спастись, убей водяного духа! Ты увидел собаку, и ты испугался. Посмотри же теперь на крокодила!

И вот озарилась земля и наступил новый день, когда водяной дух должен был вернуться.

* * *

Сказал тогда крокодил юноше:

— Скоро явится водяной дух. Полных три месяца не давал он мне выйти на берег и схватить тебя. Но теперь я готов тебя отпустить, если ты убьешь его.

Но сказал юноша:

— Как могу я убить того, кто защищал меня?

Разгневался крокодил и сказал:

— Тогда пусть свершится твоя судьба! Если ты до захода солнца не поклянешься убить водяного духа, ты увидишь смерть.

Услыхала эти слова собака. Побежала она к дому хозяина и нашла там его жену, дочь правителя Нахарины. Пребывала она в слезах и печали, потому что муж ее не вернулся домой. И когда увидела она, что собака вернулась одна, без хозяина, громко зарыдала дочь правителя Нахарины и посыпала голову прахом, как жена, чей муж уже умер.

Но собака схватила ее за одежды и повлекла к порогу. Не отпускала она дочь правителя Нахарины и понуждала следовать за собой.

Тогда осушила дочь правителя Нахарины слезы, взяла топор, которым она убила змею, и последовала за собакой. Привела ее собака в то место, где лежал в воде крокодил, и жена увидела своего мужа во власти крокодила. И услышала она, как сказал крокодил ее мужу:

— До захода солнца осталось немного, и вон уже возвращается водяной дух. Если ты не поклянешься убить водяного духа, ты увидишь смерть.

Тогда жена поспешила навстречу водяному духу и сказала ему:

— Приходи скорее! Ибо схватил крокодил моего мужа, и если ты не придешь до захода солнца, он увидит смерть.

И вот водяной дух вернулся в то место, где был кро-

кодил, еще до захода солнца. Увидел его крокодил и хотел убить юношу. Но сказал ему юноша:

— Солнце еще не зашло, смотри! Ты обещал не убивать меня до захода солнца.

И крокодил ответил:

— Я убью водяного духа, но когда зайдет солнце, свершится твоя судьба.

И он оставил юношу. Тут приблизился водяной дух и схватил крокодила. А жена юноши ударила крокодила топором прямо в голову и поразила его. И водяной дух увлек крокодила на дно.

Сказала тогда дочь правителя Нахарины:

— Смотри! Твой бог отдал тебе в руки вторую из трех твоих судеб. Он охранит тебя и от последней.

И юноша принес жертвы богу Ра и стал славить и восхвалять его каждый день.

Прошло после этого еще много дней. И вот сыновья сирийских правителей вторглись в страну. Завидовали они, что дочь правителя Нахарины досталась не им, а сыну простого офицера из земли египетской. Пришли они со множеством солдат и боевыми колесницами, и рассеяли они войско правителя Нахарины. Они оттеснили его с пастбищ и от колодезей, они взяли город его и угнали его стада, они опустошили его страну и захватили добро побежденного. Они взяли в плен самого правителя Нахарины, но ни дочь его, ни юношу нигде найти не могли.

Тогда спросили правителя Нахарины сыновья сирийских правителей:

— Где твоя дочь? Где сын офицера из земли египетской, которому ты отдал ее в жены?

И ответил им правитель Нахарины:

— Они отправились вместе охотиться на лучшую дичь пустыни.

Тогда сказали сыновья сирийских правителей:

— Мы пойдем в разные стороны и будем искать беглеца из земли египетской и его жену. Кто найдет их, пусть убьет египтянина и возьмет себе в жены дочь правителя Нахарины.

Так сказали они и отправились в путь, в сторону востока и в сторону запада, в сторону юга и в сторону севера.

Прошло после этого еще много дней, и вот те, кто направился в сторону юга, достигли границ Египта. Пришли они в то место, где охотился юноша со своею женой. Но

водяной дух заметил их и слышал их речи. Тогда поспешил он к юноше и сказал ему:

— Спасайся! Ищут тебя сыновья сирийских правителей. Если они найдут тебя, увидишь ты смерть, а супруга твоя станет женой одного из них. Спасайся! Их много, а ты один. И я не могу помочь тебе, как ты мне помог, когда я убил крокодила, ибо на земле я бессилен.

И водяной дух удалился.

Тогда юноша позвал свою жену; они ушли в горы и спрятались там в пещере.

Собаку свою юноша тоже взял в пещеру. И так прятались они два дня и две ночи.

На третий день сыновья сирийских правителей пришли в горы со множеством воинов. Они прошли мимо пещеры, и никто не заметил ее. Но когда последний воин проходил мимо, собака вырвалась из рук юноши и залаяла. Она выскочила из пещеры и схватила воина. И тут сыновья сирийских правителей узнали собаку.

Устремились они в пещеру. Они метнули в юношу свои боевые топоры и дротики один за другим. Но встала тут дочь правителя Нахарины и заслонила мужа. Поразил ее дротик, упала она на землю и умерла.

Разъярились сыновья сирийских правителей и в гневе стали подобны леопардам. Все вместе напали они на юношу, но сразу одолеть его не смогли. У него был меч, и собака его сражалась вместе с ним. Он поразил мечом одного, а другого свалила собака. Но тут все остальные бросились к ним: они убили собаку и пронзили юношу множеством копий.

Потом вынесли они тела юноши и его жены из пещеры и бросили на растерзание диким зверям. А сами они ушли, чтобы соединиться с товарищами и поделить между собой владения правителя Нахарины.

И вот, когда они удалились, юноша приоткрыл глаза. Он увидел рядом свою жену и увидел, что она мертва. Тогда застонал он и проговорил:

— Предсказали мне Хатор, что погубит меня крокодил, или змея, или собака. И вот моя собака предала меня и погубила. Свершилась моя судьба! И пусть я увижу смерть, потому что без моей жены не хочу я жить!

Потом он воздел руки к небу и сказал:

— Не совершил я ничего не дозволенного богами! Неужели великие боги не смилуются сейчас надо мной? Да

сделают они так, чтобы тело мое погребли в Египте, и да будут они моими заступниками перед судьями в царстве мертвых!

Упал юноша рядом со своею женой и умер.

Но боги Эннеады услышали его мольбу. И сказал тогда Ра-Горахути:

— Свершилась его судьба. Дадим им теперь новую жизнь. Надо вознаградить их за верность!

И все боги согласились с ним.

Тогда семь Хатор приблизились к юноше и его жене и сказали:

— Свершилась ваша судьба. Пробудитесь для новой жизни!

Одна из богинь прикоснулась к их сердцам, и они забились. Другая прикоснулась к их ногам, и они встали. Третья прикоснулась к их глазам, и они увидели друг друга. Четвертая прикоснулась к их устам, и они заговорили. Пятая прикоснулась к их рукам, и они обнялись. Шестая прикоснулась к их ноздрям, и дыхание жизни вернулось к ним. А седьмая даровала им здоровье и долгую жизнь до дня погребения и соединения с землей.

И сказал тогда юноша своей жене:

— Принесем жертву богам и восславим их! Все три судьбы они отдали мне в руки.

И они принесли великую жертву богам и стали восхвалять их и славить.

Потом сказал юноша своей жене:

— Я не тот, за кого себя выдавал. Теперь, когда свершилась моя судьба, я откроюсь тебе. Я сын фараона, владыки престола Египта. Но ты полюбила меня, как простого беглеца из земли египетской, и я видел твои достоинства. Теперь станешь ты женою властителя, ибо верность твоя велика, и сердце мое склонилось к тебе.

Так сказал он жене своей, и они отправились в Египет. Достигли они дворца фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и предстали перед ним. И возликовал его величество, когда увидел сына своего и узнал, что все три его судьбы свершились. Он сделал его своим соправителем. Он назвал дочь правителя Нахарины женой фараона. Он дал ей имя «Возрожденная верность».

Потом снарядил он большое войско со множеством боевых колесниц. Он поставил во главе войска сына своего и послал его в Сирию.

Достиг сын фараона со своими воинами границы Сирии, и рассеял он войско сирийских правителей. Он взял их города, он опустошил их страну и захватил их добро. Он освободил правителя Нахарины и вернул ему все его владения.

А потом сын фараона вернулся в Фивы. Он принес великую жертву Амону-Ра — царю всех богов, и радовались люди по всей стране.

Со своею женою дожил он до счастливого возраста в сто десять лет. А когда пришел час их соединения с землею, положили их вместе в городе вечности.

Гиксосский царь Апопи и фараон Секненра

Случилось однажды так, что земля египетская попала в беду. Ни один из правителей не был полновластным владельцем в те дни. В Южном Городе, в Фивах, правителем был фараон Секненра¹. А беда великая поселилась в Аварисе², ибо правителем этого города стал гиксос Апопи. Всю страну обложил он данью, заставил он Юг присылать ему дары, заставил он Север отдавать ему наилучшие плоды Нижнего Египта.

¹ С е к н е н р а — фараон XVII династии, начавший и возглавивший ок. 1600 г. до н. э. войну египтян с гиксосами — азиатскими племенами, которые захватили Египет около 1700 г. до н. э. Найденная мумия Секненра со следами смертельных ранений доказывает, что он, видимо, погиб в одном из сражений с гиксосами.

² А в а р и с — город в восточной части Дельты, где находилась резиденция гиксосских царей.

Своим покровителем царь Алопи избрал бога Сета¹. Рядом с дворцом своим он воздвиг богу Сету прекрасный храм вековой работы. В этот храм приходил царь Алопи каждый день и во славу Сета закалывал жертвенных животных. И все его приближенные, украшенные венками, вместе с ним приходили в тот храм, словно в храм великого бога Ра-Горахути.

Царю Алопи давно хотелось унижить правителя Южного Города фараона Секнебра. Задумал он послать ему враждебное слово.

Прошло после этого много дней. И вот однажды повелел царь Алопи призвать к нему ученых писцов и мудрейших вельмож своего дворца. Повелел им царь составить такое послание, чтобы унижить правителя Южного Города, расположенного выше по Нилу.

Долго думали ученые писцы и знатные вельможи. И, наконец, сказали они:

— О господин наш, владыка! Есть в Южном Городе источник, а при нем — водоем бегемотов. Не смолкают те бегемоты ни днем, ни ночью, отгоняя сон. Скажи, что от этих бегемотов стоит шум, что доносится он даже до ушей жителей нашего города. Пусть правитель Южного Города заставит их замолчать! А если он этого не исполнит, посмотрим, кто его защитит! Ведь он почитает лишь своего бога Амона-Ра, повелителя всех богов, и больше ни на одно божество во всей стране не полагается!

Прошло после этого еще много дней, и вот царь Алопи отправил правителю Южного Города послание, в соответствии с тем, что ему посоветовали ученые писцы.

Когда посланец царя Алопи прибыл в Южный Город, его отвели к правителю Южного Города. Спросил фараон Секнебра посланца царя Алопи:

— Для чего ты был послан к нам в Южный Город? Для чего ты проделал такой дальний путь?

На это ответил ему посланец:

— Меня отправил к тебе царь Алопи, чтобы я передал тебе такие слова: «Пусть бегемоты оставят свой водоем, что при источнике Южного Города, ибо они не дают царю

¹ С е т — древнеегипетский бог, считавшийся братом и убийцей бога плодородия Осириса. Сет почитался, в частности, на востоке Дельты и во время Нового Царства отождествлялся с богами азиатов.

Апопи заснуть ни днем, ни ночью, и шум от них стоит в ушах жителей его города».

Услышав такие слова, правитель Южного Города долгое время пребывал в изумлении. Он не знал даже, что ответить на такую речь посланца царя Апопи. И, наконец, правитель Южного Города обратился к нему и сказал:

— Неужели твой владыка слышит шум из водоема бегемотов, что при источнике Южного Города?

На это ответил ему посланец царя Апопи:

— Я передал тебе те слова, с которыми царь отправил меня в Южный Город.

Тогда повелел правитель Южного Города снабдить посланца царя Апопи всем, что потребуется, чтобы он ни в чем не имел нужды. Он повелел накормить его мясом, масляными медовыми пирожками и прочими превосходнейшими яствами.

После этого правитель Южного Города призвал посланца царя Апопи и сказал:

— Ты передашь своему владыке мои слова, а я свое слово сдержу. Передай ему: «Я прогоню бегемотов из водоема, что при источнике Южного Города».

Посланец царя Апопи собрался в дорогу и отбыл туда, где пребывал его владыка.

А правитель Южного Города тотчас велел созвать всех своих знатнейших вельмож и всех прославленных воинов. Он пересказал им послание, которое направил ему царь Апопи, и спросил совета. Но все молчали, не зная, что ответить. Никто не мог ничего сказать, ни хорошего, ни дурного.

Тем временем царь Апопи отправил в Южный Город второго посланца.

• • •

Прибыл посланец в Южный Город, и его отвели к правителю Южного Города. Спросил фараон Секненра посланца царя Апопи:

— Для чего ты прибыл к нам в Южный Город? Для чего ты проделал столь дальний путь? Я ведь сказал, что прогоню бегемотов из водоема, что при источнике Южного Города, чтобы шумом своим они никому не мешали спать. И я сдержал свое слово!

На это ответил ему посланец:

— Меня отправил к тебе царь Апопи, чтобы я передал тебе такие слова: «Пусть правитель Южного Города заста-

вит замолчать всех бегемотов, изгнанных им из водоема, что при источнике Южного Города! Ибо те бегемоты плавают по Нилу, плещутся и кричат. Они не дают царю Апопи заснуть ни днем, ни ночью, и шум от них стоит в ушах жителей его города».

Услышав такие слова, еще больше изумился правитель Южного Города. Долго не знал он, что ответить, и, наконец, сказал посланцу царя Апопи:

— Неужели твой владыка действительно хочет, чтобы я заставил всех бегемотов в Ниле не плескаться и не кричать?

На это ответил ему посланец царя Апопи:

— Я передал тебе те слова, с которыми отправили меня в Южный Город.

Тогда разъярился фараон Секненра подобно морю. Он повелел удалить посланца и созвал всех своих знатнейших вельмож и всех прославленных воинов. Он пересказал им послание, которое направил ему царь Апопи, и спросил совета. И ответили ему его вельможи и воины:

— О господни наш, владыка! Видно, гиксос Апопи хочет нас унижить такими посланиями. Видно, хочет он надругаться над славой твоей и над могуществом бога твоего Ра-Горахути. Не допусти этого! Пришел час покарать этого гиксосу-зната!

И тогда изрек правитель Южного Города:

— То, что сказали вы, справедливо!

Он призвал посланца царя Апопи и сказал ему:

— Ты передашь своему владыке мои слова, а я свое слово сдержу. Передай ему: «Ты хотел унижить меня своими посланиями, но мой бог, великий бог Ра-Горахути, этого не допустит. Если бегемоты не дают тебе спать ни днем, ни ночью и шум от них стоит в ушах жителей твоего города, сам уговаривай их не плескаться и не кричать! Я же отныне не стану принимать твои послания и не стану слать тебе дани. Не жди большие даров с юга! Я не дам тебе надругаться над могуществом бога моего Ра-Горахути!»

Великий страх овладел посланцем царя Апопи. Немедля собрался он в путь и отправился к своему владыке.

Когда царь Апопи узнал, какие слова повелел передать ему фараон Секненра, разъярился он подобно морю, разбушевываясь, как самум в пустыне.

В тот же час повелел он снарядиться всем своим войнам и двинул войско на Южный Город. Тысячи всадников и колесниц выступили в поход, и берег Нила был для них узок.

Донесли об этом правителю Южного Города фараону Секненра. Созвал он своих вельмож и прославленных воинов и сказал:

— Немедля отправьте гонцов во все номы и города с таким посланием: «Снаряжайте боевые суда, снаряжайте отряды пехотинцев, вооруженных для борьбы с колесницами и всадниками! Пусть все египетские воины тотчас направляются к Южному Городу, ибо предстomt великое сражение с гиксосами царя Апопи».

И вот у Южного Города собралось все войско египетское и весь флот египетский. Боевые суда из различных номов и городов заполнили реку, и Нил стал для них тесен.

И тогда фараон Секненра двинул войско египетское против гиксосов царя Апопи.

Сошлись оба войска, и началось великое сражение. Египетские воины на суше и на реке поражали всадников-гиксосов. Смешались отряды. Кровь наполнила землю и окрасила воды Нила. Но ни одна сторона не могла одержать победу. Боевые суда египтян захватили всю реку; колесницы и всадники гиксосов теснили египетских пехотинцев на берегу.

Тогда сам правитель Южного Города фараон Секненра во главе своих прославленных фиванских воинов сошел на берег. Он ринулся в самую гущу боя. Вражеское войско расступилось перед ним и сомкнулось за ним. И тогда со всех сторон устремились на фараона Секненра колесницы гиксосов. Долго не могли они его одолеть, но под конец правитель Южного Города пал под бесчисленными ударами.

Когда увидели это египетские воины, горестный вопль вознесся к небу. Ярость охватила фиванских бойцов, и каждый из них уподобился разгневанной богине войны Сохмет. Неудержимо обрушились они на гиксосов и погнали их перед собой, избивая и сокрушая. Они гнали врага до наступления темноты.

Так завершилось сражение. С этого дня пошатнулось могущество царя Апопи. И хотя погиб на поле боя правитель Южного Города фараон Секненра, слово свое он сдержал: с тех пор Южный Город уже не платил дани гиксосам, и никто с юга больше не слал даров в город гиксосов Аварис.

Правда и Кривда

Рассказывают, что жили некогда два брата. Старшего брата звали Правда, а младшего — Кривда.

Был Правда прекрасен всем телом своим, и не было ему равных во всей стране. Завидовал ему Кривда. И решил он его погубить. И вот достал Кривда красивый кинжал в красивых ножнах, взял с собою десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч и пришел к хранителю утвари Правды.

И сказал он ему:

— Возьми себе эти десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч, но сохрани мой кинжал, пока я не вернусь из города.

Прошло много дней, и хранитель утвари Правды решил почистить кинжал, который оставил ему Кривда. Он сел с ним на берегу пруда и стал его чистить. И вот кинжал выскользнул из его рук и упал в пруд. Сколько его ни искали, найти не смогли.

Услышал Кривда, что хранитель утвари Правды потерял его кинжал. Пришел он к хранителю утвари и сказал ему:

— Где мой кинжал? Верни мне его!

И ответил ему хранитель утвари:

— У меня его нет, я его потерял. Но вот тебе все кинжалы Правды и все они — твои. Возьми себе какой хочешь.

Тогда сказал ему Кривда:

— Разве есть второй такой кинжал, какой был у меня? Клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса¹, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара².

Сказал тогда хранитель утвари:

— Может ли быть такой большой кинжал, как ты говоришь?

Но Кривда схватил его и потащил за собою туда, где был Правда. Он привел Правду на суд к Эннеаде и сказал:

— Доверил я Правде свой кинжал. А он потерял его. А кинжал тот был необыкновенный! Клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара. Не может он мне его возместить!

• • •

И еще сказал Кривда Эннеаде:

— Пусть схватят Правду и пусть ослепят его на оба глаза. И да будет он привратником дома моего!

И Эннеада сделала все, как говорил Кривда.

Прошло после этого много дней, и вот Кривда поднял глаза, взглянул и увидел достоинства своего старшего брата. И сказал тогда Кривда двум рабам Правды:

— Схватите вашего господина и отдайте его свирепому льву и многочисленным львицам голодным. Иначе я вас убью!

Схватили рабы своего господина и понесли на холмы пустыни. Но когда они поднимались по склону, сказал Правда своим рабам:

¹ К о п т о с — центр Уома Верхнего Египта, откуда шла караванная путь через Восточную пустыню к берегам Красного моря.

² К а р — область, принадлежавшая египтянам, на крайнем юге их владений в Нубии.

— Не губите меня! Возьмите вместо меня кого-нибудь другого. Или сделайте так: пусть один из вас пойдет к Кривде и скажет, что его приказание исполнено, а другой сходит в город и принесет мне немного хлеба.

И вот пошел один раб к Кривде и сказал ему:

— Мы бросили господина нашего в пустыне, и львы растерзали его.

Затем он вышел из дома, хоть Кривда и призывал его, чтобы наградить.

Прошло после этого еще много дней. Как-то раз одна знатная госпожа вышла из дому со своими служанками погулять. И вот служанки увидели Правду: он лежал у подножья холма и был так прекрасен, что не было ему равных во всей стране. Вернулись служанки к своей госпоже и сказали:

— Пойди с нами и посмотри. Там, у подножья холма, лежит слепец. Приведем его к нам и сделаем его привратником нашего дома!

Тогда приказала госпожа служанке:

— Пойди и приведи его! Я хочу на него взглянуть.

Отправилась служанка и привела Правду. И когда госпожа увидела, как прекрасен он телом своим, возжелала она его всем сердцем. Он провел с нею ночь и познал ее, как мужчина познает женщину. И в ту же ночь она зачала дитя.

Прошло еще много дней после этого, и родила госпожа сына. Не было ему равных во всей стране, ибо был он длиною в локоть и походил на юного бога. Его отдали в школу, и он научился прекрасно писать. Все, что должны были делать юноши, он выполнял так умело, что превосшел даже старших своих товарищей, которые вместе с ним учились в школе.

Тогда стали ему говорить товарищи:

— Чей ты сын? У тебя нет отца!

Они мучили и дразнили его:

— Воистину у тебя нет отца!

И тогда стал мальчик спрашивать свою мать:

— Открой мне имя отца моего, чтобы я мог сказать его товарищам в школе. Они ругают меня и спрашивают: «Кто же твой отец?» Так они дразнят и терзают меня.

И ответила ему мать:

— Видишь слепца, который сидит у ворот? Это и есть твой отец.

Так ответила она ему. И сын ей сказал:

— За то, что ты сделала, следовало бы созвать всю твою родню и на ее глазах бросить тебя крокодилу!

Потом мальчик привел отца в дом и усадил его в кресло. Он принес скамейку для ног и поставил ее отцу под ноги. Он положил перед ним хлеб, накормил его и наполнил. А затем спросил мальчик отца своего:

— Скажи, кто тебя ослепил, чтобы я мог отомстить за тебя?

Ответил Правда:

— Это мой младший брат ослепил меня.

И он рассказал ему все, что с ним было.

Тогда стал мальчик собираться в путь, чтобы отомстить за отца своего. Нашел он быка самой красивой масти, взял десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч и отправился к пастуху Кривды. Сказал он ему:

— Возьми себе эти десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч, но постереги моего быка, пока я не вернусь из города.

Прошло после этого много дней. Много месяцев пас быка пастух Кривды. И вот однажды отправился Кривда в поле, чтобы взглянуть на своих быков. И увидел он быка, который был самой прекрасной масти. Сказал тогда Кривда своему пастуху:

— Отдай мне этого быка! Я хочу его съесть.

Но ответил ему пастух:

— Этот бык не мой. Не могу я отдать его.

Тогда сказал ему Кривда:

— Посмотри, вот мои быки, и все они у тебя. Любого из них отдай хозяину того быка!

И вот услышал мальчик, что Кривда взял его быка. Пришел он к пастуху Кривды и сказал ему:

— Где мой бык? Я не вижу его среди твоих быков.

Ответил ему пастух:

— Вот все быки Кривды, и все они — твои. Возьми себе, какого захочешь.

Тогда сказал ему мальчик:

— Разве есть второй такой большой бык, какой был у меня? Когда стоит он на Острове Амона¹, кисть хвоста его лежит в Зарослях Палируса; один рог его поконится на

¹ Остров Амона (Пануамон) — одно из названий центра XVII нома Нижнего Египта, современный Эль-Баламун.

Западной горе, а другой рог — на Восточной горе¹, ложем служит ему Великая Река:² шестьдесят телят рождается от него ежедневно.

Сказал ему пастух:

— Может ли быть такой большой бык, как ты говоришь?

Но мальчик схватил его и потащил за собой туда, где был Кривда. И привел он Кривду на суд к Эннеаде.

Выслушали его боги Эннеады и сказали:

— Неправда то, что ты говоришь. Мы никогда не видали такого большого быка!

Тогда сказал Эннеаде мальчик:

— Но разве есть такой большой клинжал, как вы говорили прежде? Вы говорили, будто клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара!

И еще сказал он Эннеаде:

— Рассудите между Правдой и Кривдой. Я — сын Правды, и я пришел отомстить за него.

Тогда Кривда поклялся именем фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал:

— Клянусь вечностью Амона и жизнью повелителя, неправда это! И если найдут Правду живым, пусть ослепят меня на оба глаза и пусть сделают меня привратником дома его!

Но мальчик тоже поклялся именем фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал:

— Клянусь вечностью Амона и жизнью повелителя, это правда. И если найдут отца моего живым, пусть жестоко накажут Кривду! Пусть дадут ему сто простых ударов и нанесут ему пять рваных ран. А потом пусть его ослепят на оба глаза и сделают привратником в доме Правды. И да служит он ему вечно!

Так отомстил мальчик за отца своего, и так решился спор между Кривдой и Правдой.

Здесь счастливо и мирно завершается рассказ, как его записал писец храма Амона, чьи руки чисты.

¹ Очевидно, имеются в виду горы, окаймляющие долину Нила.

² Великая Река — основное русло Нила в Дельте.

Два брата

I

Рассказывают, что жили некогда два брата от одного отца и одной матери. Имя старшего было Анупу, а имя младшего — Бата.

У старшего брата Анупу был дом и была жена. А младший брат Бата жил с ними, как их родной сын. Он делал все для старшего брата: он изготовлял для него одежды, пас его стадо, пахал для него, жал для него и выполнял все работы, какие только находились в поле. Младший брат Бата был прекрасным юношей и обладал силой бога. Не было равных ему во всей стране.

Каждый день, когда озярялась земля, младший брат по своему обыкновению уходил со стадом, и каждый вечер он возвращался домой, нагруженный всевозможными полевыми травами. Он приносил с собой молоко, дрова, а

также всякие превосходные вещи, которые растут на полях. И все это он клал перед старшим братом, который ожидал его, сидя со своей женой.

После этого он пил, ел и уходил в загон для скота, где он спал один посреди своего стада.

А когда наступал новый день и земля озарялась, младший брат готовил горячую пищу и ставил ее перед старшим братом. И старший брат оделял его хлебом, чтобы младший брат мог поесть в поле.

Потом младший брат выгонял стадо пастись на поля. Он шел за коровами, и они говорили ему:

— Сегодня трава хороша вон в том месте!

Он слышал все, что они говорили, и вел их в то самое место, где росла трава, какой им хотелось. И коровы, которых он пас, становились все лучше и лучше, и приплод от них множился без конца.

Но вот пришла пора пахать, и старший брат сказал младшему:

— Приготовь упряжку быков для пахоты! Земля уже вышла после разлива Нила из-под воды, и сейчас пахать ее самое время. Захвати в поле и семена, потому что завтра с утра мы начнем пахать в полную силу.

Так сказал ему старший брат. Он сказал:

— Сделай это!

И младший брат сделал все, что велел ему старший.

Когда озарилась земля и наступил новый день, они вышли в поле, захватив с собой семена. Прилежно пахали они, и сердца их радовались, ибо пахота началась.

Прошло после этого много дней. Но вот однажды, когда братья были на поле, им не хватило семян. Старший брат послал за ними младшего брата. Сказал он ему:

— Ступай в деревню и принеси семена!

Пришел младший брат домой и увидел, что жена старшего брата сидит и причесывается. Тогда он сказал ей:

— Встань и дай мне семян! Я спешу в поле, потому что мой старший брат ждет меня. Поторопись же!

Но она ему ответила:

— Не заставляй меня бросать прическу неоконченной! Поди открой амбар и сам возьми все, что тебе нужно.

Тогда юноша вошел в свой загон для скота и вынес оттуда большой сосуд: он хотел захватить побольше семян.

И вот нагрузился он ячменем и пшеницей и пошел. Увидела это жена старшего брата и спросила:

— Сколько же весит все, что ты взвалил себе на плечи?

И ответил он ей:

— Три мешка пшеницы и два мешка ячменя. А всего у меня на плечах пять мешков¹.

Так ответил он ей. Тогда она вновь обратилась к нему и сказала:

— Великая сила в тебе! Мощью твоей любуюсь я каждый день.

И захотела она познать его, как познают мужчину.

Поднялась она, схватила младшего брата за руку и сказала ему:

— Пойдем ляжем вместе, позабавимся часок! А за это я сошью тебе красивые одежды.

Но юноша, услышав ее скверные речи, разъярился, как леопард, и великий страх охватил ее. Он ей сказал:

— Что говоришь ты? Ведь ты для меня словно мать, а твой муж для меня как отец! Он мой старший брат, он меня вырастил. Зачем же ты мне сказала такую мерзость? Большие не смей говорить мне это! А я не повторю этого никому: такие слова ни перед кем не выйдут из моих уст.

Потом он поднял свою ношу и отправился в поле. Он пришел к своему старшему брату, и они прилежно взялись за дело.

Но вот наступил вечер, и старший брат, кончив работу, пошел домой. А младший брат задержался со стадом. Он взвалил себе на плечи всевозможные травы и плоды полей и погнал свое стадо впереди себя на ночлег, к загону в деревне.

Между тем жена старшего брата пребывала в страхе из-за сказанных ею слов. И вот взяла она жир и говяжьи сало и намазалась им, словно ее избил. И все это для того, чтобы сказать своему мужу: «Это твой младший брат избил меня!»

Когда муж по своему обыкновению вернулся к вечеру и вошел в дом, жена лежала, притворяясь больной. Она не полила ему на руки воды, как он к этому привык, она не зажгла перед ним огня, и весь дом оставался погру-

¹ Пять мешков, согласно древнеегипетским мерам веса, должны весить около 280 кг.

женным во мрак. А сама она лежала и делала вид, что ее тошнит.

Тогда спросил ее муж:

— Кто обидел тебя?

И она ответила:

— Никто меня не обижал, кроме твоего младшего брата. Когда он пришел, чтобы взять для тебя семена, я сидела в доме одна. Тогда он сказал мне: «Закончи прическу и пойдем ляжем вместе, позабавимся часок!» Вот что он мне сказал! Но я не стала его слушать и сказала: «Разве я не мать для тебя? Разве твой старший брат не отец для тебя?» Так я сказала ему, и он испугался. Он избил меня, чтобы я ничего тебе не рассказала. И если теперь ты его не убьешь, я покончу с жизнью. Смотри не слушай его, когда он придет! Я до сих пор страдаю, как подумаю о том скверном деле, которое он хотел совершить.

Старший брат разъярился, как леопард. Заострил он свое копьё и взял его в руки. Потом старший брат встал за воротами загона для скота, чтобы убить своего младшего брата, когда он вернется вечером и станет загонять свое стадо.

И вот, когда солнце закатилось, младший брат, нагруженный всевозможными полевыми травами, возвратился по своему обыкновению домой. Первая корова его стада вошла в загон и сказала своему пастуху:

— Смотри, здесь стоит и ждет тебя твой старший брат с копьём в руках. Он хочет убить тебя! Беги от него!

И младший брат услышал, что сказала ему корова. За ней вошла в загон вторая корова и сказала ему то же самое. Тогда он заглянул под ворота загона и увидел ноги старшего брата, который стоял за воротами с копьём в руках.

Бросил младший брат свою ношу и пустился бежать со всех ног. А старший брат погнался за ним с копьём в руках.

Воззвал тогда младший брат к Ра-Горахути. Возмолвился он:

— Спаси меня, о благой владыка! Ведь ты знаешь, где правый и где виноватый!

Ра услышал его мольбу и повелел, чтобы водная гладь пролегла между младшим братом и старшим. И разделила их водная гладь, полная крокодилов, так что младший брат очутился на одном берегу, а старший остался на другом берегу.

С досады, что не смог он убить своего младшего брата,

дважды ударил себя старший брат по руке. А младший брат прокричал ему с того берега:

— Оставайся здесь, пока не озарится земля! Когда взойдет солнце, я буду судиться с тобой перед ликом его, и бог солнца отдаст виноватого в руки правому. Я не буду жить рядом с тобой никогда! Я не вернусь в то место, где ты живешь. Я уйду от тебя в Долину Пиний.

И вот озарилась земля и наступил новый день. Воссиял в небе Ра-Горахути, и братья вновь увидели друг друга. Тогда обратился юноша к старшему брату и сказал ему:

— Почему ты преследуешь меня? Почему захотел ты предательски убить меня, не выслушав даже, что скажут мои уста? Я ведь твой младший брат, и ты был для меня как отец, а жена твоя — словно мать! Разве это не так? Когда ты послал меня за семенами, жена твоя сказала мне: «Пойдем ляжем вместе, позабудемся часок!» Но я вижу, что тебе она все рассказала не так, как было.

И он поведал старшему брату обо всем, что случилось между ним и его женой. Он поклялся именем Ра-Горахути, что это правда. И воскликнул он:

— Как же мог ты напасть на меня с копьем, чтобы предательски убить меня из-за этой воинчей шлюхи?

Тут схватил младший брат резак для тростника и оскопил себя. Детородный член свой он бросил в воду, и сом проглотил его.

Изнемог младший брат, силы покинули его. А сердце старшего брата разрывалось от горя. Он стоял и оплакивал несчастного, но переправиться на тот берег, где был его младший брат, он не мог из-за крокодилов.

И вот младший брат окликнул его и сказал:

— Подумал ты о дурном и не вспомнил о хорошем, не вспомнил ни о чем из того, что делал я для тебя. Возвращайся же теперь в свой дом и паси сам свой скот! Ибо я не вернусь в то место, где ты живешь, я уйду от тебя в Долину Пиний. Но ты для меня сделаешь вот что: позаботься обо мне, когда узнаешь, что со мной случилась беда. Я выну сердце свое из груди и спрячу его на вершине пинии в цветке пинии. Если станут рубить эту пинию и упадет мое сердце на землю, приди и найди его! Будь терпелив, даже если тебе придется потратить на поиски целых семь лет! А когда ты найдешь мое сердце, опусти его в сосуд со свежей водой, и я вновь оживу и смогу отомстить всем, кто желал мне зла. Ты узнаешь, что со мной

случилась беда, по кувшину с пивом: едва ты возмешь его в руки, пиво вспенится и потечет через край. Когда увидишь такое — не медли!

И вот младший брат отправился в Долину Пиний, а старший брат поплелся домой. Он шел, держась руками за голову, весь обсыпанный пылью в знак печали. И когда он вернулся домой, он убил жену свою и бросил тело ее собакам. А потом он сел и принялся горевать о своем младшем брате.

II

Прошло после этого много дней. Младший брат жил в Долине Пиний, и не было никого рядом с ним. Целыми днями он охотился за дичью пустыни, а вечером он возвращался и засыпал под пинией, на вершине которой в цветке пинии лежало его сердце.

Прошло еще много дней, и он построил себе своими руками дворец в Долине Пиний. Тот дворец был наполнен всяческими превосходными вещами, ибо младший брат Бата хотел, чтобы в доме его ни в чем не было недостатка.

И вот однажды, когда вышел Бата из дворца своего, повстречалась ему Эннеада богов. Они шествовали, погруженные в заботы о делах всей земли. Боги Эннеады поговорили между собой, а затем обратились к Бате:

— О Бата, божественный бык Эннеады! Ты бежал из родного края из-за жены твоего старшего брата Анупу и живешь здесь один. Знай же: он убил жену свою, и ты теперь отомщен перед всеми, кто желал тебе зла.

Сжалилось сердце богов над Батой, и сказал Ра-Горакхути Хнуму:

— Сотвори для Баты жену, чтобы он жил не один!

Тогда Хнум вернул Бате мужскую силу и сотворил ему подругу, чтобы она жила с ним. Телом своим была она прекраснее любой другой женщины на земле, и было в ней семя всех богов.

Семь Хатор пришли посмотреть на нее. И сказали они в один голос:

— Она умрет от меча!

Но Бата всем сердцем желал ее. И она поселилась в его дворце. Целыми днями Бата охотился за дичью пустыни, и добычу свою он приносил и клал перед женой своей.

Однажды сказал ей Бата:

— Не выходи из дома, чтобы море тебя не похитило. От него ты не сможешь спастись, ибо ты ведь всего только женщина! А потом знай: сердце мое лежит в цветке линии на вершинке линии, и если найдет его кто-нибудь, мне придется сражаться с ним.

И он открыл ей все про сердце свое.

Прошло еще много дней, и однажды Бата отправился на охоту по своему обыкновению. И вот молодая женщина вышла погулять под линией, которая росла возле дома. Вдруг она заметила, что море катит за ней свои волны. Она бросилась бежать от него и уже достигла дома, но тут море воззвало к линии. Сказало оно:

— Задержи ее и отдай мне!

И линия успела схватить прядь волос молодой женщины. Унесло море эту прядь в Египет и опустило в том месте, где работали прачки фараона, да будет он жив, здоров и могуч.

И вот благоухание этой пряди волос пропитало одежды фараона, да будет он жив, здоров и могуч. Стали тогда бранить прачек фараона, да будет он жив, здоров и могуч.

Стали им говорить:

— Запах благовоний пропитал одежды фараона, да будет он жив, здоров и могуч!

И так бранили их каждый день, и они уже не знали, что делать.

Тогда сам управляющий прачками фараона, да будет он жив, здоров и могуч, отправился на берег. Сердце его было весьма опечалено, потому что бранили его каждый день. Он остановился на берегу как раз перед прядью волос, которая лежала в воде, и увидел ее. Приказал он войти в воду и достать эту прядь. Благоухание этой пряди показалось ему таким приятным, что он отнес ее фараону, да будет он жив, здоров и могуч.

И вот призвали писцов и мудрецов фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказали они фараону:

— Это прядь волос дочери Ра-Горахути. В теле ее семя всех богов. Это дар тебе из иной страны. Отправь гонцов в чужеземные страны на поиски и отправь побольше людей в Долину Пиний, чтобы они доставили к тебе эту женщину, ибо думаем мы, что скорее всего найдем ее там!

И сказал его величество:

— Превосходно, превосходно то, что вы говорите!

И он приказал им выступать.

Прошло после этого много дней, и все гонцы, посланные в чужеземные страны, вернулись с вестями к его величеству. Только те, кто был послан в Долину Пиний, не вернулись, потому что Бата убил их. Лишь одного он оставил в живых, чтобы тот мог рассказать о случившемся его величеству.

Тогда приказал его величество вновь отправить в Долину Пиний множество солдат, а также воинов на колесницах, чтобы они доставили к нему жену Баты. Вместе с ними отправилась в путь одна женщина, которой вручили всевозможные прекрасные женские украшения. Эта женщина и увлекла с собою в Египет жену Баты.

Вся страна ликовала, радуясь прибытию жены Баты. А его величество полюбил ее всем сердцем и сделал своей первой наложницей.

Стал фараон расспрашивать жену Баты о ее муже. И сказала она его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Прикажи срезать и изрубить пинию.

Послал фараон солдат с медными топорами в Долину Пиний. Пришли они к той пинии, в цветке которой лежало сердце Баты, и срубили ее. И в тот же миг упал Бата за смертью.

На другой день после того, как срубили пинию, когда вновь озарилась земля, старший брат Баты Анупу вошел в свой дом. Он вымыл руки и сел. Принесли ему сосуд с пивом, и пиво запенилось. Принесли ему другой сосуд с вином, и вино замутилось. Тогда надел он свои сандалии и одежды, взял свой посох и свое оружие и направился в Долину Пиний.

Он пришел во дворец своего младшего брата и увидел, что его младший брат лежит мертвый на ложе своем. Зарыдал он при виде мертвого брата. И отправился он искать сердце младшего брата под той пинией, под которой его младший брат отдыхал по вечерам.

Три года провел он в поисках, но ничего не нашел. И вот, когда пошел уже четвертый год, затосковало сердце его, и захотел он вернуться в Египет. И сказал он себе: «Завтра я уйду».

Так сказал он в сердце своем.

Но когда озарилась земля и наступил новый день, он опять отправился к пинии. Целый день провел он в поисках сердца брата и вечером вновь вернулся, чтобы искать его.

И вот нашел он семя, похожее на сердце, и принес в дом.

Это и было сердце его младшего брата. Взял он чашу со свежей водой и бросил в нее сердце брата. А сам сел рядом и стал ждать.

Наступила ночь, и сердце Баты впитало в себя воду. Затрепетал Бата всем телом и взглянул на старшего брата своего. Но сердце его все еще оставалось в чаше с водой.

Тогда взял старший брат Анупу эту чашу со свежей водой, в которой плавало сердце брата, и дал младшему брату выпить ее. И когда вернулось сердце на место свое, Бата ожил и стал таким же, как прежде. Обнялись братья и стали говорить друг с другом.

И вот, что сказал Бата своему старшему брату:

— Слушай! Я превращусь в большого быка самой прекрасной масти и небывалого рода. Ты сядешь ко мне на спину, и еще до восхода солнца мы будем там, где находится моя жена. Я отомщу ей! А потом ты отведешь меня к фараону. И вознаградят тебя и заплатят тебе серебром и золотом за то, что ты привел меня к фараону, да будет он жив, здоров и могуч. Ибо я стану величайшим чудом, и будут радоваться люди по всей стране. А потом ты вернешься в свою деревню.

И вот едва озарилась земля, Бата принял тот облик, о котором он говорил своему старшему брату. Еще до рассвета старший брат Анупу сел к нему на спину, и они достигли того места, где пребывал фараон. Дали знать об этом его величеству фараону, да будет он жив, здоров и могуч. Пришел фараон посмотреть на небывалого быка и возрадовался всем сердцем. В честь его совершил он щедрые жертвоприношения. Сказал он:

— Это великое чудо!

И радовались люди по всей стране.

Заплатили старшему брату за быка золотом и серебром по весу его, и Анупу вернулся в свою деревню. Дали ему много людей и много всяческого добра. И полюбил его фараон, да будет он жив, здоров и могуч, больше всех других людей в стране своей.

Прошло после этого много дней. И вот однажды вошел бык в кухню фараона и остановился перед первой наложницей. Заговорил он с ней и сказал:

— Смотри, я еще живу!

Спросила она его:

— Кто же ты?

И ответил он ей:

— Я Бата. Я знаю, что это ты велела фараону срубить пинию, чтобы убить меня. Но смотри — я превратился в быка, и я живу.

Охватил наложницу страх, ужаснули ее слова мужа. Она выбежала из кухни и пошла к фараону. Его величество провел со своею наложницею приятный день. Она наливала ему вино, и был он к ней милостив необычайно. И вот сказала она его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Поклянись мне именем бога и скажи: «Я сделаю все, что попросит моя наложница!»

И фараон согласился выслушать все, что она ему скажет. Тогда сказала она:

— Я хочу съесть печень того быка. Ведь он все равно не приносит пользы!

Сильно опечалился фараон, услышав ее слова. Всем сердцем жалел фараон своего быка.

И вот, когда озарилась земля и наступил новый день, повелел фараон совершить великие жертвоприношения в честь заклания быка. Заколоть быка поручили первому мяснику фараона, да будет он жив, здоров и могуч. И он это сделал.

Но когда служители понесли быка на плечах, он потрянул закриком, и две капли крови упали возле портала Дворца его величества, да будет он жив, здоров и могуч. Одна из капель упала с одной стороны от больших ворот дворца фараона, да будет он жив, здоров и могуч, а другая — с другой стороны. Выросли из них две большие персеи¹, и каждая персея была редкостным деревом.

Доложили об этом его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Две большие персеи выросли за ночь у больших ворот твоего дворца. Это великое чудо, совершенное для тебя!

Радовались люди по всей стране и приносили жертвы этим персеям.

Но вот прошло много дней, и однажды его величество, да будет он жив, здоров и могуч, появился перед народом в окне из лазурита. На шее у него был венок из всевозможных цветов. Он взошел на золотую колесницу и выехал из дворца своего, чтобы взглянуть на персеи. И первая

¹ Персея — фруктовое дерево, растущее в Египте и Нубии.

наложница фараона, да будет он жив, здоров и могуч, вышла за них.

Его величество фараон, да будет он жив, здоров и могуч, сел под одной персеей, а его наложница под другой. И тогда сказал Бата своей жене:

— О предательница! Я Бата, и я живу вопреки тебе! Я знаю, что это ты велела фараону срубить пинию, чтобы убить меня. Я превратился в быка, и ты снова велела убить меня.

Прошло после этого еще много дней. И вот снова стала наложница наливать вино фараону, да будет он жив, здоров и могуч. И был он к ней милостив необычайно. И сказала она его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Поклянись мне именем бога и скажи: «Я сделаю все, что попросит моя наложница!» Поклянись!

И фараон согласился выслушать все, что она ему скажет.

Тогда сказала она:

— Прикажи срубить эти две персеи и сделать из них красивую утварь.

Выслушал фараон ее слова и тотчас же послал искусных работников, чтобы срубили они персеи для его величества, да будет он жив, здоров и могуч. А любимая наложница фараона сама пришла посмотреть на это. И вот отлетела щепка прямо в рот наложнице; проглотила наложница щепку и в тот же миг понесла дитя.

А фараон приказал изготовить из тех персей все, что желала наложница.

Прошло еще много дней, и родила наложница сына. Сообщили его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Родился сын у тебя!

Потом принесли новорожденного, приставили к нему кормилицу и нянек, и радовались люди по всей стране. А фараон сел пировать и провел счастливый день, восхваляя своего сына. С самого начала его величество полюбил мальчика всем сердцем и назначил его царским сыном Куша¹.

Прошло еще много дней после этого, и фараон, да будет

¹ Царский сын Куша. — Начиная со времени правления фараонов XVIII династии (1500 г. до н. э.) — титул заместника фараона в Нубии. Эту высокую должность нередко исполняли сыновья фараона.

он жив, здоров и могуч, сделал сына наследником престола всей земли.

Прошло много дней. Долгие годы Бата в образе сына фараона был наследником престола всей земли. Но вот его величество, да будет он жив, здоров и могуч, вознесся на небо. И сказал тогда Бата:

— Пусть призовут ко мне высших сановников, дабы я осведомил их обо всем, что случилось со мной.

И вот привели к нему его жену. И он судился с ней перед высшими сановниками его величества, и они подтвердили его приговор¹.

Потом привели к нему его старшего брата Анупу, и Бата сделал его наследником престола всей своей земли.

Тридцать лет правил Бата Египтом, а затем отошел к вечной жизни. И в день его смерти на престол взошел его старший брат.

Эта книга благополучно и мирно доведена до конца для Кагабу, писца сокровищницы фараона, да будет он жив, здоров и могуч, а также для писца Горн и писца Меремопе. Переписана эта книга писцом Эннаной, ее владельцем². Бог Тот покарает всякого, кто станет ее хулить.

¹ Согласно предсказанию оами Хатор, жена Баты должна была умереть от неча, то есть ее казнили.

² Писец Эннана, родом из Мемфиса, современник фараонов XIX династии Рамсеса II и Меренптаха (1300 г. до н. э.). Он был учеником писца Кагабу. Ему принадлежат и другие папирусы, хранящиеся в Британском музее. Судя по почерку, Эннана был искусным писцом, по-видимому интересовавшимся литературой.

Злоключения Унуамона

Священная барка Амона, царя богов, на которой он в дни торжественных празднеств проплывал по Нилу, обветшала. И решил Херихор, верховный жрец бога Амона и правитель Фив, обновить ее. Но для барки Амона нужен был лес из Ливана, наилучшие кедры с Ливанских гор.

И тогда решил Херихор послать к берегам Ливана божественное посольство: статую бога Амона Дорожного, покровителя путников и дорог. А с ним вместе отправил он Унуамона, своего приближенного, старейшину первого зала храма Амона. Он вручил ему серебро для покупки леса и послание ко всем правителям от лица Амона, царя богов.

Но с самого начала плаванья всевозможные беды преследовали Унуамона. Вот истинное повествование о злоключениях его, рассказанное им самим.

На пятый год правления фараона¹, в шестнадцатый день второго месяца лета, я, Унуамон, старейшина первого зала храма бога Амона, владыки престола обеих земель, был послан за лесом для обновления великой и славной барки Амона, царя богов, которая стоит на Ниле и называется «Могучая грудь Амона».

Я отправился в путь и достиг Таниса² — места, где пребывает Несубанебджед³ и супруга его Танутамон. В тот же день я вручил им послание Амона, царя богов, и они приказали прочесть его перед ними. Потом сказали они:

— Мы исполним повеление Амона-Ра, царя богов, мы исполним повеление нашего владыки!

Но здесь, в Танисе, мне пришлось пробыть до четвертого месяца лета. Только в первый день первого месяца разлива Нила Несубанебджед и супруга его Танутамон отправили меня дальше с капитаном судна Менгебедом, и я поплыл на север по Великому Сирийскому морю⁴.

Прибыл я в Дор⁵, один из городов чакалов⁶, и правитель города Бедер повелел доставить мне пятьдесят хлебов, кувшин вина и ногу быка.

Здесь обжегся с моего судна один человек. Он похитил золотой сосуд весом в пять дебен⁷, четыре кувшина серебряных весом в двадцать дебен и мешочек с серебром на одиннадцать дебен. Всего унес он пять дебен золотом и тридцать один дебен серебра.

И вот я встал утром и направил мои стопы к тому месту, где пребывал правитель города Дора. И сказал я ему:

¹ Видимо, фараон XX династии Рамсес XII. Он правил около 1100—1071 гг. до н. э. Следовательно, описываемые события произошли около 1095—1080 гг. до н. э.

² Т а н и с (древнеегипетский Джаннет) — главный город XIV нома Нижнего Египта в северо-восточной части дельты Нила.

³ Несубанебджед (Смендес — в версии греческих писателей) — первый фараон XXI династии (1071—1045 гг. до н. э.). В это время он еще не был фараоном.

⁴ Великое Сирийское море — восточная часть Средиземного моря.

⁵ Д о р — город на Палестинском побережье, находился предположительно южнее Хайфы.

⁶ Ч а к а л ы — народность, захватившая вместе с филистинянами часть Палестинского побережья лет за восемьдесят до описываемых событий.

⁷ Д е б е н — мера веса, равная 91 грамму.

— Меня обокрали в твоей гавани. Ты правитель этой страны, и ты судья этой страны. Отыщи мое серебро! Ведь это серебро принадлежит Амону-Ра, царю богов, владыке престола обеих земель! Оно принадлежит Несубанебджеду, принадлежит Херихору, моему господину, и многим другим знатым людям. Оно принадлежит и тебе, а также Уарету, Мекмеру и Закар-Баалу, правителю Библа¹.

Но ответил мне правитель города Дора:

— Хочешь гневаться, а хочешь нет, но я ничего не желаю знать о деле, о котором ты мне рассказываешь. Если бы вор, что приплыл с тобою на корабле и украл твое серебро, был из моей страны, я бы сам возместил тебе эту потерю из моей сокровищницы, пока вора не отыскиали. Но тот, кто обокрал тебя, — из твоей страны. Он с твоего корабля. И если ты хочешь, чтобы я отыскал его, подожди здесь несколько дней.

И вот я простоял на причале в той гавани девять дней. Потом я снова пришел к правителю города Дора и сказал ему:

— Значит, ты не нашел мое серебро? Если так, разреши мне отправиться в путь с капитанами кораблей и с другими людьми, уходящими в море.

Но сказал он мне:

— Замолчи! Если ты хочешь получить свое серебро, которое у тебя украли, слушай меня и делай так, как я тебе говорю. Ты отправишься в путь с капитанами кораблей. Ты захватишь груз того корабля, на котором ты будешь. И еще ты захватишь все серебро того корабля и будешь хранить его у себя до тех пор, пока хозяева корабля не отыщут вора, который тебя обокрал. Но не делай этого прежде, чем ты покинешь гавань. Поступай так, как я тебе говорю!

И вот мы отплыли и прибыли в город Тир. Но едва рассвело, мы вышли из гавани Тира и направились к Библу, ибо я стремился увидеть его правителя Закар-Баала.

По дороге к Библу я осмотрел груз корабля. Я нашел тридцать дебенов серебра и захватил его. А потом я сказал тем, кто был на корабле:

— Я взял ваше серебро, и оно останется у меня, пока вы не отыщете мое серебро и вора, который его украл.

¹ Унуамон перечисляет здесь правителей финикийских городов, у которых он намеревался закупить лес. Деньги, собранные в Египте, предназначались им в уплату за лес.

Пусть не вы меня обокрали — я все равно возьму ваше серебро. А вы постарайтесь найти мое и возьмите его себе.

И они оставили меня, а я высадился в гавани Библа и в шатре на берегу отпраздновал свою удачу.

Затем я поставил в шатре статую бога Амона Дорожного и внес в шатер все, что ему принадлежало.

Но тогда правитель Библа послал ко мне вестника и повелел:

— Покинь мою гавань!

Я же отправил к нему гонца с такими словами:

— На чем же я покину гавань твою? Дай мне корабль, который бы мог доставить меня обратно в Египет.

Так провел я в той гавани двадцать девять дней, и каждый день правитель Библа посылал мне гонцов и приказывал:

— Покинь мою гавань!

Но в один из дней, когда правитель Закар-Баал приносил жертвы своим богам, бог Египта вошел в одного из жрецов Библа и сделал его одержимым. И сказал жрец Закар-Баалу:

— Перенеси бога в свой дворец и призови посланника, который с ним прибыл, ибо сам Амон привел его к нам!

Но в тот день, когда одержимый пророчествовал, я нашел корабль, готовый отплыть в Египет. Я погрузил на него все свое добро и стал ждать приближения сумерек. Думал я: «Статую бога я перенесу на корабль, когда стемнеет, чтобы чужой глаз не увидел его».

Но тут пришел ко мне начальник гавани и сказал:

— Правитель повелел тебе задержаться до завтра!

Я же ему ответил:

— Разве не ты приходил ко мне каждый день и не говорил: «Покинь мою гавань»? И не для того ли ты говоришь теперь: «Задержись здесь на эту ночь», чтобы судно, которое я нашел, отплыло без меня? А завтра ты снова придешь ко мне и скажешь: «Уходи!»

Тогда начальник гавани удалился и рассказал обо всем правителю Библа. И Закар-Баал послал гонца к капитану того корабля, чтобы сказать ему:

— Правитель повелел тебе задержаться до завтра!

Когда же настало утро, он прислал за мной, и меня привели во дворец правителя. В это время статуя бога оставалась в шатре на берегу.

Правитель принял меня в верхнем покое. Он сидел

спиною к окну, и казалось, что волны Великого Сирийского моря вздымаются прямо над его плечами.

Я сказал ему:

— Да будет милостив к тебе Амон!

Тогда он спросил меня:

— Сколько дней миновало с тех пор, как ты пришел оттуда, где пребывает Амон?

И ответил я:

— С тех пор миновало пять месяцев и еще один день.

Тут сказал он мне:

— Правду ли ты говоришь? У тебя в руках должно быть послание бога Амона. Где оно? Где письмо верховного жреца Амона? Оно должно быть у тебя.

И ответил я ему:

— Я все вручил Несубанебджеду и супруге его Танутамон.

Тогда охватил его сердие гнев, и сказал он мне:

— Нет у тебя ни послания, ни письма! А где судно из кедрового дерева, которое дал тебе Несубанебджед? Где его сирийская команда? Ведь не он же доверил тебя этому чужеземному капитану, который мог убить тебя и бросить в море! Где бы тогда искали статую бога? И где бы тогда искали тебя самого?

Так сказал он мне, и я ответил ему:

— Но ведь судно египетское! И команда на нем египетская, и гребцы его наняты Несубанебджедом. На нем нет сирийской команды!

Тогда сказал он мне:

— В моей гавани стоит сейчас двадцать таких судов, которые перевозят товары для Несубанебджеда. А в Сидоне¹, мимо которого ты прошел, тоже стоит пятьдесят таких судов, но они перевозят товары для купца Уаркетля² и направляются к его дому.

В ответ на это я долго молчал, не зная, что говорить. Тогда он спросил меня:

— По какому делу ты прибыл сюда?

И ответил я:

— Я прибыл сюда за лесом для великой и славной барки

¹ Сидон — современная Сaida, в древности один из крупнейших торговых городов Финикийского побережья.

² Уаркетль (точнее Беркетель) — вероятно, финикийский купец из города Тинниса.

Амона-Ра, царя богов. Этот лес давал нам твой отец, это делал и отец твоего отца, и ты это сделаешь тоже.

Так сказал я ему, и он мне ответил:

— Воистину они это делали, и я это сделаю тоже, если ты мне заплатишь. Правда, предки мои выполняли подобные поручения, но за это присылал им фараон, да будет он жив, здоров и могуч, по шесть кораблей, груженных египетскими товарами, и они выгружали их в свои амбары. А ты, что принес мне ты?

Затем повелел Закар-Баал принести повседневные записи времен его предков и приказал прочесть их для меня. И нашли там тысячу дебенов серебра, о которых упоминалось в тех записях.

Сказал мне Закар-Баал:

— Если бы повелитель Египта был владыкой моей страны, а я был бы его слугой, он не стал бы посылать сюда золото и серебро и просить: «Выполни поручение Амона!» Золото и серебро посылали отцу моему не как дар фараона, а как плату за лес. И я тоже тебе не слуга и не слуга тех, кто послал тебя. Когда я возвышаю голос и обращаюсь к Ливану, небо раскалывается и деревья склоняются до морского песка на берегу!

И еще сказал он:

— Покажи мне паруса твоих кораблей, на которых ты хочешь доставить в Египет лес. Покажи мне веревки, которыми ты хочешь связать стволы кедров, когда я срублю их и дам тебе.

И, увидев все, он воскликнул:

— Как же ты доставишь мои кедры в Египет? Паруса твоих кораблей слишком слабы! Мачты на носу и на корме слишком тяжелы! Они обрушатся, и ты погибнешь посреди моря! Смотри, Амон уже гремит в небесах, а когда придет время, разразится и ярость Сутеха, бога бурь и гроз! Амон создал все земли. Но землю Египта, из которой ты прибыл, он создал прежде других. Искусство пришло в нашу страну из Египта, и мудрость знаний пришла в нашу страну из Египта. Как же мог Египет послать тебя в столь неразумное плавание?

Но ответил я:

— Это неправда! Не в неразумное плавание я пустился, ибо все корабли принадлежат Амону и все моря принадлежат Амону. А Ливан, о котором ты говоришь: «Он мой!» — владение барки «Могучая грудь Амона», величайшей из

всех других барок. Воистину сам Амон-Ра, царь богов, повелел Херихору, моему господину: «Отправь его в путь!» И Херихор приказал мне отправиться в путь с великим богом Амоном Дорожным. Но с тех пор как мы прибыли сюда, ты заставил великого бога двадцать девять дней провести в твоей гавани. А ведь ты не мог не знать, что он здесь! Разве он стал иным, чем был раньше? Ты стоишь здесь и торгуешься из-за Ливана с Амоном, его владыкой. Ты говоришь: «Прежде фараоны присылали мне золото и серебро!» На это скажу я тебе: если бы жизнь и здоровье были в их власти, они бы не посылали тебе товары. Однако они приказывали посылать твоим предкам товары Египта вместо здоровья и жизни. Ибо один царь богов Амон-Ра владеет здоровьем и жизнью. Он был повелителем твоих предков, и они всегда приносили жертвы Амону. И ты тоже — слуга Амона. Если ты скажешь: «Я исполню повеление Амона-Ра, я исполню повеление моего владыки!» и если ты сделаешь это, будешь ты жив, здоров и будешь ты процветать на благо своей страны и своих людей. Не посягай на достоинство Амона-Ра! Истинно сказано: «Лев не отдаст свою добычу!» Прикажи лучше привести сюда твоего писца, дабы я мог послать его к Несубанебджеду и супруге его Танутамон, которых поставил Амон повелителями на севере своей страны. Они прикажут доставить сюда все, что тебе понадобится. Я отправлю писца, чтобы он сказал им: «Пришлите мне все, что нужно для уплаты за лес. Когда я вернусь на юг, в Фивы, к господину моему Херихору, я все прикажу вам вернуть, чтобы покрыть ваши расходы».

Так сказал я ему.

И вот Закар-Баал вручил письмо своему гонцу. Он приказал погрузить на корабль килевую балку, носовой брус и кормовой брус для барки Амона, а также еще четыре обтесанных балки. Всего было погружено семь балок, и он повелел их доставить в Египет.

Гонец Закар-Баала, посланный им в Египет, вернулся ко мне в Сирию в первый месяц зимы. Несубанебджд и супруга его Танутамон прислали с ним четыре кувшина и еще один сосуд из золота, пять сосудов из серебра, десять одеяний из царского полотна, десять кусков лучшей льняной ткани из Верхнего Египта, пятьсот свитков лучшего папируса, пятьсот бычьих шкур, пятьсот мотков веревок, двадцать мешков чечевицы и тридцать корзин с рыбой. Сверх этого прислала мне в дар Танутамон пять кусков лучшей

льняной ткани из Верхнего Египта, один мешок чечевицы и пять корзин с рыбой.

Обрадовался правитель Библа! Он назначил триста человек с упряжками из трехсот быков валить деревья и поставил над ними надсмотрщиков. И вот они срубили деревья и оставили их на месте на всю зиму.

В третий месяц лета деревья приволокли на берег моря. Правитель Библа пришел к тому месту, где лежали деревья. Потом он послал, чтобы мне сказали:

— Приходи!

И вот я пришел и приблизился к нему, и тень от его опахала коснулась меня. Тогда один из слуг правителя Библа по имени Пенамон встал между мною и Закар-Баалом и сказал:

— На тебя упала тень царя, твоего господина, да будет он жив, здоров и могуч!

Но правитель Библа разгневался на него и сказал ему:

— Эй, ты! Не трогай его!¹

И я встал рядом с ним, и сказал мне правитель Библа:

— Смотри, я исполнил то, что делали мои предки, хотя ты и не дал мне того, что давали твои предки моим. Смотри, весь твой лес уже прибыл и сложен здесь. Теперь повинуйся желанию моему. Пойди на берег и погрузи лес; тебе ничто больше не мешает взять его. Но только не пугайся опасностей, которые ждут тебя на море, и не медли! Если же ты испугаешься моря, вспомни о том, что я могу быть еще страшнее. Я могу поступить с тобой так же, как с посланцами Хаемуаса². Семнадцать лет провели они в этой стране и умерли здесь.

Потом он сказал своему слуге:

— Отведи его к их могиле! Пусть увидит, где они лежат.

Но сказал я ему:

— Не показывай мне их могилу. Посланцы Хаемуаса были людьми, и сам он, отправивший их к тебе, был человек. А сегодня перед тобой посланец богов. Зачем же ты говоришь: «Пойди посмотри на могилу себе подобных»? Почему ты не радуешься, почему не прикажешь ты поставить стелу и высечь на ней:

¹ Слуга Пенамон, судя по имени, египтянин, отправляет Уну-амона, чтобы тень Закар-Баала не коснулась его, так как это, видимо, давало право на особую милость царя.

² Хаемуас — одно из тронных имен фараона XX династии Рамсеса XI.

«Отправил ко мне Амон-Ра, царь богов, божественного посла, Амона Дорожного, вместе с Унуамоном, послом человеческим, за лесом для великой и славной барки Амона-Ра, царя богов. Я срубил деревья и погрузил их на свои корабли со своей командой. Я повелел их доставить в Египет, чтобы испросить для себя у Амона еще пятьдесят лет жизни сверх того, что назначено мне судьбой».

И если случится так, что придет когда-нибудь из Египта другой посол, ведающий письмом, и прочтет твое имя на этой стеле, он совершит тебе, пребывающему в царстве мертвых, жертвенные возлияния, как богам, пребывающим здесь.

На это ответил мне Закар-Баал:

— То, что ты мне открыл, весьма поучительно!

А я сказал ему:

— Все, сказанное здесь тобою, потеряет силу, когда я предстану перед верховным жрецом Амона и он увидит, что ты исполнил его повеление. Только дела твои зачтутся тебе!

Потом я спустился на берег моря, где лежали стволы деревьев. И тут увидел я в море одиннадцать кораблей. Принадлежали они чакалам и прибыли с приказанием: «Захватите Унуамона и не давайте его судам плыть в Египет».

Тут я сел и заплакал.

Пришел на берег личный писец правителя Библа и спросил меня:

— Что с тобою?

И ответил я:

— Разве ты не видишь перелетных птиц? Уже второй раз они улетают в Египет, они возвращаются к своим прохладным прудам. А я, долго буду я оставаться здесь, на чужбине? Смотри! Разве ты не видишь тех, кто пришел, чтобы захватить меня?

Тогда писец удалился и сообщил об этом правителю Библа. Выслушал Закар-Баал его печальную весть и заплакал. Он отправил ко мне своего писца и прислал с ним два кувшина вина и барана. И еще послал он ко мне египетскую певицу Тентниут, которая находилась при нем. Повелел он ей:

— Спой ему! Отгони от него печальные мысли!

Повелел он сказать мне:

— Ешь и пей! Отгони печальные мысли! Все, что я смогу сказать, я скажу тебе завтра.

И вот, когда наступило утро, правитель Библа созвал совет старейшин. Он встал среди них и сказал чакалам: — Зачем вы пришли сюда?

И они ответили:

— Мы пришли сюда, преследуя эти ни на что не годные, разбитые корабли, на которых ты хочешь отправить в Египет наших врагов.

Тогда сказал им правитель Библа:

— Я не могу задерживать посланца Амона в своей стране. Дайте мне отправить его, а потом догоняйте его и задерживайте сами.

И вот посадили меня на корабль, и я покинул эту морскую гавань.

Сильный ветер пригнал меня к земле Алашии¹. Жители города устремились ко мне, чтобы убить меня. Но я пробил себе среди них дорогу к тому месту, где пребывала Хетев, правительница того города. Я увидел ее, когда она шла от одного своего дома к другому. Я приветствовал ее и спросил у людей, которые ее окружали:

— Нет ли среди вас кого-нибудь, кто понимает египетскую речь?

И один из этих людей ответил:

— Я понимаю египетскую речь.

Тогда я сказал ему:

— Скажи своей госпоже, что я слышал повсюду, вплоть до Фив, где пребывает Амон, что несправедливости совершают везде, и только в стране Алашии хранят справедливость. Но теперь я вижу, что и здесь совершают несправедливости каждый день!

Выслушала она это и сказала:

— О чем ты там говоришь?

И ответил я ей:

— Море разбушевалось, и ветер пригнал мой корабль к этой земле, где ты правишь. Неужели же ты позволишь, чтобы меня, посланца Амона, схватили здесь и убили? Подумай еще вот о чем: меня будут разыскивать до скончания дней! Что же до команды правителя Библа, которую тоже хотят убить, то разве не сможет он убить десять команд твоих кораблей, когда они ему попадутся?

И тогда повелела Хетев успокоить своих людей. А затем сказала мне:

¹ Земля Алашия — остров Кипр.

— Ступай и отдыхай!

На следующий день судила меня Хетeb перед своим двором. Я рассказал все, что произошло со мной, и отпустила меня Хетeb с миром, в изобилии снабдив всем необходимым.

* * *

Долго еще скитался я, покинув землю Алашин. Бури и ветры гнали меня от берега к берегу. И прошло много дней, прежде чем я достиг Таниса, где пребывает Несуба-небджед и супруга его Танутамон. Здесь ожидала меня часть моих кораблей, груженных кедровым лесом для обновления великой и славной барки Амона-Ра, царя богов. Остальные погибли посреди моря, а многие захватили чакалы.

От Таниса я поднялся на юг и достиг Фив, где пребывает Амон. Принял меня верховный жрец бога Амона, мой господин Херихор, и поведал я ему о своих злоключениях.

Осмотрел Херихор доставленный груз и нашел, что кедрового леса достаточно для обновления великой и славной барки «Могучая грудь Амона». И смиростивился он надо мной, ибо не было в том, что случилось, моей вины. Наградил он меня рабами своими и оставил меня старейшиной первого зала храма Амона.

Здесь благополучно завершается рассказ о злоключениях Унуамона, как записал его от начала и до конца писец Амона, чьи руки чисты.

Царь Рампсинит и неуловимый вор

Царь Рампсинит был настолько богат и имел так много золота, что ни один из последующих царей не только не мог его превзойти, но и не в силах был даже сравниться с ним. И вот, желая надежно спрятать свои сокровища, он приказал построить каменное хранилище, примыкающее к внешней стене его дворца¹. Но зодчий, которому было это поручено, со злым умыслом сделал так, что один или два человека легко могли вынуть каменную плиту из стены сокровищницы. Когда хранилище было построено, царь поместил в нем все свои богатства.

¹ В действительности речь может идти лишь о фараоне XX династии Рамсесе IV, правившем в 1209—1180 гг. до н. э. В построенном им храме в МедINET-Абу, недалеко от Фив, до сих пор сохранилась сокровищница — особое помещение без окон, примыкающее к задней стене храма.

Спустя некоторое время зодчий почувствовал приближение смерти и призвал к себе своих сыновей, — а их у него было двое. И вот он открыл им, что он сделал во время постройки сокровищницы, заботясь о том, чтобы они могли жить в достатке. Он подробно объяснил им, как можно вынуть каменную плиту, указал приметы этого камня и сказал, что если они сохранят все в тайне, то будут хозяевами царских сокровищ.

Когда зодчий умер, его сыновья, не теряя времени, приступили к делу. Ночью они отправились к царскому дворцу, легко отыскали каменную плиту в стене хранилища и вынули ее руками. В ту ночь они унесли с собой немало сокровищ.

Но случилось так, что царь приказал открыть хранилище. С изумлением он увидел, что в сосудах недостает сокровищ. Однако обвинить кого-нибудь в краже он не мог, ибо хранилище было заперто и все печати на двери остались целыми.

Через некоторое время царь приказал открыть свое хранилище во второй, а затем в третий раз, — и каждый раз он замечал, что сокровища его убывают. Воры не переставали его обкрадывать.

Тогда царь Рампсинит сделал так: он приказал изготовить капканы и поставить их вокруг сосудов, в которых хранились его богатства.

И вот воры пришли, как обычно, к хранилищу. Один из них проник внутрь, но едва он приблизился к сосуду, как тут же попался в капкан. Увидел он, что ему не вырваться, и тотчас позвал своего брата. Он объяснил ему, что с ним случилось, приказал поскорее приблизиться и отрубить ему голову, ибо если бы кто-нибудь увидел его и узнал, погиб бы не только он, но и его брат.

Брат выслушал его и согласился, что иного выхода нет. Он исполнил приказ несчастного, выбрался из хранилища, поставил на место каменную плиту и отправился домой, унося с собою голову брата.

Едва наступил день, царь вновь приказал открыть хранилище. С удивлением увидел он в капкане труп вора без головы. А между тем хранилище оставалось целым и нигде не было ни входа, ни выхода.

Подивился царь и придумал вот что: он велел повесить труп вора на стене, а возле него поставить стражу. И приказал он стражникам хватать и приводить

к нему всякого, кто при виде трупа заплачет или выкажет печаль.

Когда повесили труп вора на стену, мать его охватила скорбь. Она призвала своего сына, оставшегося в живых, и велела ему любым способом избавить тело брата от надругания и принести к ней. Мать грозила, если он этого не сделает, пойти к царю и указать ему похитителя его сокровищ. Мать не давала сыну покоя, и все его увещевания не могли ее утешить.

Тогда вот что придумал вор. Он навьючил несколько ослов мехами с вином и погнал их. Когда ослы приблизились к тому месту, где висел труп его брата и где стояла стража, вор потянул за завязки двух-трех мехов и развязал их. Вино хлынуло на землю, а вор громко закричал, хватаясь за голову, и заметался, словно не зная, к какому ослу вперед броситься.

Увидели стражники вино, текущее в изобилии на землю, бежались с сосудами в руках и принялись его черпать, говоря, что пролитое вино — это их законная доля. А вор их ругал и поносил в притворном гневе.

Тогда стражники стали его утешать. Вор сделал вид, что гнев его прошел, и успокоился. Наконец, он согнал ослов с дороги и принялся их перевьючивать. Стражники вступили с ним в разговор. Кто-то из них заставил его рассмеяться веселой шутке, и в награду за это вор подарил стражникам еще целый мех вина. Стражники тут же принялись распивать вино и пригласили вора выпить вместе с ними. Он согласился и остался.

Стражники обходились с вором любезно и ласково, и за это он дал им еще один мех вина. Так стражники пьянствовали беспрерывно, пока не повалились и не заснули на том же месте, где сидели.

Как только стемнело, вор снял со стены тело брата и погрузил на осла. Потом он в насмешку отрезал всем стражникам правую половину бороды и погнал своих ослов домой. Так исполнил он волю матери.

Когда царю сообщали, что тело вора похищено, он пришел в страшный гнев. Решил он любой ценой обнаружить, кто посмел это совершить, и сделал следующее: царь поселил свою родную дочь в отдельном доме и приказал ей принимать у себя всех мужчин без разбора при одном лишь условии: каждый из них, прежде чем лечь с ней в постель, должен рассказать ей о самом бесчестном и о са-

мом ловком поступке, совершенном им в жизни. И приказал ей царь, если она услышит от кого-либо рассказ про вора, схватить того человека и не отпускать.

Дочь царя поступила согласно воле отца, но вор догадался, ради чего все это придумано. Решил он претворить в хитрости самого царя и сделал так: у свежего еще трупа брата он отрезал руку до плеча, спрятал ее под плащом и отправился к царской дочери.

Царская дочь приняла его, как и всех, и попросила ответить на свои два вопроса. Вор сказал ей, что самый бесчестный поступок в жизни он совершил тогда, когда отрезал голову брату, попавшемуся в капкан в сокровищнице царя. А самый ловкий поступок в жизни он совершил тогда, когда наполнил стражу допьяна и похитил повешенное на стене тело брата.

Как только царская дочь услышала это, она схватила вора. Но он в темноте успел подсунуть ей мертвую руку, и царская дочь уцепилась за нее, думая, что держит руку вора. А вор оставил ей мертвую руку и поспешно выскользнул в дверь.

Когда царю донесли о случившемся, изумился он смелости и ловкости этого человека. И приказал царь оповестить по всем городам, что он дарует прощение невольному вору и обещает хорошо наградить его, если тот к нему явится сам.

Поверил вор обещанию царя и явился к нему. Рамсипнит был так поражен его разумом, что выдал за него свою дочь, как за самого умного человека в своей стране. Он считал египтян самым мудрым из всех народов, но на этого человека Рамсипнит смотрел как на умнейшего среди египтян.

Сказания о Сатни-Хемуасе

САТНИ-ХЕМУАС И МУМИИ

I

У фараона Усер-Маат-Ра¹, да будет он жив, здоров и могуч, был сын по имени Сатни-Хемуас. Славился он своей ученостью, знал он письмо, и тайное было открыто ему. Он знал силу чудодейственных талисманов, он знал священные слова заговоров, он умел произносить могущественные заклинания, ибо он был мудрым писцом и великим чародеем, и не было равных ему во всей стране.

¹ Усер-Маат-Ра — тронное имя фараона XIX династии Рамсеса II (1317—1251 гг. до н. э.).

Все дни свои проводил Сатни-Хемуас в некрополе Мемфиса, в городе мертвых. Здесь разбирал он священные надписи на гробницах, здесь читал он священные книги молитв и заклинаний, здесь совершенствовал он свои познания.

И вот однажды, когда ходил Сатни-Хемуас среди могил и разбирал священные надписи на надгробных стелах, встретился ему человек в одеяниях жреца, служителя Исида. Увидел он, что Сатни-Хемуас разбирает священные надписи на надгробных стелах, и засмеялся.

Спросил его Сатни-Хемуас:

— Кто ты? И почему ты смеешься?

И ответил ему человек:

— Я жрец Исида из Коптоса. А смеюсь я потому, что вижу, как ты теряешь здесь время, разбирая эти надписи. Если ты хочешь познать истинное, найди священную книгу, которую написал своею рукою бог Тот. В ней сокрыты все тайны жизни и смерти, в ней сокрыты могущественные заклинания, и если ты их узнаешь, ты станешь сам подобен богам.

Сказал тогда Сатни-Хемуас:

— Я сделаю все, что ты пожелаешь, если ты мне укажешь, где эта книга!

И ответил ему человек в одеяниях жреца Исида:

— Ищи эту книгу в городе мертвых. Она хранится в гробнице Ноферка-Птаха, сына фараона Мернеб-Птаха. Но только не отнимай у него священную книгу Тота, ибо, если ты унесешь ее из гробницы, он заставит тебя возвратить ее с покаянием: ты придешь к нему с колом в руках, посыпав голову горящими углями¹.

Так сказал человек в одеяниях жреца Исида и исчез. С этого дня Сатни-Хемуас утратил покой. Он отправился к фараону Усер-Маат-Ра, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал ему:

— Разрешь мне спуститься в гробницу Ноферка-Птаха и отыскать священную книгу Тота. Я возьму с собой моего молочного брата Инара и найду эту книгу.

И фараон Усер-Маат-Ра дозволил ему сделать все, что он просил.

Вместе с братом своим Инаром вернулся Сатни-Хемуас в город мертвых, и они стали искать гробницу Ноферка-

¹ Приходить с колом в руках, посыпав голову горящими углями, — обряд искупления какой-либо вины перед мертвыми.

Птаха. Три дня и три ночи они разбирали надписи на надгробных стелах и читали заклинания. На четвертый день они нашли то место, где покоемся Ноферка-Птах, сын фараона Мернеб-Птаха.

От радости Сатни-Хемуас позабыл все на свете. Вместе с братом Инаром они отвалили каменную плиту, и Сатни-Хемуас хотел спуститься в гробницу. Но тут свет померк и каменная плита упала на свое место. А когда снова стало светло, Сатни-Хемуас увидел, что он и его брат Инар лежат на песке в пустыне, и пирамиды города мертвых еле виднеются вдали.

Вернулись они в город мертвых. Три дня и три ночи провели они в поисках, но найти то место, где покоемся Ноферка-Птах, уже не могли.

На четвертый день снова увидел Сатни-Хемуас того человека в одеяниях жреца Исида. И сказал ему человек:

— Ты забыл, что никто не может войти в покой мертвых! Ты забыл свои священные заклинания! Только тот, кто их знает, может переступить порог вечного обиталища Ноферка-Птаха!

Так сказал человек в одеяниях жреца Исида и удалился. А Сатни-Хемуас приказал своему молочному брату Инару:

— Принеси мне ларец из эбенового дерева, где хранится моя книга заклинаний!

Принес Инар ларец из эбенового дерева, и Сатни-Хемуас открыл свою книгу заклинаний. Он прочел что там написано и произнес заклинание. В тот же миг вороны и орлы-стервятники слетелись к нему отовсюду и закружились над его головой. Они обились в стаю и полетели над гробницами города мертвых, а Сатни-Хемуас и его брат Инар последовали за ними.

Вороны и орлы-стервятники опустились всей стаей на каменную плиту одной гробницы, и Сатни-Хемуас узнал то место, где покоемся Ноферка-Птах, сын фараона Мернеб-Птаха. Тогда произнес он второе заклинание. С криком улетели вороны и орлы-стервятники, а каменная плита поднялась сама собой.

Спустились Сатни-Хемуас и его молочный брат Инар в гробницу Ноферка-Птаха. И тут увидел Сатни-Хемуас, что человек в одеяниях жреца Исида и был сам Ноферка-Птах. Но теперь он лежал в погребальных пеленах в виде мумии.

Три дня и три ночи искали Сатни-Хемуас и его молочный брат Инар священную книгу Тота в гробнице Ноферка-Птаха. Они разобрали и прочли все надписи на стенах, они осмотрели все сосуды, они сдвинули все статуи и положили их на спину, чтобы узнать, не хранится ли эта книга под ними. Но они ничего не нашли.

Тогда встал Сатни-Хемуас и произнес могущественное заклинание. Он сказал:

— Именем Тота всеведущего и всемогущего, явись!

И вдруг сияние, подобное солнечному, озарило гробницу. Оно исходило от мумии Ноферка-Птаха. И Сатни-Хемуас увидел, что это светится священная книга, прибинтованная погребальными пеленами к груди Ноферка-Птаха, сына фараона Мернеб-Птаха.

Сатни-Хемуас протянул руку, чтобы взять священную книгу, которую Тот начертал своею рукой. Но тогда заговорил вдруг Ноферка-Птах:

— Не отнимай у меня священную книгу Тота! Из-за нее я покинул землю раньше, чем было мне предназначено. Не уноси ее! Ибо если ты ее унесешь, я заставлю тебя вернуть ее с покаянием: ты придешь ко мне с колом в руках, посыпав голову горящими углями.

Но Сатни-Хемуас протянул свою руку к священной книге и воскликнул:

— Я возьму ее!

Тогда Ноферка-Птах сотворил заклинание и сказал:

— О жена моя Ахура и сын мой Мериб, чьи тела покоятся в Коптосе! Пусть явится раше Ка сюда! Помогите мне сохранить священную книгу Тота, из-за которой мы покинули землю раньше, чем было нам предназначено!

И вот Ка жены Ноферка-Птаха и сына его Мериба явились в гробницу. Ахура встала перед Сатни-Хемуасом, прижала к себе своего сына Мериба и сказала:

— Не бери эту книгу, из-за которой мы покинули землю раньше, чем было нам предназначено! Выслушай прежде, что я тебе расскажу.

Мое имя Ахура, я родная дочь фараона Мернеб-Птаха. А это мой брат и муж Ноферка-Птах, родной сын фараона Мернеб-Птаха. Мы родились от одного отца и одной матери, и у наших родителей не было больше детей. Мы росли вместе, и я любила брата моего Ноферка-Птаха и не желала себе в мужа никого другого. И вот, когда пришло время

выдавать меня замуж, привели меня к отцу моему фараону. Он увидел меня и сказал:

— Дочь наша Ахура стала взрослой, и пришло время выдавать ее замуж. Надо найти ей достойного супруга!

Так он сказал и отослал меня. Но я любила только брата моего Ноферка-Птаха и не желала никакого другого мужчину. И вот призвала я приближенного слугу фараона и повелела ему передать моему отцу такие слова: «Дочь твоя Ахура любит сына твоего Ноферка-Птаха, и он тоже любит ее. Сделай по желанию детей твоих и отдай Ахуру в жены Ноферка-Птаху!»

Отправился приближенный слуга к фараону и сказал ему:

— Дочь твоя Ахура любит сына твоего Ноферка-Птаха, и он тоже любит ее. Сделай по желанию детей твоих и отдай Ахуру в жены Ноферка-Птаху! Пусть брат и сестра будут супругами по обычаю фараонов!

Но фараон рассердился и ответил ему:

— Я женю своего сына на дочери военачальника моей армии и отдам свою дочь в жены сыну другого военачальника моей армии!

* * *

И еще сказал фараон:

— Не гневай меня! У меня только двое детей и, может быть, больше других не будет. Разве я поступлю по закону, если женю их друг на друге? Нет, я женю Ноферка-Птаха на дочери военачальника, и я отдам Ахуру в жены сыну другого военачальника, чтобы потомство мое умножилось!

И вот, когда пришел час и все собрались на пир, послали за мной и призвали меня к фараону. Сердце мое было опечалено, и я сама на себя не походила.

Сказал мне тогда фараон:

— Ахура, это ты послала ко мне моего приближенного с такими неразумными словами: «Отдай меня в жены моему старшему брату Ноферка-Птаху?»

Ответила я ему:

— Пусть он женится на дочери военачальника и пусть отдадут меня в жены сыну другого военачальника, чтобы потомство твое умножилось!

И тут засмеялась я, и фараон тоже засмеялся. И сказал он своему приближенному, надзирающему за дворцом фараона:

— Пусть Ахуру этой же ночью отведут в дом брата ее Ноферка-Птах и пусть принесут за ней следом всякие свадебные подарки из наилучших!

И вот я вошла как супруга в дом брата моего Ноферка-Птах. Фараон прислал мне золотые и серебряные украшения, и все приближенные фараона принесли мне свои дары. Ноферка-Птах провел со мною счастливый день, принимая у себя приближенных двора фараона. И в ту же ночь он остался со мной и познал меня и увидел, что я девственна и прекрасна. Он познал меня еще и еще, ибо мы сильно любили друг друга.

Но вот настала пора месячных очищений, но у меня месячные не пришли. Сообщили об этом фараону, и он обрадовался всем сердцем. Повелел он взять из сокровищницы своего дворца всякие драгоценные вещи и послал мне прекрасные подарки из золота и серебра и одежды из царского полотна.

А когда пришло время родов, родила я сына, которого ты видишь перед собой. Дали ему имя Мериб, и занесли его в списки Дома Жизни¹.

Прошло после этого много дней. Супруг мой и брат мой Ноферка-Птах, казалось, только затем и живет на земле, чтобы бродить по городу мертвых, близ Мемфиса, и разгадывать надписи на стенах гробниц фараонов и на погребальных стелах писцов Дома Жизни. Он разбирал и читал все надписи, ибо думал все время только о них.

И вот однажды Ноферка-Птах увидел торжественное шествие в честь бога Птах. Следом за шествием он вошел в храм бога, чтобы там помолиться. Но когда он шел позади и разбирал надписи, сделанные там, где стояли статуи богов, увидел его один жрец-старик и засмеялся.

Спросил его Ноферка-Птах:

— Почему ты смеешься надо мной?

Но жрец ответил ему:

— Я смеюсь вовсе не над тобой. Однако я не могу удержаться от смеха, глядя на то, как ты разбираешь здесь надписи, не имеющие никакой силы. Если ты хочешь познать истинное, пойдем со мной! Я расскажу тебе, где хранится книга, написанная рукой самого бога Тота в те времена, когда он спускался на землю вместе с другими бо-

¹ Дом Жизни — школа при храме, где обучались чтению священных книг, астрологии и магии.

гамн. Есть в той книге два заклинания. Если ты скажешь первое заклинание, заворижишь ты небо и землю, горы и воды и загробный мир. Ты поймешь язык птиц в небесах и ползучих тварей земных, ты увидишь рыб из бездонных глубин, ибо чудесная сила поднимет над ними воды. А если ты скажешь второе заклинание, ты сможешь даже в гробнице принять тот облик, который имел на земле. И ты вновь увидишь, как солнце свершает в небе свой путь в окружении сонма богов, как луна зарождается в высоте, и ты увидишь звезды в их истинном образе.

Сказал тогда Ноферка-Птах жрецу:

— Заклинаю тебя жизнью фараона! Я дам тебе все, что ты пожелаешь, если ты скажешь мне, где хранится та книга!

И жрец сказал Ноферка-Птаху:

— Если ты хочешь, чтобы я указал тебе место, где хранится та книга, дай мне сто дебенов серебра, чтобы устроить мое погребение, и прикажи изготовить мне двойной саркофаг, как подобает жрецу.

Ноферка-Птах тотчас же позвал слугу и повелел дать жрецу сто дебенов серебра. Затем повелел он изготовить двойной саркофаг. Он сделал все, о чем просил жрец.

Тогда жрец сказал Ноферка-Птаху:

— Книга, о которой я говорил, покоится посреди Нила близ Коптоса. Там лежит на дне железный сундук. В железном сундуке лежит сундук бронзовый. В бронзовом сундуке лежит сундук из дерева лавра. В сундуке из дерева лавра лежит ларец из эбенового дерева и слоновой кости. В ларце из эбенового дерева и слоновой кости лежит серебряный ларец. В серебряном ларце лежит золотой ларчик. А в том золотом ларчике хранится книга, о которой я говорил. Скорпионы и змеи окружают то место кольцом длиною в двенадцать тысяч локтей. А вокруг сундука обвился бессмертный змей.

Когда жрец рассказал это, Ноферка-Птах потерял покой. Вернувшись из храма, он поведал мне обо всем, что с ним было, и сказал:

— Я отправлюсь в Коптос, я достану ту книгу, а потом вернусь сюда, в Мемфис.

Разгневалась я на того жреца и сказала ему:

— Да покарает тебя Амон за то, что сказал ты Ноферка-Птаху! Ты принес в мой дом раздор, а мне — горе!

Потом я простерла руки к Ноферка-Птаху, чтобы удержать его и не пускать в Коптос, но он не стал меня слу-

шать. Он пришел к фараону и рассказал ему обо всем, что узнал от жреца.

Спросил его фараон:

— Что желает сердце твое?

И ответил ему Ноферка-Птах:

— Пусть дадут мне корабль фараона, полностью снаряженный. Я возьму с собою сестру мою Ахуру и ее маленького сына Мериба и отправлюсь с ними в сторону юга. Я хочу поскорее достать ту книгу и возвратиться в Мемфис.

И вот ему дали корабль фараона, полностью снаряженный, и мы взойшли на него. Мы отправились в путь и прибыли в Коптос.

Когда сообщили о нас жрецам храма Исиды, владычицы Коптоса, и верховному жрецу Исиды, они спустились на берег навстречу к нам. В тот же час явились они к Ноферка-Птаху, а их жены пришли ко мне.

Мы высадились на берег и направились в храм Исиды и Гора-Младенца. Ноферка-Птах повелел привести быка и принести гуся и вино. Он принес жертвы и совершил возлияния перед Исидой и Гором. Затем отвели нас в превосходный дом, полный всяких прекрасных вещей.

Четыре дня провел здесь Ноферка-Птах, пируя со жрецами Исиды, владычицы Коптоса. А я в это время пировала с их женами.

Когда наступило утро пятого дня, Ноферка-Птах повелел принести ему побольше чистого воска. Он изготовил из воска барку с гребцами и корабельщиками. Он произнес над ними заклинание, вдохнул в них дыхание жизни, спустил барку на воду и поставил ее впереди корабля фараона. Затем он наполнил корабль фараона песком, попрощался со мной и взойшел на корабль. А я села на берегу Нила и сказала:

— Если что-нибудь с ним случится, я сразу узнаю!

И вот повелел Ноферка-Птах созданным им гребцам:

— Гребите! Гребите, пока мы не доплывем до того места, где хранится та книга!

И они принялись гребти и гребли три дня и три ночи. Когда достигли они того места, где хранилась на дне книга Тота, и привели за собой корабль фараона, Ноферка-Птах бросил в Нил песок с корабля, и река осушилась в том месте. Увидел Ноферка-Птах кольцо в двенадцать тысяч локтей из змей, скорпионов и прочих ползучих гадов, а в середине того кольца — железный сундук, в котором хра-

нилась книга. Увидел он бессмертного змея, которой обвил тот сундук. Тогда произнес Ноферка-Птах заклинание, и все кольцо в двенадцать тысяч локтей из змей, скорпионов и прочих ползучих гадов сразу замёрло.

Затем он спустился туда, где лежал сам бессмертный змей, и напал на него. Он убил бессмертного змея, но тот снова ожил и стал таким же, как прежде.

Он второй раз напал на бессмертного змея и убил его. Но бессмертный змей снова ожил и стал таким же, как прежде.

В третий раз Ноферка-Птах напал на бессмертного змея, убил его и рассек пополам. Между двумя половинами он бросил песок, и змей не смог стать таким же, как прежде, и умер.

Тогда подошел Ноферка-Птах к сундуку и узнал тот железный сундук. Он открыл его и нашел в нем сундук из бронзы. Он открыл его и нашел в нем сундук из лаврового дерева. Он открыл его и нашел в нем ларец из эбенового дерева и слоновой кости. Он открыл его и нашел в нем ларец из серебра. Он открыл его и нашел в нем ларчик из золота. Он открыл его и увидел книгу, которую так искал.

Тут вынул Ноферка-Птах эту книгу из золотого ларчика и произнес первое из начертанных в ней заклинаний. Заворожил он небо и землю, горы и воды и загробный мир. Он стал понимать язык птиц в небесах, язык рыб в водах и речи зверей в горах. Произнес он второе из начертанных в книге заклинаний и увидел, как солнце свершает свой путь в небесах в окружении сонма богов, он увидел, как восходит луна, и увидел звезды в их истинном образе. Он увидел рыб из бездонных глубин, ибо чудесная сила подняла толщу вод над ними.

Потом он произнес заклинание над рекой, и она вернулась на прежнее место. Ноферка-Птах взошел на корабль и повелел гребцам:

— Гребите! Гребите, пока мы не вернемся туда, откуда отплыли!

И они принялись гребти и гребли три дня и три ночи, пока не привели корабль к берегу, где я их ждала. Я сидела на берегу, я не ела и не пила и не двигалась, словно мертвое тело, принесенное в Дом Погребений¹. И сказала я Ноферка-Птаху:

¹ Дом Погребений — помещение, где производилось бальзамирование и пеленание мумий.

— Заклинаю тебя жизнью фараонов! Покажи мне ту книгу, из-за которой нам придется столько претерпеть.

И он дал мне в руки ту книгу. Я произнесла первое из начертанных в ней заклинаний и заморозила небо и землю, горы и воды и загробный мир. Я поняла язык птиц в небесах, и рыб в бездонных глубинах, и зверей на земле. Я произнесла второе из начертанных в книге заклинаний и увидела солнце, свершающее свой путь в окружении сонма богов, и луну, восходящую в небе, и все звезды в их истинном образе. И я увидела рыб в глубине, ибо чудесная сила подняла толщу вод над ними.

Я не умела писать и сказала об этом Ноферка-Птаху, моему супругу и старшему брату. Но он был искушенным писцом и великим мудрецом. Он повелел принести ему свиток чистого папируса и начертал на нем все слова, которые были в той книге. Потом он смочил свиток писком и растворил его в воде. И когда он увидел, что все уже растворилось, он выпил ту воду и познал все, что было начертано в книге Тота.

В тот же час мы вернулись в Коптос и провели счастливый день перед храмами Исида, владычицы Коптоса, и бога Гора-Младенца.

Затем мы взойшли на корабль фараона и пустились в обратный путь. Но мы успели проплыть на север от Коптоса только двенадцать тысяч локтей.

Бог Тот узнал, что Ноферка-Птах овладел его книгой. В тот же час он явился к Ра и сказал ему:

— Узнай, что Ноферка-Птах, сын фараона Мернеб-Птаха, да будет он жив, здоров и могуч, нарушил закон и присвоил себе мои права. Он проник в мой владения и ограбил меня. Он овладел моим сундуком, в котором хранилась книга заклинаний. Он убил моего стража, который стерег тот сундук. Рассуди меня с Ноферка-Птахом.

На это сказал ему Ра:

— Отдаю тебе Ноферка-Птаха и всех его ближних. Они твои!

Затем повелел Ра Небесной силе спуститься на землю и приказал:

— Сделай так, чтобы Ноферка-Птах и все его ближние не смогли прибыть в Мемфис целыми и невредимыми!

В тот же час маленький сын мой Мериб вышел из-под навеса корабля фараона, упал в воду и пошел ко дну во

исполнение воли Ра, а все, кто был на корабле, громко закричали. Тогда вышел на палубу Ноферка-Птах. Он произнес над мальчиком заклинание и заставил тело его всплыть наверх, и чудесная сила подняла его над водой. Он произнес над ним еще одно заклинание и заставил мертвого заговорить. И тогда рассказал мертвый все о том, что с ним было, а также о жалобе бога Тота и приговоре Ра.

Мы вернулись в Коптос и отнесли тело мальчика в Дом Погребенный. Мы повелели, чтобы над ним совершили все, что нужно, и его набальзамировали, как подобает бальзамировать знатного человека. Мы повелели положить его в саркофаг, и его погребли в городе мертвых Коптоса.

Сказал тогда Ноферка-Птах, мой брат и супруг:

— Отправимся в путь на север! Не будем задерживаться! Оповедем фараона о том, что случилось, и пусть сердце его скорбит вместе с нашими!

Мы взойшли на корабль фараона и отправились в путь. Но мы успели проплыть на север от Коптоса только двенадцать тысяч локтей. Когда мы достигли того места, где мой маленький сын Мериб утонул, я вышла из-под навеса корабля фараона и упала в воду. Я пошла ко дну во исполнение воли Ра, а все, кто был на корабле, громко закричали.

Тогда вышел на палубу Ноферка-Птах. Он произнес надо мной то же заклинание и заставил тело мое всплыть, ибо чудесная сила подняла меня. Он повелел достать меня из воды и произнес надо мной другое заклинание. И тогда рассказала я все о том, что со мною было, а также о жалобе бога Тота и приговоре Ра.

Ноферка-Птах вернулся со мною в Коптос, и меня отнесли в Дом Погребенный. Он повелел совершить надо мной все, что нужно, и тело мое набальзамировали, как подобает бальзамировать самых знатных людей. И меня погребли в той же самой гробнице, где уже покоемся мой маленький сын Мериб.

Ноферка-Птах взойшел на корабль фараона и отправился в путь. Он проплыл на север от Коптоса двенадцать тысяч локтей и достиг того места, где я и мой сын упали в воду. Тогда обратился он к своему сердцу и спросил его: «Не лучше ли мне вернуться в Коптос? Ведь если я возвращусь сейчас в Мемфис и фараон меня спросит, что стало с его детьми, как я ему отвечу? Разве смогу я ему сказать, что вот я увлек за собою твоих детей к Фивам, погубил их, а сам остался жив и возвратился в Мемфис?»

И тогда повелел Ноферка-Птах принести ему полосу тончайшего царского полотна и сделал из нее волшебную перевязь. Он перевязал ею книгу Тота и крепко прибинтовал ее к своей груди. Затем он вышел из-под навеса корабля фараона, бросился в воду и пошел ко дну во исполнение воли Ра, а все, кто был на корабле, громко закричали:

— Великое горе! Великое несчастье! Ушел от нас искусный писец, ушел мудрец, которому не было равных!

Поплыл дальше корабль фараона, и никто на свете не знал, где был Ноферка-Птах.

Когда корабль прибыл в Мемфис, сообщили обо всем фараону, и фараон спустился на берег к кораблю. Он оделся в одежды скорби, и все жители Мемфиса, все жрецы бога Птаха, и верховный жрец бога Птаха, и все приближенные фараона явились в одеждах скорби. И тогда заметили они тело Ноферка-Птаха, которое зацепилось за рулевое весло корабля фараона, ибо так пожелал Ноферка-Птах, искусный писец и чародей.

Его вынесли на берег и увидели на груди его книгу Тота. И повелел фараон:

— Эта книга, что покоится у него на груди, должна быть скрыта от всех!

И все приближенные фараона, все жрецы бога Птаха и верховный жрец бога Птаха сказали:

— Повелитель наш, да будешь ты долговечен, как Ра! Ноферка-Птах был искусным писцом и великим мудрецом. Пусть останется эта книга у него!

И тогда фараон повелел отнести Ноферка-Птаха в Дом Погребений. Шестнадцать дней пребывал он там, через тридцать пять дней запеленали его мумию, и через семьдесят дней совершилось его погребение. И положили Ноферка-Птаха в его гробницу в городе вечного успокоения.

Я рассказала тебе обо всех несчастьях, которые мы претерпели из-за этой книги. Не говори же: «Я возьму ее!» Нет у тебя на то права, ибо мы из-за этой книги покинули землю раньше, чем было нам предназначено.

Но ответил ей Сатни-Хемуас:

— Ахура, дай мне книгу, которую я вижу между тобой и Ноферка-Птахом! Иначе я возьму ее силой!

Тогда поднялся Ноферка-Птах из своего саркофага и сказал:

— Твое имя Сатни, не так ли? Ты слышал рассказ

этой женщины о несчастьях, которых ты сам не испытал. Но можешь ли ты овладеть этой книгой благодаря твоим знаниям искуснейшего писца и умению играть в таб?¹ Сыграем, и пусть достанется книга тому, кто выиграет!

На это ответил Сатни-Хемуас:

— Я согласен!

И вот они взяли доску для таба, расставили на ней «шакалов» и принялись играть.

Первый раз выиграл Ноферка-Птах. Он произнес над Сатни-Хемуасом заклинание, ударил его по голове доскою таба и погнал его в землю до колен.

И второй раз выиграл Ноферка-Птах. Он произнес заклинание и погнал Сатни-Хемуаса в землю до бедер.

И в третий раз выиграл Ноферка-Птах и вогнал Сатни-Хемуаса в землю до шеи. И еще сверху ударил его рукой.

Тогда Сатни-Хемуас призвал на помощь молочного брата своего Инара. Сказал он ему:

— Не медли здесь! Поднимись на землю, расскажи обо всем, что со мной стало, фараону и принеси мне талисман отца моего, бога Птаха, и магические книги заклинаний!

Немедля поднялся Инар на землю и рассказал фараону обо всем, что случилось с Сатни-Хемуасом. Повелел тогда фараон:

— Отнеси ему талисман отца нашего, бога Птаха, и священные книги заклинаний!

Поспешно вернулся Инар в гробницу, положил талисман на голову Сатни-Хемуаса — и тот сразу вышел из земли.

Протянул Сатни-Хемуас руку к волшебной книге и схватил ее. Он направился к выходу из гробницы, и свет разливался впереди него, а позади него шествовал мрак.

Заплакала Ахура и закричала ему вслед:

— Уходит сияние света, надвигается темнота! Все, что было в нашей гробнице, ушло с этой книгой!

Но сказал Ноферка-Птах Ахуре:

— Не печалься так! Я заставляю его вернуть нашу книгу с покаяниями: он придет к нам с колом в руках, посыпав голову горящими углями.

Тем временем Сатни-Хемуас вышел из гробницы и

¹ Таб — современное название древнеегипетской игры, напоминающей шашки. По доске, разделенной на квадраты, передвигали фигурки с головами шакалов; эти фигурки назывались просто «шакалы» или «собаки».

закрыв ее за собой, как было прежде. Он пришел к фараону и поведал ему обо всем, что случилось с ним, когда он искал священную книгу. И сказал ему фараон:

— Будь мудрым и верни эту книгу Ноферка-Птаху! Иначе он заставит тебя вернуть ее с покаянием, и ты придешь к нему с колом в руках, посылав голову горящими углями.

Но Сатни-Хемуас не стал его слушать. Он везде разворачивал свиток и читал эту книгу всем без различия, словно не было у него другого дела на свете.

II

Но вот однажды, когда прогуливался Сатни-Хемуас по двору храма Птаха, он заметил прекрасную женщину: красоте ее не было равных! Богатые украшения ее были из золота, юные девушки окружали ее, а за нею следовало двое слуг.

Увидел ее Сатни-Хемуас и потерял покой. Он призвал своего молодого слугу и приказал ему:

— Поспешн к этой женщине и узнай, кто она такая!

Слуга поспешно отправился следом за красавицей. Он остановил одну из девушек, которые ее окружали, и спросил:

— Кто это такая?

Ответила ему девушка:

— Это Табуба, дочь жреца богини Баст¹, владычицы Анхтаун. Она пришла помолиться в храме великого бога Птаха.

Вернулся молодой слуга к Сатни-Хемуасу и передал ему слова той девушки. Сказал тогда Сатни-Хемуас:

— Пойди и скажи ее приближенной: «Сатни-Хемуас, сын фараона Усер-Маат-Ра, послал меня, чтобы ты передала своей госпоже его слова: «Если ты согласишься провести со мной один час, я подарю тебе десять дебен² золота! Но если ты не согласишься, я возьму тебя силой! Я увлеку тебя в скрытое место, где тебя не отыщет никто на свете».

Молодой слуга вернулся туда, где была Табуба, ото-звал ее приближенную и заговорил с ней. Но она негодуя закричала, словно оскорбленная его словами.

¹ Б а с т — богиня любви и веселья. Почиталась в образе кошки в Анхтаун, близ Мемфиса. Центром ее культа был город Бубаст.

Тогда Табуба сказала молодому слуге:

— О чем ты там говоришь с этой глупой служанкой? Подойди ко мне и говори со мной.

Молодой слуга приблизился к Табубе и сказал ей:

— Сатни-Хемуас, сын фараона Усер-Маат-Ра, даст тебе десять дебенов золота, если ты согласишься провести с ним один час. Но если ты не согласишься, он возьмет тебя силой! Он увлечет тебя в скрытое место, где тебя не отыщет никто на свете.

На это сказала ему Табуба:

— Ступай и передай Сатни-Хемуасу: «Я не простая женщина, а жрица. Я чиста! Если ты желаешь насладиться мною, приходи ко мне, в мой дом в Пер-Басте¹. Там будет все для нас приготовлено. Ты насладишься мною, но меня не увидит никто на свете. А поступать так, как делают уличные девки, я не желаю!»

Молодой слуга вернулся к Сатни-Хемуасу и передал ему все, что сказала Табуба, до последнего слова. Тогда прогворил Сатни-Хемуас:

— То, что ты мне сказал, превосходно!

Но все, кто был рядом с ним, вознегодовали.

Однако Сатни-Хемуас повелел приготовить для себя барку. Он вошел на нее и поспешно направился в Пер-Баст.

Он достиг Пер-Баста и пришел в западную часть города. Там увидел Сатни-Хемуас высокий дом. Перед домом была терраса, а с северной стороны был сад, окруженный стеною. Спросил Сатни-Хемуас:

— Чей это дом?

И ему ответили:

— Это дом Табубы.

Тогда Сатни-Хемуас вошел в сад, окруженный стеною, и остановился перед беседкой, которая была в саду.

О его приходе пошли и сказали Табубе. Она спустилась в сад, взяла Сатни-Хемуаса за руку и сказала:

— Клянусь процветанием дома жреца богини Баст, владычицы Анхтаун, в который ты прибыл, я рада твоему приходу! Пойдем со мной наверх!

И Сатни-Хемуас последовал за Табубой. Они поднялись по лестнице и вошли в дом.

Весь верхний этаж был украшен и чисто прибран. Пол

¹ Пер-Баст — один из районов Мемфаса.

был выложен чистым лазуритом и чистой бирюзой. Там стояли лежа, покрытые царским полотном, а на столике было множество золотых сосудов. Налила Табуба золотую чашу вина, подала ее Сатни-Хемуасу и сказала:

— Выпей и поешь!

Но ответил ей Сатни-Хемуас:

— Я не за этим сюда пришел.

Они подбросили благовония в огонь, они умастились притираниями, какими умащаются фараоны, и Сатни-Хемуас провел рядом с Табубой счастливый день. Никогда еще он не видел красавицы равной ей!

Но вот сказал Сатни-Хемуас Табубе:

— Совершим то, для чего мы сюда пришли!

Однако Табуба ему ответила:

— Ты уйдешь отсюда и вернешься в свой дом. Но я не простая женщина, а жрица. Я чиста! Если ты хочешь насладиться мною, напиши мне дарственную, как супруге, на все богатства дома твоего.

И сказал ей Сатни-Хемуас:

— Пусть призовут ученого писца!

В тот же час привели к нему ученого писца, и Сатни-Хемуас повелел описать в дар Табубе все, что она просила. Он составил дарственную запись на все достояние и богатства, которыми он обладал.

Но вот к Сатни-Хемуасу пришли и сказали:

— Твои дети стоят внизу!

Приказал он:

— Пусть они войдут!

Тогда поднялась Табуба и облачилась в одежды из тончайшего полотна. Увидел Сатни-Хемуас все ее тело сквозь прозрачное одеяние, и желание его стало сильнее, чем прежде. Сказал он Табубе:

— Дозволь совершить мне то, для чего я сюда пришел!

Но она ему ответила:

— Ты уйдешь отсюда и вернешься в свой дом. Но я не простая женщина, а жрица! Я чиста! Если ты хочешь насладиться мною, ты заставишь своих детей подписать эту дарственную, чтобы потом твои дети не оспаривали право моих детей на твое добро!

И Сатни-Хемуас повелел привести своих детей и заставил их подписаться под дарственной. Потом он сказал Табубе:

— Дозволь же мне совершить то, для чего я сюда пришел!

Но Табуба ему ответила:

— Ты уйдешь отсюда и вернешься в свой дом. Но я не простая женщина, а жрица! Я чиста! Если ты хочешь насладиться мною, ты прикажешь убить своих детей, чтобы они не отняли твое добро у моих детей.

И сказала ей Сатни-Хемуас:

— Пусть же свершится ужасное злодеяние, раз ты этого пожелала!

И Табуба приказала убить детей Сатни-Хемуаса на его глазах, а тела их выбросить из окна на растерзание собакам и кошкам. Потом они сели пить вино, и до слуха их доносилось, как собаки и кошки пожирали детей Сатни-Хемуаса.

И опять сказал Сатни-Хемуас Табубе:

— Совершим же то, для чего мы пришли сюда, ибо я сделал все, о чем ты меня просила!

Тогда сказала Табуба:

— Войди в эту комнату!

Вошел Сатни-Хемуас в ту комнату и лег на ложе из слоновой кости и эбенового дерева. И Табуба легла рядом с ним, чтобы утолить его страсть. Протянул он к ней руки и обхватил ее. Закричала она ужасным голосом, широко разинув рот, и он вошел в нее, словно в горящую печь...

Но вот Сатни-Хемуас очнулся. Он лежал обнаженный, и не было у него одеяния, чтобы прикрыть свою наготу. Он увидел перед собой колесницу, а на ней человека огромного роста. Множество людей склонялось к его ногам, и по обилку своему он походил на фараона.

Сатни-Хемуас хотел встать и не мог, ибо не было на нем никакой одежды и ему нечем было прикрыть свою наготу. Тогда спросил его дух в обличии фараона:

— Сатни, что случилось с тобой?

И ответил ему Сатни-Хемуас:

— Это сделал со мной Ноферка-Птах.

Сказал ему дух в обличии фараона:

— Возвращайся в Мемфис! Дети твои жаждут видеть тебя. Они пришли, как обычно, к фараону и ждут тебя.

Но ответил ему Сатни-Хемуас:

— О повелитель, господин мой, да живешь ты вечно, подобно Ра! Как же могу я вернуться в Мемфис, когда мне нечем прикрыть свое тело?

Тогда окликнул дух в обличии фараона слугу, который стоял рядом с ним, и повелел ему дать одежды Сатни-Хемуасу. И сказал он Сатни-Хемуасу:

— Сатни, возвращайся в Мемфис к своим детям. Они живы и ждут тебя, как обычно, у фараона.

И вот Сатни-Хемуас вернулся в Мемфис. Он увидел, что дети его живы, и с радостью обнял их. И тогда спросил его фараон:

— Что с тобой было? Неужели ты был так пьян?

И рассказал ему Сатни-Хемуас все, что сделали с ним Табуба и Ноферка-Птах.

Сказал ему фараон:

— Сатни, я уже помог тебе один раз, когда сказал тебе: «Если ты не отнесешь эту книгу туда, откуда ты ее взял, тебя убьют!» Но до сих пор ты не хотел меня слушать. Верни же теперь эту книгу Ноферка-Птаху с покаянием: возвращайся к нему с колом в руках, посыпав голову горящими углями!

И вот Сатни-Хемуас вышел от фараона с колом в руках и с горящими углями на голове и спустился в гробницу Ноферка-Птаха. Увидела его Ахура и воскликнула:

— Сатни, видно, сам великий бог Птах позволил тебе вернуться сюда целым и невредимым!

А Ноферка-Птах засмеялся и сказал:

— Вот видишь, Сатни, все случилось так, как я тебе говорил.

И Сатни-Хемуас почтительно приветствовал Ноферка-Птаха. В гробнице было теперь светло, как прежде, словно в ней сиял сам солнечный лик бога Ра. Поэтому Ноферка-Птах и жена его Ахура с радостью ответили на приветствие Сатни-Хемуаса.

Затем обратился Сатни-Хемуас к Ноферка-Птаху и спросил его:

— Скажи мне, Ноферка-Птах, что печалит тебя? Я тебе помогу!

И ответил ему Ноферка-Птах:

— Ты знаешь, что жена моя Ахура и сын мой Мериб покоятся в Коптосе, и сюда я могу призывать их. Ка лишь с помощью моей власти искусного писца и чародея. Отправ-
ляясь же в Коптос и перенеси их тела сюда.

Тотчас Сатни-Хемуас покинул гробницу и пришел к фараону. Он рассказал ему обо всем, что говорила Ноферка-Птах, и фараон повелел:

— Сатни, отправляйся в Коптос и перенеси сюда мумии Ахуры и сына ее Мериба!

Тогда попросил его Сатни-Хемуас:

— Пусть дадут мне корабль фараона, полностью снаряженный!

И ему дали корабль фараона, полностью снаряженный. Он вошел на него, отправился в путь и без промедления прибыл в Коптос. Сообщили об этом жрецам Исиды, владычицы Коптоса, и верховному жрецу Исиды. Они вышли к нему навстречу, спустились на берег Нила и подали ему руку, помогая сойти с корабля.

Сатни-Хемуас сошел с корабля и направился в храмы владычицы Коптоса и бога Гора. Он повелел привести быка, доставить гуся и вино, и он принес жертвы и совершил возлияния в честь Исиды и Гора-Младенца.

Затем со жрецами Исиды, владычицы Коптоса, и верховным жрецом Исиды отправился Сатни-Хемуас в город мертвых Коптоса. Три дня и три ночи искали они гробницу, где покоятся Ахура и ее сын Мериб. Они ходили среди могил, они осматривали погребальные стелы лиц Дома Жизни, они разбирали и читали надписи, начертанные на них. Но они не нашли гробницы, где покоились Ахура и ее сын Мериб.

И вот Ноферка-Птах узнал о том, что они не могут найти гробницу, где покоятся Ахура и ее сын Мериб. Тогда он принял обличье старика жреца, отягченного бременем лет, и предстал перед Сатни-Хемуасом. Увидел его Сатни-Хемуас и сказал:

— По виду тебе уже много лет. Может быть, ты знаешь, где гробница, в которой покоятся Ахура и ее сын Мериб?

Ответил ему старик:

— Отец отца моего отца так говорил отцу моего отца: «Отец отца моего отца сказал отцу моего отца, что гробницу, в которой покоятся Ахура и ее сын Мериб, надо искать под южным углом дома, где живет жрец».

Сказал тогда Сатни-Хемуас старику:

— А что, если жрец чем-нибудь досадил тебе и ты говоришь это лишь для того, чтобы мы разрушили его дом?

Но старик ответил ему:

— Пусть меня заключат под стражу, а после этого пусть ломают дом жреца. И если под южным углом его дома вы не найдете гробницы, где покоятся Ахура и ее сын Мериб, пусть постигнет меня злая кара!

И старика заключили под стражу. Но скоро под южным углом дома жреца они отыскивали гробницу, в которой поконились Ахура и ее сын Мериб. Повелел Сатни-Хемуас перенести этих высоких особ на корабль фараона, а разрушенный дом жреца отстроить заново. Тогда обратился к нему Ноферка-Птах и рассказал ему, что это он сам явился в Коптос, чтобы помочь отыскать гробницу, где покоились Ахура и ее сын Мериб.

И вот Сатни-Хемуас вошел на корабль фараона. Он отправился в путь и без промедления прибыл в Мемфис вместе со всеми, кто был с ним. Сообщили об их прибытии фараону, и он вышел навстречу своему кораблю. Повелел фараон перенести мумии Ахуры и сына ее Мериба в гробницу, где покоился Ноферка-Птах. А затем повелел он закрыть гробницу и наглухо замуровать ее, как было раньше.

Здесь завершается рассказ о Сатни-Хемуасе и Ноферка-Птахе, а также об Ахуре, супруге Ноферка-Птаха, и сыне ее Мерибе.

Список этот закончен в первый зимний месяц 15-го года¹.

САТНИ-ХЕМУАС И ЕГО СЫН СА-ОСИРИС

I

У фараона Усер-Маат-Ра был сын по имени Сатни-Хемуас. Слыл он искусным писцом и мудрецом, и не было на всей земле никого, кто бы мог с ним сравниться.

Но вот Сатни-Хемуас заскучал. Он ходил по своему дому, он уходил в город мертвых и разбирал там надписи на надгробных стелах, но печально было сердце его.

Увидела Мехитуасехет, жена Сатни-Хемуаса, что печально сердце его, и подумала: «Мой супруг печален по тому, что у нас нет детей!»

И когда озарилась земля и наступил новый день, от-

¹ 15 год — по-видимому, пятнадцатый год правления Птолемея III Эвергета, то есть 233 г. до н. э.

правилась Мехитуасехет в храм бога Птаха. Она повелела принести ему в жертву гуся и совершить возлияния вином и стала его просить:

— О великий бог Птах, обрати ко мне лик свой! Ты можешь творить чудеса, и тебе все подвластно! Услышь мою мольбу и пошли мне сына!

Так молилась Мехитуасехет, пока сон не одолел ее. Она уснула в храме и увидела вещий сон.

* * *

Во сне услышала Мехитуасехет голос, который ей говорил:

— Не ты ли это, Мехитуасехет, супруга Сатни, уснувшая в этом доме? Ты пришла сюда, чтобы испросить у бога исцеления от бесплодия? Внимай же! Когда настанет утро, ступай в комнату для омовений своего супруга, и там ты найдешь стебель дыни, который вырос в той комнате для омовений. Сорви этот стебель со всеми плодами и приготовь из него питье. Дай его выпить своему супругу и ложись вместе с ним. И в ту же ночь ты понесешь от него дитя.

Услышав эти слова, Мехитуасехет пробудилась от сна. Она сделала все, что приказывал ей тот голос во сне, а потом легла вместе с Сатни-Хемуасом, своим супругом. И в ту же ночь она зачала от него дитя.

Пришло время, и Мехитуасехет увидела, что по всем признакам, какие бывают у женщины, она понесла. Узнав это, возликовал Сатни-Хемуас и поспешил сообщить обо всем фараону. А супруге своей он повязал талисман и прочел над ней заклинания, чтобы уберечь ребенка.

Ночью Сатни-Хемуас уснул и увидел вещий сон. Во сне слышал он голос, который ему говорил:

— В ту ночь жена твоя Мехитуасехет зачала от тебя дитя. Она родит тебе сына, и назовут его Са-Осирис. Он совершит на земле великое множество небывалых чудес!

Услышав эти слова, Сатни-Хемуас пробудился от сна, и сердце его наполнилось ликованием.

И вот прошло должное число месяцев и приблизился день родов. И Мехитуасехет родила сына. Сообщили об этом Сатни-Хемуасу, и он дал мальчику имя Са-Осирис, как повелел ему вещий голос во сне.

Когда окончился положенный срок очищения после родов, Са-Осириса передали матери, и Мехитуасехет стала

кормить его грудью. Мальчик рос так быстро, что, когда ему было только год, все говорили: «Ему два года!» А когда ему было два года, все говорили: «Ему три года!» И Сатни-Хемуас так любил своего маленького сына Са-Осириса, что не мог обойтись без него и дня.

Когда Са-Осирис подрос и окреп, его отдали в школу. Но прошло немного времени, и он стал знать больше, чем тот писец, который его учил. Маленький Са-Осирис начал тогда читать заклинания вместе с писцами из Дома Жизни при храме Птаха, и все, кто слышал его, бывали поражены. Сатни-Хемуас стал приводить Са-Осириса на празднества к фараону; там Са-Осирис состязался в знаниях с чародеями фараона и побеждал их всех.

Однажды Сатни-Хемуас совершал омовение на террасе своего дома, чтобы отправиться на празднество, и сын его Са-Осирис тоже совершал омовение, чтобы отправиться вместе с ним. И вот услышал Сатни-Хемуас горестные вопли и причитания. Он посмотрел вниз с террасы своего дома и увидел, что это хоронят богача. Его везли в сторону пустыни со всевозможными почестями, под громкие причитания.

Потом он второй раз взглянул вниз с террасы своего дома и увидел похороны бедняка. Его несли из Мемфиса в город мертвых, завернув в простую циновку, и никто его не провожал.

Сказал тогда Сатни-Хемуас:

— Да сделает Осирис, владыка Аменти¹, так, чтобы мне воздали в Аменти, как воздадут тому богачу, которого погребают с громкими причитаниями, и да минует меня доля того бедняка, которого несут в город мертвых без всяких почестей и церемоний!

Но маленький сын его Са-Осирис ответил ему:

— Ты получишь в Аменти то, что получит в Аменти бедняк, и минует тебя в Аменти доля, которая уготована в Аменти тому богачу.

Когда услышал Сатни-Хемуас эти слова своего сына Са-Осириса, опечалилось сердце его, и сказал он:

— Что я слышу? Неужели то слова сына, который любит отца своего?

Но ответил ему его маленький сын Са-Осирис:

— Если ты пожелаешь, я покажу тебе, что уготовано

¹ А м е н т и — по верованиям древних египтян, царство мертвых.

в царстве мертвых тому бедняку, о котором никто не печалится, и тому богачу, которого все оплакивают.

Тогда спросил его Сатни-Хемуас:

— Как же ты сделаешь это, сын мой Са-Осирис?

И ответил ему Са-Осирис:

— Следуй за мной, и я покажу тебе долю каждого в царстве мертвых.

И вот он взял отца своего Сатни-Хемуаса за руку и привел его в город мертвых за Мемфисом. Он привел его в незнакомое место, остановился и произнес заклинание. Земля расступилась у них под ногами, и они вошли в неведомую гробницу, высеченную в скале.

Здесь было семь больших залов, и наполняли их разные люди всех званий. Са-Осирис провел отца своего Сатни-Хемуаса через три первых зала, и никто их не остановил.

Когда они достигли четвертого зала, увидел в нем Сатни-Хемуас множество людей, которые сучили веревки, а ослы позади них съедали эти веревки. Еще были там люди, которые тянулись вверх и пытались достать воду и хлеб, подвешенные у них над головами. Но другие люди в то же время рыли у них под ногами ямы, чтобы они не могли дотянуться до пищи.

Вслед за сыном своим Са-Осирисом Сатни-Хемуас прошел в пятый зал и увидел там чистые души на своих почетных местах. Те же, кто совершил какое-нибудь злодеяние, толпились у двери пятого зала и молили о прощении. А нижний шип той двери торчал в правом глазу какого-то человека, который молился и громко стонал, когда дверь открывалась и закрывалась и шип поворачивался в его глазу.

Потом проникли они в шестой зал, и здесь Сатни-Хемуас увидел судилище богов в царстве мертвых. Каждый бог сидел на своем месте, и привратники царства мертвых оглашали приговоры.

Вслед за сыном своим Са-Осирисом Сатни-Хемуас прошел дальше, в седьмой зал, и увидел там великого бога Осириса. Он сидел на троне из чистого золота, увенчанный короной Атеф¹. По левую руку от него стоял Анубис²,

¹ К о р о н а А т е ф — головной убор, в котором обычно изображался бог Осирис; корона Верхнего Египта, украшенная перьями.

² А н у б и с — в древнеегипетской мифологии бог-покровитель бальзамирования и погребения умерших, изображался с головой шакала.

великий бог, а по правую руку от него стоял Тот, великий бог, и все боги судилища царства мертвых теснились справа и слева от них. Перед ними стояли весы, на которых боги судилища царства мертвых взвешивали содеянное людьми добро и зло. Великий бог Тот записывал то, что показывали весы, а Анубис оглашал приговоры богов. Если боги решали, что злодеяния человека более многочисленны, чем его добрые дела, они отдавали его во власть Пожирательницы — собаки повелителя царства мертвых, которая разрывала на части его душу и тело, так что дыхание жизни к нему уже не возвращалось никогда. Но если они находили, что добрые дела человека более многочисленны, чем его злодеяния, они вводили его в совет богов царства мертвых и душа его отправлялась на небо и пребывала там среди чистых душ. Если же они находили, что злодеяния человека равны его добрым делам, они помещали его среди кающихся душ, которые служат богу Сокаросирису¹.

И еще Сатни заметил человека благородного облика, облаченного в одеяния из тончайшего полотна. Он стоял вблизи от Осириса на одном из самых почетных мест.

Так смотрел Сатни-Хемуас и удивлялся всему, что видел в царстве мертвых.

Но вот встал перед ним сын его, Са-Осирис, и сказал ему:

— Отец мой Сатни! Видишь ли ты благородного человека, облаченного в одеяния из тончайшего полотна, который стоит близ Осириса? Это тот бедняк, которого ты заметил, когда его выносили из Мемфиса, завернув в простую циновку, и которого не провожал никто. Это он! Его привели на суд царства мертвых, взвесили добрые и злые дела, совершенные им на земле, и нашли, что содеянное им добро перевешивает содеянное им зло. Однако на долю его жизни земной, срок которой определял в своих записях Тот, досталось ему слишком мало счастливых дней. И вот повелели боги перед ликом Осириса отдать бедняку погребальное убранство того богача, которого ты заметил, когда его выносили из Мемфиса с великими почестями. И поместили бедняка среди чистых душ, которые служат Со-

¹ Сокаросирис — в древнеегипетской мифологии бог подземного мира, культ которого образовался путем слияния культов: Сокара — древнего бога подземного царства, и Осириса — повелителя царства мертвых.

каросирису, вблизи трона великого бога Осириса. И того богача, которого ты заметил, тоже привели на суд царства мертвых. Ввесили боги добрые и злые дела, совершенные им на земле, и нашли, что зло, им содеянное, перевешивает содеянное им добро. И тогда повелели боги покарать его в царстве мертвых. Ты видел его! Это он лежит на пороге Аменти. Шип двери торчит в его правом глазу и поворачивается в нем, когда дверь открывают и закрывают, и богач испускает ужасные вопли. Клянусь жизнью великого бога Осириса, повелителя в царстве мертвых, я знал, что ждет в царстве мертвых того богача, и поэтому я сказал тебе там, на земле: «С тобою поступят так же, как с тем бедняком, и не сделают с тобою того, что сделают с богачом».

И тогда сказал ему Сатни-Хемуас:

— Сын мой Са-Осирис! Немало чудес увидел я в царстве мертвых! Но теперь расскажи мне, кто эти люди, что вяют беспрерывно веревки, которые позади них пожирают ослы? И кто эти люди, чья пища, вода и хлеб подвешены над их головами? Почему, когда они тянутся вверх, чтобы ее достать, другие люди роют ямы у них под ногами и мешают им дотянуться до еды?

Ответил ему Са-Осирис:

— Я открою тебе истину, отец мой Сатни! Ты видел людей, что вяют веревки, которые позади них пожирают ослы. Это подобие тех, над кем на земле тяготеет проклятие богов. На земле они трудятся день и ночь, добывая себе пропитание, но их жены крадут его у них за спиной, и у них не хватает даже хлеба. Когда приходят они в царство мертвых и оказывается, что их злодеяния многочисленнее добрых дел, совершенных ими, обрекают их боги на то, чтобы в царстве мертвых они испытывали то же самое, что и на земле. Так же и с теми, чья пища, вода и хлеб висят над их головами. Они тянутся вверх, чтобы достать ее, но другие копают ямы у них под ногами и не дают им дотянуться до еды. Это подобие тех людей на земле, кому достаточно протянуть лишь руку, чтобы добыть себе пропитание, но боги выкапывают перед ними ямы, чтобы они не могли до него дотянуться. Они приходят в Аменти, и здесь, в царстве мертвых, они испытывают то же самое, что испытывали на земле. Смотри, отец мой Сатни! Их души приходят на суд царства мертвых, и если они творили добро на земле, здесь воздают им добром, но если они творили зло, здесь воздают им злом. Так ведется

извечно и не изменится никогда. Так воздаст судилище царства мертвых в городе мертвых Мемфиса и в остальных сорока двух номах Египта, повсюду, где судят боги судилища великого бога Осириса! Так воздается и в Абидосе, где пребывает оракул¹ всех правителей, и на острове Филе².

Вот что сказал Са-Осирис Сатни-Хемуасу. Потом Са-Осирис взял его за руку и вывел через пустыню в Мемфис.

Спросил его Сатни-Хемуас:

— Скажи, мой сын Са-Осирис, мы вышли там же, где и вошли, или в другом месте?

Но Са-Осирис ничего ему не ответил.

Долго еще удивлялся Сатни, вспоминая о том, что услышал он от Са-Осириса. И сказал о нем Сатни-Хемуас так:

— Он может войти в сонм чистых душ и станет истинным слугой бога! Я приду с ним на суд царства мертвых и скажу: «Смотрите, это мой сын!»

И Сатни-Хемуас произнес магические слова из книги заклинаний, чтобы умиротворить души мертвых, ибо то, что он видел в Аменти, было так удивительно, что он не мог рассказать об этом ни одному человеку на свете. Эта тайна камнем лежала у него на сердце.

II

Но вот исполнилось маленькому Са-Осирису двенадцать лет. Во всем Мемфисе не было столь мудрого писца и чародея, как он, и в искусстве заклинаний не было ему равных.

Прошло после этого много дней. Но однажды явился фараон Усер-Маат-Ра в зал приемов во дворце фараона в Мемфисе. Перед ним стояли сыновья фараона, военачальники и знатнейшие люди Египта, каждый на своем месте. И вот пришел вестник и сказал фараону:

— Доношу тебе: прибыл сюда гонец, презренный эфиоп, и принес на груди своей запечатанное послание.

¹ Абидос, где пребывает оракул — город Абидос, центр VIII нома Верхнего Египта, где находилась, по преданию, Робида Осириса.

² Филе — остров на Ниле около первого порога, на границе Египта с Нубией.

Услышав это фараон и повелел привести гонца во дворец. Вошел эфиоп, приветствовал всех и сказал:

— Кто здесь может прочесть послание, принесенное мною в Египет для фараона? Кто прочтет его, не разворачивая свиток и не ломая печати? Если нет в Египте искусных писцов и мудрецов, которые смогут прочесть послание, не разворачивая свиток, да будет посрамлен Египет и да признает он превосходство моей родины, Страны Негров!

Когда услышали эти слова фараон Усер-Маат-Ра и сыновья фараона, они потеряли покой и не знали, что дальше делать. Сказали они:

— Клянемся жизнью Птаха, великого бога, разве есть столь искусный писец и мудрец, который может прочесть письмо, если он не видит того, что в нем написано? Разве можно прочесть письмо, не разворачивая свиток?

И тогда повелел фараон:

— Пусть призовут ко мне сына моего Сатни-Хемуаса!

Побежали за ним и призвали его в тот же час к фараону.

Пришел Сатни-Хемуас и склонился до самой земли. Потом он встал перед фараоном, приветствуя его. И сказал ему фараон:

— Сын мой Сатни, слышал ли ты, какие слова говорил мне презренный эфиоп? Вот что сказал он: «Есть ли в Египте такой искусный писец и мудрец, который прочтет принесенное мною послание, не ломая печатей, и узнает, что в нем написано, не разворачивая свиток?»

Когда Сатни-Хемуас услышал эти слова, он потерял покой и не знал, что ему дальше делать. И ответил он фараону:

— О господин мой, кто же может прочесть послание, не разворачивая свиток? Но пусть мне дадут десять дней отсрочки, и я сделаю все, что смогу, чтобы не пришлось Египту признавать над собой превосходство Страны Негров, пожирателей камеди¹.

И сказал ему фараон:

— Я даю тебе эти десять дней, сын мой Сатни!

И вот отвели эфиопу покой, где он мог укрыться, и

¹ Камедь — застывший сок различных деревьев. Пожиратели камеди — в данном случае оскорбительная кличка негров, которых голод заставлял есть камедь, что для египтян казалось отвратительным.

стали ему готовить всякую мерзость, какую едят в Стране Негров. А фараон покинул свой двор и удалился. Он возлег на ложе, но сердце его было так опечалено, что не мог он ни пить, ни есть.

Вернулся Сатни-Хемуас домой, но и здесь не нашел покоя. Не зная, что ему дальше делать, он завернулся в свои одеяния с головы до ног и лег.

Сказали об этом супруге его Мехитуасехет. Пришла она в тот покой, где лежал ее муж, просунула руку к нему под одежды. Но жара она не почувствовала, и лежал он спокойно.

Тогда сказала Мехитуасехет:

— Брат мой Сатни здоров! Нет жара в груди его, нет болезни в теле его, есть только боль и печаль в его сердце.

И ответил ей Сатни-Хемуас:

— Оставь меня, сестра моя Мехитуасехет! Не подобает знать женщине то, из-за чего смущено мое сердце.

Потом пришел к нему сын его, маленький Са-Осирис, и спросил:

— Отец мой Сатни, почему ты лежишь здесь? Чем смущено твое сердце? Расскажи мне о том, что смущает его, и я избавлю тебя от забот.

Но ответил ему Сатни-Хемуас:

— Оставь меня, сын мой Са-Осирис! Ты еще слишком мал, чтобы справиться с тем делом, которое встревожило мое сердце!

Однако Са-Осирис ему сказал:

— Расскажи мне об этом деле, и я успокою сердце твое!

И тогда рассказал ему Сатни-Хемуас:

— Сын мой Са-Осирис, прибыл в Египет гонец, презренный эфиоп, и принес на груди своей запечатанное послание. И сказал он: «Кто прочтет его, не разворачивая свиток? Если нет в Египте столь искусного писца и мудреца, который сможет его прочесть, не ломая печатей, будет посрамлен Египет, и я принесу весть об этом к себе на родину, в Страну Негров!» Вот поэтому я и лежу здесь со смущенным сердцем, сын мой Са-Осирис.

Но когда Са-Осирис услышал эти слова, разразился он смехом и смеялся долго. Спросил его Сатни-Хемуас:

— Почему ты смеешься?

И ответил ему Са-Осирис:

— Я смеюсь потому, что ты здесь лежишь со смущенным сердцем из-за столь ничтожного дела. Встань, отец

мой Сатни, ибо я прочту послание, доставленное в Египет, не разворачивая свиток! И я узнаю, что в нем написано, не ломая печатей!

Когда Сатни-Хемуас услышал эти слова, он сразу поднялся и спросил:

— Но правду ли ты говоришь мне, сын мой Са-Осирис? Чем подтвердишь ты свои слова?

И ответил ему Са-Осирис:

— Отец мой Сатни, спустись в свою комнату на первом этаже! Возьми из ларца любой свиток, и я скажу тебе, что это за книга, и прочту ее, хотя я и не буду видеть написанного, ибо я пройду в другую комнату на первом этаже.

Встал тогда Сатни-Хемуас и сделал все так, как сказал Са-Осирис. И Са-Осирис исполнил все, что он обещал: он прочел все книги, которые брал его отец и держал перед ним, не разворачивая свитков.

Вышел Сатни-Хемуас из комнат первого этажа и поднялся наверх ликуя. И не было на земле человека счастливей его.

Немедля направился он к фараону и рассказал ему все, что обещал сделать сын его Са-Осирис, слово в слово. Обрадовался фараон всем сердцем. Вместе с Сатни-Хемуасом совершили они омовение, готовясь к пиру. Приказал фараон Сатни-Хемуасу привести на празднество Са-Осириса, и они пили вместе, и так провели они этот счастливый день.

На другое утро фараон явился в зал приемов, окруженный знатнейшими людьми. Он повелел привести к нему презренного эфиопа с его запечатанным посланием, а сам встал посреди зала приемов. Маленький Са-Осирис тоже пришел и встал перед презренным эфиопом. И сказал ему Са-Осирис:

— Горе тебе, эфиоп! Да покарает тебя Амон, ибо он и твой бог! Ты явился в Египет, прекрасный сад бога Осириса, престол бога Ра-Горахути, обиталище чистых духов, и ты еще говоришь: «Пусть признает Египет превосходство Страны Негров!» Да поразит тебя гнев Амона, ибо он и твой бог! Я прочту тебе все слова, написанные в твоём послании. Но бойся сказать о них ложь фараону, твоему повелителю!

Когда увидел презренный эфиоп маленького Са-Осириса в зале приемов, склонился он головой до земли и ответил:

— Говори! Ты не услышишь лжи ни об одном своем слове!

Тогда встал Са-Осирис перед фараоном и его знатными приближенными и начал говорить. И народ Египта внимал его голосу.

Вот что говорил Са-Осирис:

— В послании презренного эфиопа, который стоит здесь посреди двора, написано:

«Случилось это в один из дней правления фараона Менх-па-Ра, сына Амона. Был Менх-па-Ра, сын Амона, благословенным владыкой всего Египта. При нем царило в стране полное изобилие. Он был щедр и совершал многочисленные работы в великих храмах Египта,

И вот однажды отдыхал правитель Страны Негров в беседке на священной земле храма Амона. Вдруг услышал он голоса трех презренных эфиопов, которые разговаривали в доме за той беседкой. Один из них заговорил громким голосом и среди других слов сказал:

— Если бы дозволил Амон и если бы владыка Египта не мог меня покарать, я бы тогда напустил свои чары на Египет и оставил народ Египта на три дня и три ночи без света.

Заговорил второй эфиоп и среди других слов сказал:

— Если бы дозволил Амон и если бы владыка Египта не мог меня покарать, я бы напустил свои чары на Египет и перенес египетского фараона в Страну Негров. Здесь ему дали бы пятьсот ударов розгой при всем народе, перед лицом правителя Страны Негров, а потом отнесли бы его обратно в Египет. И все это я совершил бы не более чем за шесть часов.

Заговорил тогда третий эфиоп и среди других слов сказал:

— Если бы дозволил Амон и если бы владыка Египта не мог меня покарать, я бы напустил свои чары на Египет и сделал так, чтобы поля Египта не плодоносили три года.

Услышал правитель Страны Негров речи этих трех эфиопов и повелел их привести к нему. И спросил он их:

— Кто из вас сказал: «Я напущу свои чары на Египет и оставлю народ Египта без света на три дня и три ночи?»

И они ответили:

— Это Гор, сын бегемотихи.

Тогда спросил правитель Страны Негров:

— Кто из вас сказал: «Я напущу свои чары на Египет и перенесу фараона египетского в Страну Негров, чтобы

дали ему здесь пятьсот ударов розгой при всем народе, перед лицом правителя Страны Негров, а потом отнесу его обратно в Египет и все это совершу не более чем за шесть часов?»

Ответили эфиопы:

— Это Гор, сын негрятки.

И еще спросил правитель Страны Негров:

— А кто из вас сказал: «Я напущу свои чары на Египет и сделаю так, что поля Египта не будут плодоносить три года?»

И ответили эфиопы:

— Это Гор, сын знатной женщины.

Тогда приказал правитель Страны Негров Гору, сыну негрятки:

— Соверши свое волшебство властью заклинаний, и клянусь жизнью бога моего Амона, божественного быка Мероэ¹, я щедро тебя награжу превосходнейшими вещами!

Тогда Гор, сын негрятки, изготовил из воска носилки и четырех носильщиков. Он произнес над ними заклинание, вдохнул в них дыхание жизни и оживил их. Потом приказал он носильщикам:

— Отправляйтесь в Египет и принесите египетского фараона сюда, к правителю Страны Негров. Дайте ему здесь при всем народе, перед правителем Страны Негров пятьсот ударов розгой и отнесите его обратно в Египет. Совершите все это не более чем за шесть часов!

Ответили ему носильщики:

— Мы исполним все и ничего не упустим!

И вот порождения эфиопского чародея устремились ночью в Египет. Они овладели фараоном Менх-па-Ра, сыном Амона, и принесли его в Страну Негров к правителю Страны Негров. Они дали ему при всем народе, перед лицом правителя Страны Негров пятьсот ударов розгой, а затем отнесли фараона обратно в Египет. И все это совершили они не более чем за шесть часов.

Так говорил Са-Осирис перед фараоном и его знатыми приближенными, и народ Египта внимал его голосу. И сказал Са-Осирис гонцу-эфиопу:

— Да покарает тебя Амон, ибо он и твой бог! Те ли

¹ Мероэ во времена написания этого папируса был столицей Эфиопии. Здесь также почитался Амон, культ которого заимствован из Египта. Божественный бык — эпитет Амона.

слова говорю я, что написаны в твоём послании, которое ты держишь в руке?

Ответил ему презренный эфиоп:

— Продолжай читать, как читал, ибо все слова твои истинны!

И Са-Осирис продолжал читать, стоя перед фараоном:

— «Когда все это произошло, фараона Менх-па-Ра, сына Амона, отнесли обратно в Египет с жестоко избитой спиной, и он лег спать во дворце фараона, святилище Гора, на свою жестоко избитую спину. А когда наступило утро, сказал фараон своим приближенным:

— Что случилось с Египтом? Почему мне пришлось покинуть Египет?

Встревожились приближенные, не зная, что думать об этих словах. Стали они говорить друг другу:

— Не помутился ли разум у фараона?

Но фараону они сказали:

— Ты здоров, ты здоров, великий владыка, наш фараон! Великая богиня Исида исцелит твой недуг. Но скажи нам, великий наш повелитель, что означают слова, с которыми ты обратился к нам? Ведь ты спишь у себя во дворце, святилище Гора, и боги тебя охраняют!

Тогда фараон поднялся и показал приближенным свою жестоко избитую спину. И сказал он:

— Клянусь жизнью великого бога Птаха, этой ночью меня унесли в Страну Негров и при всем народе, перед лицом правителя Страны Негров дали мне пятьсот ударов розгой. А потом меня отнесли обратно в Египет, и все это не более чем за шесть часов.

Когда увидели приближенные жестоко избитую спину фараона, они разинули рты и испустили громкие вопли.

Но был у фараона Менх-па-Ра, сына Амона, хранитель книг по имени Гор, сын Па-Неше, великий мудрец и ученый.

Когда он приблизился к фараону, испустил он горестный вопль и сказал:

— Господин мой, это все эфиопские чародейства! Клянусь жизнью дома твоего, я приведу этого чародея в темницу, в комнату пыток и смерти!

В ответ ему сказал фараон:

— Поспешаю это сделать, чтобы в следующую ночь меня не унесли опять в Страну Негров!

Хранитель книг Гор, сын Па-Неше, тотчас же пошел и принес к фараону свои священные книги и талисманы.

Он произнес над ними заклинание и повязал ему талисман, чтобы порождения эфиопского чародея не могли овладеть фараоном. Затем покинул он фараона, взяв дары и сосуды для жертвенных возлияний и немедленно направился в Шмун¹.

В Шмуне Гор, сын Па-Неше, пришел в храм, положил дары свои перед трижды и трижды и трижды великим богом Тотом, владыкою Шмуна, совершил в его честь возлияния и обратился к нему с жалобой:

— Обрати ко мне лик свой, владыка мой Тот! Сделай так, чтобы эфиопы не могли унизить Египет и поставить его ниже Страны Негров! Ты начертил волшебную книгу магических заклинаний. Ты утвердил землю, ты перекинул над нею свод неба, ты создал царство мертвых, ты дал звездам имена богов. Открой мне, как спасти фараона от эфиопского чародейства!

И вот Гор, сын Па-Неше, лег в храме и уснул. И приснился ему в ту же ночь вещий сон. Во сне увидел он великого бога Тота, который ему сказал:

— Не ты ли Гор, сын Па-Неше, хранитель книг фараона Менх-па-Ра, сына Амона? Завтра утром ступай в хранилище книг храма Шмуна. Там найдешь ты сундук, закрытый и запечатанный. Ты откроешь его и увидишь ларец. В том ларце лежит книга, которую я начертил своею рукой. Вынь ее, перепиши ее, а затем положи ту книгу на прежнее место. Это «Книга магических заклинаний». Заклинания защищают меня от святотатства, заклинания защищают и фараона. Они спасут его от эфиопского чародейства!

Когда Гор, сын Па-Неше, услышав все это, пробудился ото сна, он понял, что то был вещий сон, ниспосланный ему самим богом. И он сделал все так, как ему приказал во сне Тот.

Затем Гор, сын Па-Неше, возвратился немедленно во дворец фараона и здесь начертил магическое заклинание, чтобы спасти фараона.

И вот наступил другой день. Ночью носильщики-сороходы Гора, сына негритянки, явились в Египет и проникли во дворец фараона. Но они не смогли овладеть фараоном, потому что его охраняли чары и заклинания Гора, сына Па-Неше, хранителя книг. И они вернулись ни с чем к правителю Страны Негров.

¹ Ш м у н — Гериополь древних греков, современный Даки-хур; главный город XV нома Верхнего Египта; центр культа бога Тота.

Когда наступило утро, фараон рассказал Гору, сыну Па-Неше, хранителю книг, все, что он видел ночью; о том, как снова явились к нему порождения эфиопского чародейства, но ушли ни с чем, потому что не смогли овладеть им.

Тогда Гор, сын Па-Неше, приказал принести ему побольше чистого воска. Он изготовил из воска носилки и четырех носильщиков. Он произнес над ними заклинания, вдохнул в них дыхание жизни и оживил их. Потом приказал он носильщикам:

— Этой же ночью отправляйтесь в Страну Негров и принесите сюда правителя Страны Негров. Дайте ему здесь при всем народе, перед лицом фараона пятьсот ударов розгой и отнесите его обратно в Страну Негров. Совершите все это не более чем за шесть часов!

Ответили ему носильщики:

— Мы исполним все и ничего не упустим!

И вот порождения чародейства Гора, сына Па-Неше, полетели на облаках по небу и той же ночью прибыли в Страну Негров. Они овладели правителем Страны Негров и принесли его в Египет. Они дали ему при всем народе, перед лицом фараона пятьсот ударов розгой, а затем унесли обратно в Страну Негров. И все это совершили они не более чем за шесть часов.

Так говорил Са-Осирис перед фараоном и его знатными приближенными, и народ Египта внимал его голосу. И сказал Са-Осирис гонцу-эфиопу:

— Да покарает тебя Амон, ибо он и твой бог, проклятый эфиоп! Те ли слова говорю я, что написаны в этом послании?

Опустил эфиоп голову и ответил:

— Продолжай читать, как читал, ибо каждое слово, которое ты произносишь, начертано в этом послании.

И Са-Осирис продолжал читать:

— «Когда все это произошло и правителя Страны Негров отнесли обратно в Страну Негров, еще до исхода шестого часа, он лег спать в своем дворце. А когда наступило утро, он проснулся, жестоко страдая от порки, учиненной ему в Египте. И сказал правитель своим приближенным:

— Клянусь жизнью Амона, великого бога, этой ночью меня унесли в Египет и сделали со мной то же, что мы сделали с фараоном Египта! При всем народе, перед лицом фараона мне дали пятьсот ударов розгой, а потом меня отнесли обратно в Страну Негров.

Тут показал правитель сыновьям своим избитую спину свою, и они разинули рты, испуская горестные вопли.

Правитель Страны Негров приказал им призвать к нему Гора, сына негритянки, и сказал ему:

— Да покарает тебя бог мой Амон, божественный бык Мероэ! Это ты отправил своих людей в Египет. Посмотрю я теперь, как ты спасешь меня от чародейства Гора, сына Па-Неше!

Тогда Гор, сын негритянки, изготовил свои талисманы и повизжал их правителю Страны Негров, чтобы спасти его от чародейства Гора, сына Па-Неше. Но едва наступила ночь, порождения чародейства Гора, сына Па-Неше, вновь явились в Страну Негров и унесли правителя Страны Негров в Египет. При всем народе, перед лицом фараона ему дали пятьсот ударов розгой, а потом отнесли обратно в Страну Негров, и все это не более чем за шесть часов. Так поролли правителя Страны Негров три ночи подряд, и все чары эфиопов не могли спасти его от руки Гора, сына Па-Неше.

Правитель Страны Негров пришел в отчаяние. Он приказал привести к нему Гора, сына негритянки, и сказал ему:

— Горе тебе, недруг Страны Негров! Из-за тебя пертерпел я от египтян столько унижений, и ты не мог спасти меня от их рук. Клянусь жизнью бога моего Амона, божественного быка Мероэ, если ты не убережешь меня от волшебных носилок египтян, я предам тебя жестокой казни и ты умрешь в мучениях!

На это сказал ему Гор, сын негритянки:

— Господин мой и повелитель! Отправь меня в Египет, чтобы я мог увидеть того египтянина, который там чародействует. Я обращу мое волшебство против него и покараю руку его, как я замыслил в сердце своем!

Так сказал Гор, сын негритянки, и ушел.

Но сначала пошел он к своей матери, негритянке.

И сказала ему негритянка:

— Сын мой Гор, остерегайся Гора, сына Па-Неше! Когда ты придешь в Египет и будешь творить там свои заклинания, остерегайся египтян! Ты не сможешь с ними бороться, ты не сможешь их победить! Никогда не попадайся им в руки, иначе ты не вернешься больше в Страну Негров!

На это ответил ей Гор, сын негритянки:

— Пустые слова ты мне говоришь! Все равно я должен идти в Египет и чародействовать там.

Тогда сказала ему мать-негритянка:

— Раз уж ты должен идти в Египет, оставь мне знак, чтобы я знала, жив ты или нет. Если тебя победят, я приду к тебе и, быть может, спасу тебя.

На это ответил ей Гор, сын негритянки:

— Если меня победят, вода, которую ты станешь пить, делается красной, как кровь, и пища, которую ты станешь есть, делается красной, как кровь, и небо над твоей головой станет красным, как кровь.

Так условился Гор, сын негритянки, со своею матерью-негритянкой. Затем проглотил он свои заклинания, чтобы уберечь их от чужого глаза, и отправился в Египет.

Из Страны Негров, которую создал Амон, он дошел до Мемфиса, где пребывал фараон, стремясь узнать по дороге в Египет, кто занимается там чародейством. Он явился во дворец фараона и прокричал громким голосом:

— Эй, кто здесь чародействует при дворе фараона, на глазах у всего Египта? Два писца Дома Жизни или только один писец Дома Жизни? Кто околдовал моего повелителя и увлек его в Египет против моего желания?

Когда прокричал он так, ответил ему Гор, сын Па-Неше, который был во дворце и стоял перед фараоном:

— Эй ты, презренный эфиоп! Не Гор ли ты, сын негритянки? Не ты ли уже приходил когда-то в Египет, сад бога Ра, со своим спутником эфиопом, и не тебя ли я спас, когда ты свалился с ним в воду с горы восточнее Гелиополя?¹ Может быть, тебя привело сюда раскаяние? Ведь это ты похитил господина моего фараона и унес его туда, где пребывает правитель Страны Негров, чтобы там подвергнуть его высочество жесточайшей порке! А теперь ты приходишь в Египет и спрашиваешь: «Кто здесь чародействует и стронит возни против меня?» Клянусь жизнью Атума, владыки Гелиополя, тебя привели сюда боги Египта, чтобы покарать тебя в своей стране! Берегись, ибо я не пощажу тебя!

Так сказал Гор, сын Па-Неше, и когда Гор, сын негритянки, услышал эти слова, проговорил он в ответ:

— Кто научил тебя речам шакала? Значит, это ты чародействуешь здесь мне во вред?

Тут презренный эфиоп произнес магическое заклинание,

¹ Здесь намек на какой-то другой, не дошедший до нас рассказ, героями которого также были Гор, сын Па-Неше, и Гор, сын негритянки.

и пламя взвилось посреди зала приемов. Фараон Египта и дети его громко закричали, призывая на помощь:

— Поспешн к нам, Гор, сын Па-Неше, хранитель книг!

Тогда Гор, сын Па-Неше, сотворил заклинание, и с небес хлынул ливень, какие приходят с юга. Он хлынул прямо на пламя, и огонь в тот же миг погас.

Произнес эфиоп новое заклинание, и огромная туча нависла над дворцом. В темноте никто не мог различить ни товарища своего, ни брата.

Тогда Гор, сын Па-Неше, обратился к небесам с заклинанием, и небеса вновь очистились, а холодный ветер, нагнавший тучу, утих.

Произнес Гор, сын негротянки, третье заклинание, и каменный свод длиной в двести локтей и шириной в пятьдесят локтей накрыл фараона с его детьми и оставил Египет без повелителя, оставил землю без ее владыки.

Фараон глянул вверх, увидел каменный свод над своей головой и громко вскрикнул. И все, кто был во дворце, закричали с ним вместе.

Тогда Гор, сын Па-Неше, произнес свое заклинание. Появилась ладья из папируса, подняла тот каменный свод и уплыла вместе с ним на бескрайное египетское озеро.

Понял тогда презренный эфиоп, что ему не под силу бороться с чародеем Египта. Он прочел заклинание и стал невидим для всех, кто был в зале приемов. Так он сделал, чтобы вернуться к себе на родину, в Страну Негров. Но Гор, сын Па-Неше, тотчас же прочел над ним свое заклинание и уничтожил чары волшебника эфиопа. Вновь предстал он глазам фараона и всех египтян, которые были в зале приемов. Но теперь он предстал перед ними в образе дикого гусенка, готового улететь. Гор, сын Па-Неше, прочел над ним заклинание, опрокинул его на спину и поставил над ним птичника с ножом в руке, готового прирезать того гусенка.

Но пока эти чары свершались, негротянка, мать Гора, увидела знаки, о которых было условлено между нею и ее сыном. Немедля приняла она образ дикой гусыни и прилетела в Египет. Она закружилась над дворцом фараона и загоготала во весь свой голос, призывая сына. А он лежал на спине в образе гадкого гусенка, и птичник с ножом стоял над ним.

Гор, сын Па-Неше, взглянул на небо и увидел негротянку в образе дикой гусыни. Он узнал, что это была негри-

тянка из Страны Негров, и произнес над ней заклинание. Упала она на спину, и другой птичник, готовый ее прирезать, встал над нею с ножом в руке.

Тогда она покинула облик гусыни и превратилась снова в женщину-негритянку. И взмолилась она:

— Не губи нас, Гор, сын Па-Неше! Дай искупить нам свою вину! Если ты дашь нам волшебную лодку, мы покинем Египет и больше сюда не придем никогда!

Но Гор, сын Па-Неше, поклялся именем фараона и всех богов Египта и сказал:

— Я не сниму своих чар, если вы не дадите клятвы не возвращаться в Египет никогда и ни под каким предлогом!

Тогда негритянка подняла руку и поклялась, что она уйдет из Египта отплыне и навсегда.

А Гор, сын негритянки, поклялся:

— Я не вернусь в Египет, пока не истечет полторы тысячи лет!

И вот Гор, сын Па-Неше, снял с них свои чары. Он дал Гору, сыну негритянки, и его матери-негритянке волшебную лодку, и они уплыли к себе в Страну Негров, в свой город».

Так говорил Са-Осирис перед фараоном, и народ Египта внимал его голосу. Отец его, Сатни-Хемуас, слушал и видел все. А презренный эфиоп склонил голову до самой земли.

И тогда сказал Са-Осирис:

— Клянусь жизнью твоей и ликом твоим, великий мой господин, этот человек, что стоит здесь перед тобой, и есть тот самый Гор, сын негритянки, о делах которого я рассказывал! Он не раскается в своих злодеяниях и, когда прошло полторы тысячи лет, снова вернется в Египет, чтобы здесь чародействовать! Но клянусь жизнью великого бога Осириса, повелителя царства мертвых, что и я, стоящий перед фараоном, тот самый Гор, сын Па-Неше! Я узнал в царстве мертвых, что этот недруг наш, эфиоп, хочет вновь напустить свои чары на Египет. А в Египте не было столь искусного писца или мудреца, чтобы с ним бороться. И вот я умолил Осириса, чтобы он позволил мне вновь появиться на земле и не допустить посрамления Египта перед Страной Негров. Повелел Осирис, чтобы я вернулся на землю. Пробудился я, вошел в себя и стал искать в городе мертвых Мемфиса или Гелнополя встречи с Сатни, сыном фараона. А потом я

воплотился в стебель дыни, вошел в его тело и вернулся на землю, чтобы победить волшебством вот этого эфиопского чародея, который стоит здесь в зале приемов!

Тут Гор, сын Па-Неше, в образе Са-Осириса, сотворил заклинание против презренного эфиопа. Он окружил его пламенем, и оно поглотило Гора, сына негротянки, на глазах фараона, и знати, и всего народа Египта.

А потом Са-Осирис растаял, как тень, и исчез на глазах фараона и отца своего Сатни-Хемуаса.

Изумился фараон и его приближенные всему, что довелось им увидеть в зале приемов. Стали они говорить:

— Понистине не было еще столь искусного писца и мудреца, как Гор, сын Па-Неше! И подобного ему никогда не будет!

А Сатни-Хемуас громко и горько возопил, потому что сын его Са-Осирис исчез, словно тень, и он его больше не видел.

Фараон покинул зал приемов. Сердце его было опечалено всем, что он видел. И повелел фараон приготовить все, чтобы воздать почести Сатни-Хемуасу за сына его Са-Осириса и утешить сердце его.

Пришел вечер, и Сатни-Хемуас вернулся к себе домой, но на сердце у него было тяжело. Тогда подошла к нему супруга его Мехитуасехет и легла рядом в ним. И в ту же ночь она зачала от него. А когда пришел срок, она родила ему сына и назвала его Уси-мен-Гор.

Но до конца своих дней не переставал Сатни-Хемуас приносить жертвы и совершать возлияния в честь духа Гора, сына Па-Неше.

Здесь завершается книга, написанная писцом

САТНИ-ХЕМУАС И АССИРИЙЦЫ

И вот на престол вступил жрец Гефеста по имени Сетос¹. Он с презрением относился к египтянам военного сословия, полагая, что они ему никогда не понадобятся. Он несколько не уважал воинов и даже отнял у них земельные наделы,

¹ Это последнее сказание о Сатни-Хемуасе дошло до нас только в записи Геродота. Геродот называет Сатни-Хемуаса Сетосом и говорит, что он был жрецом Гефеста (в греческой мифологии — бог огня), отождествляя Гефеста с египетским богом Птахом.

в то время как раньше, при предшествующих царях, каждый из них получал по двенадцати участков земли на выбор.

Но вот на Египет, во главе многочисленного войска, напал повелитель арабов и ассирийцев Синахериб¹. И тогда египетские воины отказались прийти на помощь своему царю.

Царь-жрец, не зная, что ему делать, отправился в храм и стал горько жаловаться перед изображениями богов на свою судьбу. Он заснул весь в слезах, и во сне явилось ему божество. Оно ободрило его и сказало, что ничего дурного с ним не случится и что он должен идти навстречу врагу. Божество обещало послать ему помощь.

И вот царь, полагаясь на это сновидение, выступил вместе с теми египтянами, которые добровольно последовали за ним, и расположился лагерем в Пелусии, что закрывает вход в Египет. Однако никто из египетских воинов не пошел за ним, и здесь собрались одни ремесленники, торговцы да простой народ.

Враги подступили к городу, но когда пришла ночь, на их лагерь напали полевые мыши. Они перегрызли им все колчаны, все луки и даже ремни щитов, так что утром ассирийцы увидели себя безоружными и бежали. И множество их погибло во время этого бегства.

Каменное изображение царя Сетоса до сих пор стоит в храме Гефеста. Он держит в руке своей мышь, и надпись, высеченная на изображении, гласит:

«Пусть все, кто увидят меня, почитают бога!»

¹ С и н а х е р и б — ассирийский царь (705—681 гг. до н. э.). В 703 г. он разбил в Сирии египетскую армию фараона XXV династии Шабаки и подошел к границам Египта. Однако здесь в его войске началась чума, и Синахериб был вынужден отступить.

Сказания о фараоне Петубасте

БОРЬБА ЗА ВЛАДЕНИЯ БОГА АМОНА ФИВАНСКОГО

В давние времена правил Египтом фараон Петубаст¹. Столица его была в городе Танисе в Нижнем Египте, в самой дельте Нила.

Случилось так, что во времена его правления умер первый прорицатель бога Амона Фиванского. И тогда решил фараон захватить храмовые владения бога Амона Фиван-

¹ Петубаст. — Известны два правителя, носившие это имя. Первый — фараон XVIII династии, правивший в конце IX в. до н. э. Второй — один из мелких правителей Дельты времени ассирийского господства, то есть середины VII в. до н. э. Сказание скорее всего имеет в виду последнего, хотя описанные в нем события синтезируют ряд фактов истории Египта, отделенных иногда друг от друга столетиями.

ского и удерживать их за собой как можно дольше, пока не будет избран новый прорицатель. Но фараон опасался, как бы владения эти не захватил по праву наследства сын умершего, который сам был жрецом-прорицателем бога Гора в городе Буто и правителем этого города.

И вот фараон Петубаст решил тотчас выступить в Фивы. С собою он взял Анх-Гора, своего сына, Те-Гора, сына Анх-Гора и военачальника отрядов Мендесского нома, а также Пекрура, правителя Восточного нома, ибо был он человеком опытным и надежным.

Но когда юные правители других городов узнали о намерении фараона отправиться в Верхний Египет, в Фивы, они тоже пожелали сопровождать его. Однако Те-Гор, сын Анх-Гора, посоветовал фараону не брать их с собой. Обратился он к нему и сказал:

— Из-за этих юных правителей не затихают раздоры в земле египетской!

И тогда фараон отослал уже прибывших в Танис юных правителей. Этим приказом оскорбил он сына Пекрура Песнофера, военачальника отрядов нома Пер-Сопед, а также Пему Младшего, воина с могучей десницей, правителя города Гелнополя. Затаив обиду, возвратились они в свои города.

И вот фараон Петубаст прибыл в Фивы со своею свитой и своими отрядами из нижнеегипетских номов. Он явился в храм бога Амона и объявил жрецам, что прибыл для того, чтобы вступить во владение наследством первого прорицателя бога Амона Фиванского.

На это ответили ему жрецы, что они уже избрали нового первого прорицателя из жрецов и что в ближайшие дни в западной части Фив будет по этому случаю великий праздник с торжественным шествием.

А на другой день в Фивы прибыл сын покойного, молодой жрец-прорицатель бога Гора. Он приплыл из города Буто на своем судне. Он встретился со жрецами Амона и условился с ними, что объявит фараону о своих правах на владения бога Амона Фиванского, а затем передаст эти владения первому прорицателю бога Амона, назначенному жрецами. За это жрецы Амона обещали ему всяческие блага.

Однако ни прорицатель Гора из города Буто, ни люди с его судна ничего не успели сделать. Фараон опередил их. Он послал вновь избранному первому прорицателю бога Амона письмо, в котором говорилось: «Отныне все права

на владения бога Амона Фиванского переходят к сыну фараона Анх-Гору». И когда на другой день извозные бога Амона понесли по Фивам, во главе шествия встал сам фараон со своими людьми. Они проводили священную барку Амона до западного берега Нила¹ и причалили там. И пока шествие обходило храмы на западном берегу, они всюду сопровождали его. Празднество длилось много часов.

Тем временем судно из Буто тоже пересекло реку и причалило к западному берегу рядом со священной баркой Амона. И тут прорицатель Гора из Буто приказал своим людям напасть на тех, кто охранял священную барку Амона. Охрана была малочисленна, и люди из Буто захватили священную барку. Они взойшли на нее и отпраздновали свою победу на барке бога. Они ели хлеб и мясо, предназначенные для жертвоприношений, и они пили вино, предназначенное для возлияний в честь бога.

При виде этого возмутились сердца египтян, ибо вместе с прорицателем Гора из Буто на священную барку взойшли его воины, тринадцать варваров-азиатов. Но никто не осмелелся напасть на них, потому что были те азиаты страшны в бою и оружие у них было превосходное.

Когда фараон с торжественным шествием вернулся к Нилу, он увидел, что не может переправить обратно на восточный берег извозные бога Амона Фиванского. Вместе с ним были только младшие жрецы Амона и один жрец-чтец, но они также ничего не могли сделать, ибо первый прорицатель бога Амона остался на восточном берегу. Так было условлено заранее между ним и прорицателем Гора из Буто.

И вот фараон вышел на высокий берег над священной баркой Амона и призвал к ответу прорицателя Гора из Буто. Спросил он его:

— По какому праву ты, молодой жрец, захватил со своими азиатами священную барку великого бога Амона?

Встал тогда прорицатель Гора из Буто и заговорил. Но прежде чем ответить фараону, воздал он хвалу великой и превосходной барке бога Амона и богу Гору, которому он служил:

* * *

¹ На западном берегу Нила находились храмы, в которые статую Амона Фиванского приносили во время торжественных священных шествий. Обычно же она стояла в храме Амона в Фивах, на восточном берегу.

— Весла барки Амона — добрые боги, что последовали за Гором, сыном Исиды, сыном Осириса, когда он шел мстить за отца своего Осириса.

Весла барки Амона — божественные черпаки, вычерпывающие заботы богов и богинь.

Мачта барки Амона — это Шу, сын бога Ра, предводителя всех богов.

Парус на мачте барки Амона — из царского полотна. Шкоты, оба трапа и четыре ворота барки — диадема Амона. Но Амон подчинил и небо и воздух Гору, сыну Исиды, сыну Осириса, когда тот шел мстить за отца своего Осириса.

Оснастка мачты — сам Амон-Ра. Ибо он плыл на барке вместе с Гором, сыном Исиды, сыном Осириса, когда тот шел мстить за отца своего Осириса.

Нос и борта барки скреплены обручами, браслетами добрых богинь, чтобы она не разбилась при подходе к берегу.

Кормило барки — нога бога Гора, сына Исиды, сына Осириса, явившегося, чтобы отомстить за отца своего Осириса.

Причальная тумба барки — богиня Уто, владычица города Буто. Скрепляет она воедино браслеты-обручи добрых богинь.

Остов барки Амона — сам великий бог Тот. Богам и людям он дал письмо, богу Ра, отцу всех богов, дал он речь, когда Гор, сын Исиды, сын Осириса, шел мстить за отца своего Осириса.

Когда Осирис, великий бог, правил Верхним Египтом, Гор, сын Исиды, сын Осириса, правил вместе с ним и все боги служили ему.

Кто же имеет больше прав на владения бога Амона, чем я, прорицатель Гора из храма квартала Пе в городе Буто, служитель бога, рожденного Исидой из города Хеммиса? По праву принадлежат мне эти владения. Смотри, даже новый прорицатель Амона и жрецы Амона не спорят со мной из-за них!

Выслушав эти слова, повернулся фараон к жрецам и спросил:

— Слышите, что говорит здесь этот юный жрец?

На это отвечали ему жрецы:

— О великий наш господин, мы слышим подобные речи впервые. А если записаны они на папирусе, то и в записи подобные речи до нас еще не доходили.

Тем временем, пока прорицатель Гора держал свою речь, вынесли на берег изваяние бога Амона, и великий бог услышал его слова. И жрец-чтец сказал:

— Если фараону угодно, пусть фараон спросит великого бога Амона, имеет ли молодой жрец из Буто право на храмовые владения.

И сказал фараон:

— То, что ты говоришь, справедливо.

И вот фараон обратился к Амону и спросил его:

— Кто же имеет больше всех прав на твои владения? Неужели вот этот молодой жрец?

Амон тотчас же кивнул и ответил:

— Да!

Тогда обратился фараон к прорицателю Гора из Буто и сказал:

— Молодой жрец! Если ты обо всем знал заранее, почему не пришел ты ко мне вчера и не сказал об этом? Тогда я не стал бы ни о чем писать вновь избранному прорицателю бога Амона и повелел бы сыну моему Анх-Гору передать владения бога тебе.

На это возразил ему прорицатель Гора из Буто:

— Великий мой господин, я бы пришел к тебе вместе с новым прорицателем бога Амона, возвысил бы голос и сказал тебе все. Но великий бог Амон пожелал сам признать мои права, как признал он права бога Гора до того, как тот явился, чтобы отомстить за отца своего Осириса. И вот я пришел сюда, чтобы сам бог Амон дал мне силу волшебной своей диадемы и помог мне, как помог он Гору, сыну Исиды, сыну Осириса, когда тот по его повелению явился в Верхний Египет, чтобы отомстить за отца своего Осириса. Я пришел к Амону с жалобой, чтобы вступился он за меня, как вступился Гор за отца своего Осириса.

Но тут выступил вперед Те-Гор, сын Анх-Гора, и сказал:

— Почему же ты не жаловался ему вчера? Для чего пришел ты сегодня и хулишь здесь Анх-Гора, сына фараона? Уходи! Ибо прибыл Анх-Гор в Верхний Египет, вступил в Фивы, и теперь волшебная сила диадемы Амона, великого бога, принадлежит ему.

Ответил ему молодой жрец, прорицатель Гора:

— Замолчи, Те-Гор, сын Анх-Гора! Говорить будешь, когда тебя спросят. Твое дело — походы и войны, тебе подчиненные, — о них и заботься! Что тебе до владений храма? Клянусь моим богом Гором из Пе в городе Буто,

пока сын фараона Анх-Гор не вернет мне владения, им захваченные, бог Амон не возвратится в Фивы на своей барке!

Спросил его сын фараона Анх-Гор:

— Для чего ты явился сюда? Что ты хочешь: получить владения бога Амона по закону или захватить их силой?

И ответил ему прорицатель Гора:

— Если будут услышаны мои слова, я получу эти владения по закону. Но если мой голос не будет услышан, я захвачу их силой.

Когда он сказал так, сын фараона Анх-Гор разъярился подобно морю: в глазах его засверкало пламя, в сердце его забушевал самум, как в восточных горах, и он воскликнул:

— Клянусь богом моим Амоном-Ра, владыкой города Ху! Ты не получишь эти владения! Я сделаю так, что скорее они достанутся верховному жрецу Амона, у которого были прежде, но только не тебе!

И вот сын фараона Анх-Гор обратил свой лик к изваянию бога Амона. Он сбросил на землю одежды из царского полотна и все свои золотые украшения. Он приказал принести ему оружие и доспехи. Затем он прикоснулся к амулетам, охраняющим в битве, и пошел на передний двор храма Амона.

Молодой жрец, прорицатель Гора, также обратил свой лик к изваянию бога Амона. Выступил из толпы слуга его с новыми богато украшенными доспехами в руках, и молодой жрец подошел к нему. Он взял доспехи, облачился в них и также направился к переднему двору храма Амона. Здесь устремился он на сына фараона Анх-Гора, ударил его поотмашь и вступил с ним в единоборство.

Тогда сын Анх-Гора Те-Гор отверз уста свои и испустил горестный вопль. Военачальники фараона начали насмехаться и бранить войско египетское. Говорили они:

— Неужели вы будете стоять безучастно перед ликом Амона и смотреть, как азиат сражается с сыном фараона? Неужели вы не поможете ему своим оружием?

Услышав это, заволновались все отряды египетские, заволновались воины из Таниса, из Мендеса, из Тахета и Собеннита, воины из четырех могучих нижнеегипетских номов. Они двинулись вперед и приблизились к месту единоборства, чтобы помочь сыну фараона Анх-Гору.

Но в то же время тринадцать азиатов из Страны Трост-

ников¹ вышли против отрядов египетских. Все они были в доспехах и шлемах, подобных бычьим головам. Прикрывались они щитами, а в руках у них были изогнутые мечи. С двух сторон подошли они и заслонили молодого жреца, прорицателя Гора. Возвысили они голос и сказали:

— Прикази, и мы все исполним во имя великого бога Амона, который сегодня явился нам! Если кто-нибудь скажет прорицателю Гора из Буто слово, ему ненавистное, клянемся, мы напоим землю кровью обидчика!

Ослепила египетских воинов мощь прорицателя Гора, охватил их страх перед тринадцатью азиатами и опасение за жизнь сына фараона. И так велик был их страх, что никто не решился даже возвысить голос.

Тем временем молодой жрец обрушился на сына фараона Анх-Гора, как обрушивается лев на дикого ослза; он набросился на него, словно нянька на непослушного ребенка; он схватил его за доспехи, швырнул его на землю, связал его и поверг в дорожный прах. Тринадцать азиатов устремились к ним и окружили то место. И так велик был страх перед ними, что никто не решился к ним подойти.

Затем азиаты направились к барке Амона и взошли на нее. Отложив щиты, они связали сына фараона Анх-Гора кожаными ремнями, бросили его в трюм барки Амона и захлопнули над ним люк.

После этого все воины, корабельщики и гребцы сошли с барки на берег и стали готовиться к пиру. Они поставили щиты рядом с собой и омылись. Они принесли с барки хлеб, мясо и кувшины с вином, разложили все перед собой и начали пить. Так провели они радостный день, пируя и созерцая днадему великого бога Амона, чье изваяние возвышалось над ними на крутом берегу. Перед ним во-скурили они благовония и совершили обряд очищения солью.

Тогда отверз уста свои фараон и горестно возопил:

— Клянусь великим богом Амоном, видно, нет больше страха перед мощью Пему, нет больше славы Пес-нофера, нет больше к ним уважения! Ибо азиаты захватили священную барку Амона, взошли на нее с оружием и превратили ее в становище варваров. Сердце мое скорбит!

На это сказал ему сын Анх-Гора Те-Гор:

¹ Страна Тростников — вероятно, район, примыкавший к поросшему камышом и папирусом озеру в южной части Синайского полуострова.

— О великий мой господин! Амон, великий бог, здесь перед нами. Пусть спросит его фараон, угодно ли будет богу, если я двину египетские отряды на этих азиатов и в бою освобожу из их рук Анх-Гора?

Обратился тогда фараон к диадеме великого бога Амона и спросил его:

— Такова ли воля твоя? Хочешь ли ты, чтобы я приказал отрядам египетским взять оружие и сразиться с азиатами?

Но Амон покачал головой и ответил:

— Нет.

Еще спросил его фараон:

— О великий бог Амон, великий мой господин! Желаешь ли ты, чтобы я повелел принести для тебя носилки, на которых ты опочинешь, и раскинуть над тобой шатер из царского полотна? Желаешь ли ты оставаться здесь с нами, пока не завершится борьба между нами и азиатами?

Амон тотчас кивнул и ответил:

— Пусть принесут носилки.

И тогда фараон повелел принести священные носилки, поставить на них изваяние Амона и раскинуть над ним шатер из царского полотна.

Так фараон Петубаст со своими отрядами остался на западном берегу Нила, находящемся напротив Фив, в том месте, где под шатром из царского полотна покоилось изваяние великого бога Амона. Египетские воины охраняли его с мечами в руках.

А тринадцать азиатов остались на священной барке Амона, в трюме которой лежал связанный сын фараона Анх-Гор. Не страшились они фараона и без страха в сердцах взирали на диадему великого бога Амона.

Обратил фараон свой лик к барке Амона и увидел на ней азиатов. И тогда сказал фараон Пекруру, отцу Песнофера:

— Что нам делать с этими азиатами, захватившими священную барку? Ведь они не боятся даже гнева Амона, святотатствуют и спорят с нами из-за наследства первого прорицателя, которым овладел сын мой Анх-Гор! Пойди и скажи молодому жрецу такие слова: «Встань и снаряжись в путь! Облачись в одежды из царского полотна, и тогда прикоснешься ты к талисманам Амона. А когда бог Амон возвратится в Фивы, ты станешь верховным жрецом Амона».

Немедля Пекрур вышел на берег над баркой Амона,

приблизился к азиатам и передал им все, что сказал фараон, слово в слово.

Ответил ему прорицатель Гора:

— Говорит фараон: «Облачись в одежды из царского полотна и сойди на берег!» Но слова его надобно понимать так: «Не берись за оружие, иначе я прикажу отрядам египетским напасть на тебя и повелю им ввергнуть тебя в пучину гибели!» Ну так вот, скажи фараону: если хочет он передать мне владения бога Амона, пусть доставит ко мне на священную барку шатер из царского полотна и золотые талисманы бога. Тогда я прикоснусь к талисманам Амона и сложу оружие. Затем пусть прикажет фараон доставить ко мне на барку диадему бога Амона. Тогда я возьмусь за руль и направлю священную барку к храму Амона в Фивах. Только со мной и с моими тринадцатью азиатами поплывет Амон через Нил. А больше мы не допустим на барку ни одного человека!

Вернулся Пекрур к тому месту, где пребывал фараон, и передал ему все, что говорил молодой жрец, слово в слово.

Сказал тогда фараон:

— Клянусь Амоном! Речи этого молодого жреца надобно понимать так: «Я пленил сына твоего Анх-Гора. Так что теперь пусть мне лучше выдадут диадему бога Амона. Я прикажу доставить ее на священную барку и уплыву с ней на север в мой город Бут». Если бы молодой жрец просил драгоценности, или золото, или серебро, я бы все повелел ему дать. Но я никогда не отдам ему диадему бога Амона! Не будет он пышно праздновать в Фивах свою победу и не увезет он диадему Амона в свой город Бут!

В это время к фараону приблизился военачальник и верховный жрец Таниса, столицы Нижнего Египта, прибывший в Фивы, чтобы воздать хвалу своему богу Монту-Ра. Он приблизился и обратился с мольбой к богу Монту, владыке города Гермонта, чтобы Монт не дал увести изаванные бога Амона из Фив.

Фараон желал окончить переговоры, но военачальник и верховный жрец Таниса обратился к нему и сказал:

— О великий мой господин! Есть у меня талисманы против всех врагов. Узнай, что случится с этими азиатами, и возрадуйся в сердце своем! Не следовало им приходить сюда из-за владений прорицателя бога Амона! И если они посмеют поднять оружие против тебя, им придется сразиться со мной!

Тогда фараон благословил военачальника и верховного жреца Таниса и отпускал его.

Военачальник и верховный жрец Таниса облачился в доспехи и вышел на берег над священной баркой Амона. Обратился он к молодому жрецу, который стоял на барке, и сказал:

— Подумай, какое зло совершил ты со своими людьми, когда поднялся на барку бога Амона! Священную барку захватили вы силой оружия и поставили другого жреца на барку Амона! Если вы пришли сюда ради владений прорицателя бога Амона, то сойдите на берег и возьмите их. Но если ты явился сюда, чтобы сражаться, сойди на берег и сразись со мной!

На это ответил ему прорицатель Гора:

— Я знаю тебя, военачальник и верховный жрец Таниса! Мы все тебя знаем, человек с севера. Рассказы о твоей многоречивости доходили до нас не раз. А потому я прикажу сейчас кому-нибудь из моих азиатов, чтобы он сошел к тебе на берег. Поболтай с ним часок!

И молодой жрец кивнул одному из тринадцати азиатов, находившихся с ним на барке.

Азиат поднялся, взял свое оружие и спустился на берег. Он приблизился к военачальнику и верховному жрецу Таниса и набросился на него, словно нянька на непослушного ребенка. Он схватил его за доспехи, швырнул его на землю, связал ему руки и поверг себе под ноги в прах. Затем он приволок его на священную барку, бросил в трюм к Анх-Гору и захлопнул над ним люк.

После этого азиат в полном вооружении сошел с барки, дабы омыться и подготовиться к пишеству вместе с товарищами. А за ним вся команда сошла на берег. Они пили жертвенное вино и веселились перед ликом Амона, на глазах у фараона и всех отрядов египетских.

И тогда отверз фараон уста свои и горестно возопил:

— Когда плыл я под парусом к югу, боевое судно сына моего Анх-Гора с воинами египетскими шло впереди кораблей фараона. На мачте несло оно золотой щит с начертанными на нем словами: «Я — первый щит Египта». А боевое судно военачальника и верховного жреца Таниса замыкало строй кораблей фараона. И на нем начертаны были слова: «Я — великая барка Египта». Но вот явился сюда на юг молодой азиат и захватил «Первый щит Египта» и «Великую барку Египта»! Перед ним весь Египет трепещет,

как понавшее в бурю судно, которым уже не правит кормщик. Неужели он всех сильнее?! Даже бог великий Амон стоит здесь на западном берегу напротив Фив и не может переправиться в Фивы!

На это сказал ему сын Анх-Гора Те-Гор:

— О великий мой господин! Клянусь твоим ликом, если все отряды египетские не обрушатся тотчас на азиатов, то они запугают и перебьют наших воинов. Нужно двинуть на них все войска фараона!

Но Пекрур возразил ему:

— То, что ты говоришь, — безумство! Что ждет тех, кто захочет отомстить азиатам, захватившим сына фараона Анх-Гора и военачальника, верховного жреца Таниса? Только гибель! Воины фараона не справятся с ними. Для чего же ты говоришь: «Пусть египетское войско обрушится на азиатов и устроит им кровавое побоище»? С нами великий бог Амон. Никогда еще мы ничего не делали без его согласия. Пусть и сейчас фараон его спросит. Если прикажет Амон сражаться, мы будем сражаться, но если будет его повеленье иным, мы исполним волю Амона.

И сказал фараон:

— Добрый совет дал правитель Восточного нома Пекрур.

Повелел фараон вынести статую бога Амона. Он приблизился к ней и вознес молитву. С мольбой обратился он к богу и сказал:

— О великий мой господин, бог великий Амон! Будет ли воля твоя на то, чтобы я повелел отрядам египетским ополчиться на азиатов и напасть на них?

Амон покачал головой и промолвил:

— Нет!

Снова спросил фараон:

— О великий мой господин, бог великий Амон! Будет ли воля твоя на то, чтобы я отдал молодому жрецу владения первого прорицателя храма Амона? И отпустит ли он тогда моего сына Анх-Гора и верховного жреца Таниса?

Амон покачал головой и промолвил:

— Нет!

Спросил фараон:

— О великий мой господин, бог великий Амон! Неужели эти азиаты силой вырвут Египет из рук моих?

Амон покачал головой и промолвил:

— Нет!

Спросил фараон:

— О великий мой господин, бог великий Амон! Опладеют ли азиаты твоей днадемой?

Амон покачал головой и промолвил:

— Нет!

Спросил фараон:

— О великий мой господин, бог великий Амон! Дозволишь ли ты мне прогнать азиатов со священной барки? Даруешь ли ты мне победу над ними в этом деле?

Тут Амон поспешно кивнул и ответил:

— Да!

Тогда фараон стал называть великому богу Амону имена правителей, военачальников, командиров отрядов и предводителей наемников. Но из всех названных Амон избрал только двух: правителя Пес-нофера и предводителя наемников Пему Младшего. Изрек Амон:

— Только этим двум буду я помогать, чтобы изгнали они азиатов, захвативших священную барку Амона. Только они освободят сына фараона Анх-Гора и военачальника, верховного жреца Таниса. Пусть же придут они в Фивы со свежими отрядами.

И фараон повторил перед ликом Амона имена избранных богом воинов.

Затем фараон обратился к правителю Восточного нома Пекруру и спросил его перед ликом Амона, что делать дальше. И ответил ему правитель Восточного нома Пеккур:

— Если фараону будет угодно, мы пошлем за этими отрядами молодых воинов, чтобы они явились сюда, на юг. Они исполнят все, что прикажет им фараон.

Но фараон возразил:

— Клянусь Амоном, если я пошлю за этими людьми, они откажутся выступить на юг, потому что я их унизил. Ведь когда я сам прибыл в Фивы, я не пригласил их на празднество великого бога Амона, моего отца! Лучше будет, если к ним обратишься ты, правитель Восточного нома Пеккур. Ибо если сделаю это я, они не придут сюда, в Верхний Египет.

Сказал тогда правитель Восточного нома Пеккур:

— Вот видишь, великий мой господин, ты жестоко оскорблял этих воинов и не думал о них, пока они тебе не понадобились. А теперь ты хочешь, чтобы они тебя выручили из беды.

Но фараон ответил:

— Клянусь великим богом Амоном, это не я их

оскорбляя! Это все злые козни Те-Гора, сына Анх-Гора. Это он уговорил меня отослать их и не брать с собою на юг. Он сказал мне: «С ними нам не избежать столкновений и смуты в войске египетском». Но, видно, не зря говорят: кто ставит сети, сам в них попадется; кто роет яму, сам в нее свалится; кто точит меч, сам от меча погибнет. Смотри! Все близкие Те-Гора ныне связаны азиатами и некому за них вступиться. Вот урок: не клеветай на ближних своих!

И тогда правитель Восточного нома Пекрур решил послать за отрядами молодых воинов. Он сказал фараону:

— Я призову их в Верхний Египет ради силы и славы твоей, как уже призывали не раз все войско египетское.

Повелел правитель Восточного нома Пекрур:

— Пусть позовут сюда писца моего Ха-Гора, сына Мин-неб-Ма!

За писцом побежали и тотчас его привели. И сказал ему правитель Восточного нома Пекрур:

— Пиши! Это письмо надо доставить в Пер-Сопед, где пребывает правитель Пес-нофер. Слушай, что нужно писать:

«Правитель Восточного нома Пекрур, отец священных быков Египта, добрый пастырь отрядов воинов, приветствует правителя Пес-нофера, своего сына, могучего быка из Пер-Сопеда, льва среди обитателей Восточного нома, стену бронзовую, ниспосланную мне Исидой, твердыню железную, ниспосланную мне владычицей города Тасонт, превосходнейший корабль Египта, на который уповает все войско египетское.

Будь милосерден, сын мой Пес-нофер! Если письмо это застигнет тебя за едой, отложи свой хлеб. Если письмо это застигнет тебя за питьем, отставь кувшин. И поспеши, поспеши к нам! Приходи к нам скорее, скорее! Всегда на судно со своими пятьюдесятью шестью воинами из Восточного нома. Возьми с собой своего друга Пему, сына Инара; пусть и он со своими четырьмя товарищами жрецами приплывет за тобой на своей барке «Звезда».

Плыви к нам на юг, в Фивы, ибо явились сюда азиаты из Страны Тростников. Ополчились они на фараона, что ни день затевают сражения и не дают переправить изваяние бога Амона в Фивы. До сих пор бог Амон пребывает на восточном берегу под навесом из царского полотна. Торопись же! Укрепи своим блеском силу войска египетского!

Анх-Гор, сын фараона Петубаста, и военачальник, вер,

ховный жрец Таниса, захвачены азнатами. Связанные, пребывают они на борту священной барки Амона. Поспешн же на юг, в Верхний Египет! Вступи в битву! Пусть увидит войско египетское, какой страх ты внушаешь врагам!»

Письмо это было свернуто и запечатано печатью правителя Восточного нома Пекрура. Затем вручили его Ха-Гору, и он отбыл. И устремился Ха-Гор на север, не останавливаясь ни днем, ни ночью. В самое малое число дней достиг он Пер-Сопеда, немедленно предстал перед Пес-нофером и вручил ему письмо.

Пес-нофер прочел письмо и вник в каждое слово, в нем начертанное. И тогда разъярился он, словно море, и залокотал, как кипящая смола. Воскликнул Пес-нофер:

— Рыбод из Таниса, западня в кустах на окраине города Буто, — вот кто такой этот Петубаст, отец Анх-Гора! Фараоном я его даже не назову! Если он заговорил так ласково, значит он хочет, чтобы я его вытащил из беды! Что ж он раньше меня не звал, когда он ни с кем не сражался и не воевал, а только праздновал празднества в честь своих богов? И все же, во имя бога моего Сопеда, владыки Восточного нома, придется ему помочь. Отец мой Пекрур, правитель Восточного нома, пишет мне, что великий бог Амон все еще пребывает на западном берегу Нила и ему не дают переправиться в Фивы. Это значит, что никто не желает сражаться за семью Петубаста, за детей Тауэрис, дочери Печенефа. Не будем же больше думать об обиде, нанесенной мне и моим пятидесяти шести товарищам из Восточного нома! Восемь моих товарищей жрецов немедленно взойдут на борт судна и отплывут на юг, в Фивы.

Затем Пес-нофер обратился к младшему служителю храмовых владений Амона, который был при нем, и повелел:

— Собирайся и ты, волак Сопеда, юноша из владений Амона! Отправляйся в путь, быстроногий пёс Сопеда, слуга владений Амона! Не медли! Поспешн в Гелиополю и передай Пему, сыну Инара, мои слова:

«Приготовься к походу со своими четырьмя товарищами-жрецами! Снаряди новое судно из кедрового дерева! Отныне ты под моей защитой. Пусть твоя команда ожидает меня в Пер-неб-Хотепе, близ Гелиополя, а твое судно — на причале в Гелиополе!»

Служитель владений Амона в тот же час отправился в Гелиополь и передал Пему, сыну Инара, все, что велел ему передать Пес-нофер.

Тем временем сам Пес-нофер снаряжался в поход со своими пятьюдесятью шестью воинами и восемью товарищами-жрецами. Не теряя мгновения, он взобрался на судно и отплыл в Пер-неб-Хотеп. Там он встретил Пему, который со своими четырьмя товарищами-жрецами ожидал его на своем боевом судне «Звезда». И все вместе они отплыли на юг, в Фивы.

В это время фараон Петубаст все еще пребывал со своими отрядами на западном берегу Нила напротив Фив. Его воины не снимали доспехов и постоянно были при оружии. Каждый день фараон Петубаст проходил по высокому берегу над баркой Амона, однако на север, откуда должны были прибыть Пес-нофер и Пему, сын Инара, он даже и не смотрел.

Но вот в один из дней фараон увидел неизвестное боевое судно из кедрового дерева, которое поднималось вверх по течению. Судно причалило к пристани храма Амона в Фивах, и с него поспешно сошел воин в доспехах. Он переправился на западный берег Нила и высадился южнее того места, где стояли суда фараона. В боевых доспехах с головы до ног, был этот воин подобен быку, вооруженному могучими рогами.

Воин быстро поднялся на высокий берег над баркой Амона, однако к фараону он не подошел. Повернулся он к воинам-азиатам и воскликнул:

— Да пошлет бог судьбы Псанс долгую жизнь фараону! Дошел до меня слух о вашей дерзости. Вы вошли на священную барку Амона с оружием и самовольно назначили богу Амону своего жреца!

На это ответил ему молодой жрец, прорицатель Гора из Буто:

— Кто ты? Чьи уста произносят подобные речи? Может быть, ты из Таниса или Мендеса?

Но воин сказал:

— Нет, эта северная страна, о которой ты говоришь, не была моей родиной. Я Мин-неб-Маат, сын Инара, правителя Элефантины, правителя юга Египта!

Тогда сказал ему один из азиатов:

— Если ты не с севера, для чего же ты явился на зов Петубаста и какое тебе дело до барки Амона? Иди лучше к нам на судно, и мы отпразднуем твое прибытие здесь перед ликом Амона. И пусть все, что мы имеем, будет также твоим.

Но ответил ему Мин-неб-Маат:

— Клянусь Хиумом великим, владыкой Элефантины, нет оправдания вашей дерзости! Если я изйду к вам на судно и сяду пировать вместе с вами, это будет все равно, как если бы я поднял руку на фараона. Но у меня слова не расходятся с делом. Откройте дорогу Амону, чтобы он мог вернуться в Фивы! Сделайте это сами! Иначе я вас заставляю совершить это силой, против вашей воли!

Тут поднялся один из тринадцати азиатов и воскликнул:

— Ну, погоди же, нубец, эфиоп, пожиратель камеди из Элефантины! Я к тебе сейчас подойду!

Он облачился в доспехи, взял оружие и соскочил на берег. Он ударил наотмашь Мин-неб-Маата, и начался поединок. С первого часа полудни до восьмого вечернего часа сражались они на берегу над баркой Амона.

Фараон и все его воины взирали на это единоборство. Дивились воины-египтяне, глядя на ловкость бойцов. Казалось, были они равны: никто не мог победить. И тогда сказал фараон правителю Восточного нома Пекруру и сыну Анх-Гора Те-Гору:

— Клянусь Амоном, ноги этого незнакомца крепко стоят на поле боя, и я, видно, не узнаю до десятого вечернего часа, победит наше правое дело или нет.

Но в это время азиат сказал Мин-неб-Маату:

— Мы славно бились и можем передохнуть. Давай встретимся завтра и продолжим единоборство. Но если кто-либо из нас не придет сюда, пусть постигнет того злая кара!

И Мин-неб-Маат согласился с тем, что сказал азиат. Они перестали сражаться и разошлись. Азиат вззошел на священную барку Амона, а Мин-неб-Маат хотел вернуться на свое боевое судно. Но тут подошел к нему фараон вместе с правителем Восточного нома Пекруром и Те-Гором, сыном Анх-Гора. И сказали они ему:

— Кто же уходит вот так с поля боя, вместо того чтобы явиться к фараону и получить награду за свою доблесть?

Тогда воин пошел за ними к тому месту, где обычно пребывал фараон. Там он снял шлем, склонился до земли и приветствовал фараона, коснувшись устами праха. И фараон обратил к нему лик свой и подошел к нему. Он простер к нему руки и коснулся устами уст его. Он обнял его крепко, словно возлюбленную. И сказал фараон:

— Слава, слава тебе, Мин-неб-Маат, сын Инара, правитель юга Египта! Я молил великого бога Амона, чтобы

он мне позволил узреть тебя целым и невредимым, в полной силе и добром здравии. Клянусь богом великим Амоном, с того часа как я увидел тебя в единоборстве, повторяю я непрестанно: «Так сражаться может лишь бык, сын быка и лев, сын льва, подобный тебе!»

Знатнейшие люди Египта, Пекрур и Те-Гор, сын Анх-Гора, взяли Мин-неб-Маата под руки, воздавая ему высокую честь. Сам фараон усадил его под балдахином своего шатра. А когда Мин-неб-Маат вернулся на свое боевое судно, фараон повелел отнести ему благовоения и многочисленные дары. И понесли ему эти дары самые знатные из приближенных фараона.

Так три дня сражался Мин-неб-Маат с азиатом. Но и после третьего дня единоборства он вернулся к себе невредимым. Дивились на это египетские воины и говорили друг другу:

— Ни одна семья в Египте не сравнится с семьей покойного правителя Инара! Ни в одной семье нет подобных воинов! Смотрите — Анх-Гор и военачальник, верховный жрец Таниса, не продержались и дня, а этот Мин-неб-Маат третий день сражается с азиатом и все еще невредим!

Тем временем Пес-нофер и Пему достигли Верхнего Египта. Их боевые суда причалили к берегу выше барки Амона. Они облачились в доспехи, взяли оружие и сошли на берег.

Сообщили об их прибытии фараону, а также правителю Восточного нома Пекруру и Те-Гору, сыну Анх-Гора. И фараон вышел к ним навстречу. Он простер руки к правителю Пес-ноферу и приветствовал его.

* * *

Сказал тогда Пес-нофер:

— Во имя бога моего Сопеда, владыки Восточного нома, и во славу Амона я выступаю против врагов твоих.

И сказал Пему, сын Инара:

— Во имя бога моего Атума, владыки Гелиополя, и во славу Амона я нападу на этих варваров. Я заставляю их уйти со священной барки, и бог Амон вернется в свой храм в Фивах.

Пес-нофер клятвенно подтвердил его слова, и Мин-неб-Маат, правитель юга Египта, поддержал эту клятву. А затем они вышли на берег над священной баркой Амона

и кликнули клич. Вместе с ними вышли на берег восемь жрецов и пятьдесят шесть воинов Пес-нофера, четыре жреца Пему, сына Инара, и все воины четырех великих номов Нижнего Египта под водительством Пекрура, правителя Восточного нома, и Те-Гора, сына Анх-Гора.

Прорицатель Гора из Буто и его тринадцать азиатов увидели это войско. Но сердца их не дрогнули, и они приготовились к бою. Они облачились в доспехи, надвинули шлемы, подобные бычьим головам, взяли оружие и устремились на берег, сея вокруг смерть и ужас. Началось великое сражение, и продолжалось оно много дней. Азиаты не могли одолеть такое множество врагов, но и воины-египтяне не могли победить азиатов, ибо были они страшны в бою и оружие у них было превосходное.

Но в один из дней встретились, в битве Пес-нофер и молодой жрец, прорицатель Гора из Буто. Долго сражались они и, казалось, были равны: никто не мог победить. Однако к полудню устал молодой жрец и сказал:

— Сделаем передышку!

Но Пес-нофер ответил:

— Нет! Ты будешь сражаться, пока не уйдешь со священной барки и не позволишь перевезти Амона в его храм в Фивах!

И с этими словами Пес-нофер отошел в сторону, а на его место встал Мин-неб-Маат.

С полудня до пятого вечернего часа сражался молодой жрец с Мин-неб-Маатом и начал уже ослабевать. Еще раз сказал он:

— Сделаем передышку!

И Мин-неб-Маат ответил:

— Нет! Ты будешь сражаться, пока не уйдешь со священной барки вместе со своими тринадцатью азиатами.

И с этими словами Мин-неб-Маат отступил в сторону, а на его место встал Пему Младший, сын Инара, воин с могучей десницей. До десятого вечернего часа продолжалось это единоборство. Но к исходу десятого часа силы оставили молодого жреца. Схватил его Пему за доспехи, швырнул на землю и поправил ногами. И тогда сказал прорицатель Гора:

— Исполнилась воля Амона! Пусть же Амон переправится на священной барке в Фивы и водворится в храме своем! Но ты отпусти меня, ибо если увидят мои азиаты, что ты угрожаешь мне, они напоят землю кровью египтян.

Они убьют сына фараона Анх-Гора, а также военачальника и верховного жреца Таниса. Они обрубят причальный канат и уплывут на священной барке в Буто, и тогда Амон останется навсегда на западном берегу. И гнев его падет на тебя!

Содрогнулись все, услышав эти слова. Устрашился Пему гнева Амона и отпустил молодого жреца. Вместе со своими тринадцатью азнатами вернулся прорицатель Гора на священную барку Амона, и на этом окончилось великое сражение.

Когда озарилась земля и наступил новый день, прорицатель Гора сошел на берег и воззвал к фараону Петубасту. Он сказал ему:

— Я покидаю священную барку, чтобы бог Амон мог вернуться на ней в свой храм в Фивах. Я возвращаю тебе сына твоего Анх-Гора и твоего военачальника, верховного жреца Таниса. Но ты должен поклясться, что не посягнешь на владения храма Амона, наследство моего отца! Пусть верховный жрец бога Амона сам решает, кому их отдать!

И фараон Петубаст поклялся это исполнить.

В тот же час прорицатель Гора с тринадцатью азнатами вошел на свое боевое судно и отплыл в Буто. Изваяние бога Амона перенесли на священную барку и переправили в Фивы. А затем и фараон Петубаст со своим сыном Анх-Гором, сыном Анх-Гора Те-Гором и всеми приближенными отплыл в Танис. Вместе с ним отплыли Пес-нофер, Пему и Мин-неб-Маат — каждый в свои города. А когда последнее боевое судно скрылось вдали, все жрецы Амона собрались в храме Амона и воздали хвалу великому богу Амону за то, что он оставил владения храма в руках служителей бога.

Так завершилась борьба за храмовые владения бога Амона Фиванского.

БОРЬБА ЗА ДОСЛЕДИ ПРАВИТЕЛЯ ИНАРА

Во времена, когда владыкой всего Египта был отец Анх-Гора фараон Петубаст, в каждом городе жила свой правитель, и каждый из них управлял своим номом. Много было таких правителей, но самым могущественным среди них считался Инар, сын Пему Старшего, правитель Геллиополя. Был он справедлив, и народ восхвалял его доблесть.

Правитель Инар обладал доспехами превосходной работы, небывалой прочности и красоты. Отправляясь на битву, всякий раз облачался он в эти доспехи, ибо предрек ему оракул Гелиопольского храма, что, пока на нем будут эти доспехи, никто не сможет его победить.

На крайнем востоке Нижнего Египта, у самой границы Сирии, жил Пекрур, правитель Пер-Сопеда. Он был другом правителя Инара и преданным слугой фараона Петубаста.

Средняя же часть Нижнего Египта принадлежала верховному жрецу города Мендеса, носившему также титул военачальника и верховного жреца бога Амона Фиванского. Его повелениям внимал и Танисский ном, где пребывал фараон Петубаст. Так верховный жрец один управлял четырьмя номами: Мендесским, Танисским, Себенитским и номом Тахет. Первым его приближенным был некий нубиец, которого все боялись за его отвагу и силу. Но был тот нубиец лжив, коварен и криводушен, а потому никто его не любил.

Другие правители — а их было множество — не были столь могущественны. Они подчинялись тому или иному из трех великих правителей номов и откликались на их призывы. Но каждый из них поклонялся богу своего города и клялся именем своего бога.

Верховный жрец из Мендеса клялся овном Мендеса, владыкою его города.

Пекрур клялся именем бога Сопеда, владыки всего Востока.

Инар и его сын Пему Младший клялись именем бога Атума, владыки города Гелиополя.

И лишь фараон Петубаст зывал к богу Амону-Ра, повелителю всех богов, которого одинаково чтут и в Фивах, в Верхнем Египте, и в Ху, в Нижнем Египте.

Но вот умер правитель Инар, и его ном перешел к его сыну Пему Младшему. Доспехи правителя Инара также должны были перейти к нему по праву наследства. Однако верховный жрец из Мендеса похитил эти доспехи. Совершил он это тогда, когда тело правителя Инара еще не было набальзамировано, так что никто из семьи покойного ничего не заметил.

Когда обнаружилась пропажа, Пему Младший сразу заподозрил верховного жреца из Мендеса. Но доказать его вину он не мог и, где спрятаны доспехи, не знал. На всякий

случай он приказал обыскать все сокровищницы и кладовые своего дворца, однако доспехов не нашли. А хоронить отца, не отыскав доспехов, Пему Младший не пожелал, ибо знал, что пока доспехи не отыщутся, правителю Инару нечего будет ответить на суде Осириса, повелителя царства мертвых.

Но времени терять было нельзя. Поэтому Пему Младший поспешил в Танис к фараону Петубасту. Он явился к нему и сказал:

— О великий мой господин! Я пришел к тебе с жалобой на военачальника и верховного жреца Амона Фиванского, правителя Мендесского нома. Когда умер отец мой Инар, правитель Гелнополя, этот жрец из Мендеса похитил его доспехи и не хочет теперь сознаться, что они у него.

Повелел фараон Петубаст:

— Пусть гонец немедленно отправится в город Мендес и призовет сюда военачальника и верховного жреца Амона Фиванского!

Фараон Петубаст хотел это дело уладить миром, ибо оракул великого бога Амона-Ра, его бога, предрек ему, что власть его поколеблется, если во время его правления возгорится междоусобица и ном пойдет против нома, а город против города.

И вот военачальник и верховный жрец Амона Фиванского прибыл в Танис. Фараон Петубаст повелел привести его во дворец и вместе с ним призвал Пему Младшего.

Обратился фараон Петубаст к верховному жрецу и спросил:

— Скажи, верховный жрец Амона Фиванского, где доспехи правителя Инара?

Но верховный жрец Амона Фиванского ничего ему не ответил.

Тогда обратился фараон Петубаст к Пему Младшему и спросил его:

— А что знаешь ты, Пему Младший, правитель города Гелнополя, о доспехах отца своего Инара?

И Пему Младший ответил:

— О великий мой господин! Я посылал в Мендес к верховному жрецу Амона Фиванского своего слугу — юношу. Я приказал ему спросить верховного жреца, желает ли он возратить мне доспехи отца моего, чтобы я положил их на то же место, где они лежали и прежде. Но мой слуга-юноша вернулся ко мне и сказал: «Верховный жрец Амона

Фиванского ничего не ответил и прогнал меня. Сколько я к нему ни обращался, он отсылал меня прочь. Но это он похитил доспехи из дома Инара, надеясь, что никто этого не заметит. Он похитил доспехи и унес их в крепость свою Джу-Ра. И там он их спрятал в своем укрепленном городе, расположенном во владениях пастыря стад богини Сохмет¹.

* * *

Так рассказывал Пему Младший обо всем, что ему передал его слуга-юноша. В течение двух дней повторял Пему Младший этот рассказ перед фараоном Петубастом, но ни одно его слово от этого не изменялось. А под конец обратился он к верховному жрецу из Мендеса и воскликнул:

— Проклятье городу твоему Джу-Ра! Не там ли ты спрятал доспехи правителя Инара? Не ты ли протянул к ним руку и унес их в свой город Джу-Ра, чтобы больше не возвращать? На что ты надеялся, совершая это? Уж не на свою ли силу? Напрасно! Мы силой вернем похищенное, ибо нам известно искусство боя!

И тогда ответил верховный жрец Амона Фиванского:

— Клянусь Гором, ни за что на свете я не верну ему эти доспехи! Разве род мой не знает искусства боя? Верховные жрецы, военачальники и знатные люди Египта — всемирные все! Правитель Инар был великим злодеем! Пусть же никто на земле, ни в едином номе Египта, не воздаст ему больше хвалы! Да будет отныне проклят дом его, вплоть до места его погребения и последнего успокоения. Пусть никто на земле египетской не почитает его, ибо не был он добрым правителем, и не будет ему дано вновь воскреснуть подобно Осирису!

Но в ответ на это сказали верховные жрецы, военачальники и знатные люди Египта:

— Все обвинения верховного жреца Амона Фиванского против покойного правителя Инара лживы! Ибо мы знаем от Пему Младшего, правителя Гелиополя, сколько сражений выиграл правитель Инар на благо всего Египта.

Тогда задумал верховный жрец Амона Фиванского уничтожить Пему Младшего. Суда всех правителей стояли в это время у пристани города Таниса. И вот верховный

¹ Сохмет — богиня войны, центром ее культа был город Мемфис.

жрец призвал предводителя войска Амона Фиванского по имени Мерениси. Он повелел Мерениси внезапно напасть и захватить Пему Младшего на его судне.

Вместе со своими воинами Мерениси выступил против Пему Младшего, чтобы внезапно захватить его.

Но Пему Младший проведал об этом замысле. Он взойшел на судно вместе со своими воинами и людьми из своего города Гелиополя. Он отчалил от берега и ночь провел на реке. А наутро он явился к фараону Петубасту и поведал ему о том, что хотел совершить верховный жрец Амона Фиванского.

Тогда повелел фараон призвать к нему правителя Восточного нома Пекрура. Обратился он к Пекруру и к Пему Младшему и воскликнул:

— Почему не явился сюда жрец Амона Фиванского со своими людьми?! Почему не лежат они здесь перед нами на животах своих?!

Но ответили ему воины стражи и начальники стражи:

— Мы бы знали, что делать, если бы он явился сюда, в Зал Приемов! Но он всегда творит только то, что ему самому вздумается.

А правитель Восточного нома Пеккур сказал:

— Великое зло содеял верховный жрец Амона Фиванского. Он проклял врага своего перед слугами!

Выслушал эти слова фараон Петубаст и ответил:

— Ты, правитель Восточного нома Пеккур, и ты, Пему Младший, не распалайте сердца свои из-за того, что говорил здесь верховный жрец! Клянусь Амоном-Ра, владыкою Ху, повелителем всех богов, великим богом Таниса, я говорю и я повторяю: по моему повелению правителю Инару будет устроено богатое погребение с великими почестями.

Но, услышав его слова, возразил Пему Младший:

— О фараон, великий мой господин! Речь твоя — бальзам для людей из Мендеса. Но они все равно не уйдут от моего меча! Клянусь Атумом, владыкою Гелиополя, клянусь моим богом, великим богом Ра-Гором, я соберу войско в Хет-Сохмет¹ и двину его на Мендес!

На это сказал ему фараон:

— Сын мой Пему, не покидай путей мира, чтобы в дни моего правления не возгорелась в Египте междоусобица.

¹ Х е т - С о х м е т — «Дом Сохмет», город в Дельте, близ Гелиополя.

С опечаленным лицом Пему Младший склонил голову на руки и ничего не ответил.

Тогда повелел фараон своему писцу:

— Ты, писец, отправь во все номы Египта, от Пелусии до Элефантины, такое послание:

«Пришлите в город Бусирис и в город Мендес ваших жрецов и храмовых бальзамировщиков, пришлите погребальные пелены и благовония, такие же как для погребения Аписа и Мневиса¹ и фараона, повелителя среди богов. И да будет правитель Инар погребен подобно им, с соблюдением всех установленных обрядов, ибо так изрек и так повелел фараон».

Прошло немного времени, и люди Юга и люди Севера, люди Запада и люди Востока по велению фараона двинулись в путь. Они пошли и поплыли под парусами к Бусирису и Мендесу.

Но, увидев это, сказал правитель Восточного нома Пекрур:

— Сын мой Пему! Взгляни на моих людей, идущих из Восточного нома! Дозволь им совершить погребение со своими пеленами и благовониями, своими храмовыми служителями, бальзамировщиками и лекарями, которым открыт доступ к мертвым. Пусть они направятся в Бусирис. Пусть они внесут тело покойного правителя Инара в Дом благовоний² и умастят его бальзамами ароматными. И пусть они устроят ему богатое погребение с великими почестями, какие воздают лишь Апису и Мневису и фараону, повелителю среди богов!

И так было совершено. Люди Восточного нома доставили тело покойного правителя Инара к месту его последнего успокоения близ Бусириса и Мендеса. А затем фараон Петубаст распустил отряды египетские по их номам и городам.

Но тогда сказал Пему Младший Пекруру, правителю Восточного нома:

— Отец мой, разве могу я возвратиться в свой ном в Гелиополь и устроить там празднество, пока доспехи отца моего Инара остаются на мендесском острове в Джу-Ра?

¹ А п и с — священный бык бога Птаха, почитавшийся в Мемфисе. М н е в и с — священный бык бога Агута, почитавшийся в Гелиополе.

² Д о м б л а г о в о н и й — помещение, где производилось бальзамирование.

И ответил ему правитель Восточного нома Пеккур:

— Вещее слово изрек бог Сопед, владыка Восточного нома: «Если вернешься ты в Гелиополь без доспехов Инара, ты нарушишь волю отца своего Инара!»

И вот знатнейшие люди Египта взошли на свои суда и отплыли под парусами в Танис. Они явились в Зал Приемов и предстали перед фараоном. Увидел фараон Петубаст правителя Восточного нома Пеккура, увидел Пему Младшего, увидел их воинов и впал в уныние. И сказал им фараон:

— Что привело вас сюда? Что с вами, знатные люди? Разве я не повелел вам вернуться в ваши номы и города после пышного и почетного погребения прорицателя моего Инара? Что означает ваше постыдное неповиновение?

На это ответил ему правитель Восточного нома Пеккур:

— О великий мой господин! Как можем мы возвратиться в свои номы и города, если доспехи правителя Инара не возвращены в Гелиополь и весь Египет знает о нашем позоре? Как можем мы отпраздновать погребение правителя Инара, если его доспехи до сих пор укрыты за стенами Джу-Ра и мы не в силах перенести их в Гелиополь?

Повелел тогда фараон писцу:

— Ты, писец, во исполнение моей воли отправь в Джу-Ра верховному жрецу Амона Фиванского такое послание: «Немедля явись к нам в город Танис для решения неотложного дела. Повинуйся воле моей!»

Это письмо свернули в свиток, запечатали и передали негру-гонцу. В тот же час гонец покинул Танис. Он явился к верховному жрецу Амона Фиванского и вручил ему послание фараона. Верховный жрец прочитал послание и немедленно явился в Танис во дворец фараона.

Здесь сказал ему фараон Петубаст:

— Слушай, верховный жрец Амона Фиванского! Доспехи покойного правителя Инара должны быть возвращены туда, где ты их взял, — в Гелиополь, в дом Пему Младшего!

Но когда верховный жрец Амона Фиванского услышал эти слова, лицо его опечалилось, и он молча склонил голову на руки. Трижды обращался к нему фараон и не получал ответа.

Тогда выступил вперед Пему Младший. Он вышел на середину зала и сказал верховному жрецу Амона Фиванского:

— Эй ты, эфиоп, пожиратель камеди! Уж не хочешь ли ты, полагаясь на силу свою, сразиться со мною здесь, перед лицом фараона?

И тотчас все египетские воины, услышавшие его слова, ответили:

— Да, по всему видно: верховный жрец Амона Фиванского хочет боя!

Сказал тогда Пему Младший:

— Клянусь моим богом Атумом, великим богом, владыкою Гелиополя, если бы не уважение к твоему сану, который тебя защищает, ты бы уже сейчас был трупом!

На это ему ответил верховный жрец Амона Фиванского:

— Клянусь овром Мендеса, великим богом, если начнется сейчас сражение в этом городе и в этом номе, то поднимется род против рода со всеми сородичами и каждый будет сражаться из-за этих доспехов до тех пор, пока его не вынесут замертво из моей крепости Джу-Ра.

Обратился тогда к фараону правитель Восточного нома Пекрур и промолвил:

— Ты видишь, что творит верховный жрец Амона Фиванского? Ты слышишь его слова? Все это не к добру. Но фараон сам узрит, кто из нас сильнее. Я заставлю верховного жреца Амона Фиванского и правителя Мендесского нома раскаяться в его постыдных речах. Я дам ему бой, которого он желает! Однако я постараюсь, чтобы в дни правления фараона в Египте больше не было распрей и междоусобиц. Если фараон дозволит, я покажу ему битву двух цитноносцев. Он будет свидетелем этого единоборства. Он увидит, как задрожит гора и подпрыгнет до самых небес, распростертых над нашей землей. Он узрит, как быки из Пер-Сопеда и львы из Метелиса сражаются раскаленным железом!

Но ответил ему фараон:

— Нет, не надо этого делать! Будь терпелив, отец мой, правитель Восточного нома Пекрур! Не проявляй горячности. Возвращайтесь все в свои номы и города. И пусть доспехи покойного правителя Инара с миром и ликованьем возвратятся в Гелиополь, на то место, где они были прежде. Такова моя воля. Будь силен душою, отец мой Пекрур, ибо иначе возгорится война великая! А я не желаю войны. Каково бы ни было ваше желание, дайте мне пять дней отсрочки. Клянусь великим богом моим Амоном, владыкою города Ху, если вы возвратитесь мирно в ваши номы и города, я прикажу вернуть доспехи Инара в Гелиополь, где они были прежде.

Так сказал фараон и умолк. Он поднялся и вышел на

середицу зала. Но тогда встал перед ним Пему Младший и сказал:

— О великий мой господин! Клянусь Атумом, великим богом, если я не верну в бою доспехи, похищенные из Гелиополя, позор заставит склониться боевые значки Египта. Пусть выступят против меня войска всей страны, — я все равно пойду и сам отнесу в Гелиополь доспехи отца моего Инара!

Сказал тогда верховный жрец Амона Фиванского:

— О фараон, великий мой господин, да живешь ты вечно, подобно Ра! Прикажи писцу, дабы он отправил послания в мой ном и мои города ко всем моим братьям, родичам, приближенным и предводителям отрядов моих. Пусть услышат они мой призыв!

И фараон изрек:

— Хорошо, пусть призовут писца! Но только не делай так, чтобы город ополчился на город.

И вот верховный жрец Амона Фиванского приказал писцу отправить послание Пете-Хонсу, верховному военачальнику Мендесского нома, Те-Гору, сыну Анх-Гора, предводителю наемников Мендесского нома, и Па-Ра-Моону, сыну Анх-Гора. И было сказано в том послании:

«Приготовьте ваших людей и снаряжение. Возьмите оружие, одежду, припасы и серебро из кладовых дворца фараона. Пусть писцы дадут вам записи того, что взято. Если же военачальники Мендеса не смогут дать всем оружие и снаряжение, то пусть возьмут недостающие доспехи и припасы из моих сокровищниц. Затем двиньте войска к озеру Газели, к водам города Бута, обителищу владычицы Ами¹, к пруду Хатор из Мефкат. Там будет пристань правителей, верховных жрецов, знатных людей и предводителей наемников Мендесского нома. Тогда мы будем готовы к борьбе нома с номом, города с городом и рода с родом.

Отправьте также гонца к Анх-Гору, сыну Гор-Беса, правителя области Пелахти.

А затем отправьте гонца к Пертенипону, сыну Уджахека».

Подобные же послания отправили своим войскам правители Таниса и Мендеса, правители Тахет и Себеннита.

И сын фараона Анх-Гор также отправил своим войскам и братьям своим, другим сыновьям фараона, приказ под-

¹ А м и — город Леонтополь, современный Телль-Мокдам.

нять боевые значки фараона и выступить со всеми людьми их номов и городов. И они поступили согласно его приказу.

Когда Пему Младший услышал имена этих правителей и перечень всех отрядов из их номов и городов, за которыми послал верховный жрец Амона Фиванского, он заплакал, словно малый ребенок.

Увидел правитель Восточного нома Пеккур, как скорбит он в сердце своем и какая печаль на его лице, и промолвил:

— Сын мой Пему, предводитель войска, не печалься! Когда узнают твои товарищи о том, что случилось, они придут к тебе на помощь.

Воскликнул правитель Восточного нома Пеккур:

— Пусть призовут сюда писца Сун-Эсе, сына Уджа-Гора! Пусть он напишет послание к воинам наших номов и городов, ко всем нашим людям и нашим братьям!

И фараон Петубаст повелел:

— О писец, внимай каждому его слову!

Спросил правитель Восточного нома Пеккур:

— Ты готов, писец?

И писец ответил:

— Внимаю тебе, великий мой господин!

Сказал тогда правитель Восточного нома Пеккур:

— Отправь послание Гор-ау, сыну Пете, которому ведомы все тайные предписания о наших людях и войске. Пиши:

«Снаряди всех воинов своего нома! Пусть им выдадут деньги, одежду, а кому понадобится — оружие и доспехи. Пусть писцы составят об этом запись и не чинят препятствий. Я направляюсь к озеру Газели, к водам города Буту, обиталищу владычцы Ами, к пруду Хатор из Мефкат, ибо поднимается город на город, ном на ном и род на род из-за того, что возгорелась вражда между Пему Младшим, сыном Инара, и верховным жрецом Амона Фиванского, который похитил доспехи покойного правителя и прорицателя Инара и укрыл их на острове Джу-Ра, лежащем посреди Мендесского нома. Я иду туда ради Пему Младшего».

Еще отправь такое послание в Восточный ном в город Пер-Сопед предводителю войска Пете-Хонсу:

«Снаряди свое войско, пригони стада, приготовь к походу коней и боевые суда, собери всех людей Восточного нома, что последуют за тобой на битву из-за доспехов покойного правителя и прорицателя Инара, которые похитил верховный жрец Амона Фиванского и унес в свою крепость

Джу-Ра, Я отправлюсь с тобою к озеру Газели, к водам города Буто, обиталищу Ами, к пруду Хатор из Мефкат, ибо вспыхнула междоусобица».

Еще изготвь подобное же послание к Па-Ра-Моону, сыну Джн-нофера, правителю крепости Пер-Менеш. Отправь послание в Верхнеегипетский ном Мин-неб-Маату, сыну Инара, правителю Элефантины, чтобы он пришел к нам со своими тридцатью тремя могучими воинами и товарищами-жрецами, со своими нубийскими отрядами и пехотинцами, со своими конями и стадами.

Отправь также послание Пему с мощной дланью, сыну Инара. Напиши ему:

«Приготовь свое снаряжение и свое войско и выступай со своими могучими воинами и семью товарищами-жрецами».

И дальше — как уже было сказано в других посланиях. Отправь также письмо в Бусирие Бек-Лулу, сыну Инара. Напиши ему:

«Выступай со своим войском!»

Отправь также послание на остров Гераклеополь Анх-Гору Слабому. Напиши ему:

«Выступай со своим войском и своими могучими бойцами!»

Отправь еще подобное послание сыну Пете-Хонса, чтобы он выступал со своими товарищами-жрецами.

Отправь послание и в Атрибие Собек-Хотепу, сыну Джн-Нофера. Напиши ему:

«Выступай со своим войском и своими могучими бойцами!»

Отправь послание Уирхени, сыну Анх-Гора, правителю крепости Мер-Атум. Напиши ему:

«Выступай со своими воинами, со всеми своими отрядами, со своими конями и своими стадами!»

Отправь еще одно послание от правителя Восточного нома Пекрура к моему ному и моим городам. Напиши им:

«Снарядитесь и выступайте к озеру Газели, к водам города Буто, обиталищу владычицы Ами, к пруду Хатор из Мефкат».

Затем правитель Восточного нома Пеккур обратился к Пему Младшему. Он сказал:

— Сын мой Пему, внимли словам, обращенным к тебе в моем послании! Разошли их в свой ном и свои города! А сам без колебаний опереди верховного жреца Амона

Фиванского! Будь первым! Захвати эту местность! Твои братья и твои близкие придут к тебе, и ты их возглавишь. Но если они придут и не увидят тебя, возвратятся они в свои номы и свои города. Я же тем временем отправлюсь в Пер-Сопед и вдохну бодрость в войско, чтобы оно не ведало страха. Я поведу войско туда, где будешь ты.

Ответил ему Пему Младший:

— То, что ты говоришь, справедливо.

И вот все вельможи отправились в свои номы и свои города, а Пему Младший пустился в путь к озеру Газели. Он взошел на свое судно, нагруженное всяческими превосходнейшими вещами, и поплыл вниз по Нилу. И вскоре Пему Младший достиг озера Газели, вод города Буто, обиталища владычицы Ами, пруда Хатор из Мефнат. Здесь он раскинул свой шатер.

Об этом военачальнику и верховному жрецу Амона Фиванского было отправлено сообщение.

В нем говорилось:

«Пему Младший прибыл к озеру Газели, к водам города Буто, обиталищу владычицы Ами. Он раскинул здесь лагерь и пребывает в нем со своим юным слугой Джи-нофером. Вооружись и снаряди свое войско! Пусть оно немедленно изготовится к бою. Возьми с собой людей из Таниса, Мендеса, Тахета и Себеннита, — пусть они помогут тебе в сражении с Пему Младшим. Он опередил тебя, он выступил первым, но сюда он прибыл со слабым отрядом. Пусть же номы и города, тебе подчиненные, не теряют времени. Твои воины должны окружить Пему Младшего с юга и севера, с запада и востока и напасть на него. И пусть они не ослабляют натиска до тех пор, пока не лишат его дыхания жизни. Когда же явятся его братья, узнают они, что Пему убит, и утратят мужество. Тогда уже ничто на земле не удержит их — они поспешат вернуться в свои номы и города, и доспехи правителя Инара останутся в твоём доме».

Получив это сообщение, сказал верховный жрец Амона Фиванского:

— Клянусь овном Мендеса, великим богом, я только об этом и молил его. Пусть тотчас выступают все четыре нoma! А для меня пусть снарядят немедленно боевое судно.

В тот же час для него снарядили боевое судно. Верховный жрец Амона Фиванского взошел на него со своими могучими бойцами и всеми своими воинами. Все были готовы к бою, точно так же, как и войска четырех номов.

Вскоре верховный жрец Амона Фиванского достиг озера Газели. Он осведомился о враге своем, и весть о том, что Пему Младший опередил его, подтвердилась.

Тогда верховный жрец Амона Фиванского приказал своим людям доставить в лагерь Пему Младшего на берегу озера Газели у вод города Буто, обиталища владычицы Ами, у пруда Хатор из Мефкат такое послание:

«Выходи на бой! Мы будем биться до тех пор, пока один из нас не одолеет другого».

Когда Пему Младшему передали эти слова, охватило его уныние. Он подумал:

«Я не хотел вступать в бой, пока не подоспеют ко мне мои братья. Ведь если меня победят, поражение это потрясет сердца воинов из египетских номов, которые спешат сюда».

Но верховному жрецу Амона Фиванского Пему Младший дал такой ответ:

«Я готов к борьбе!»

Тогда заплакал слуга Пему Младшего, юный Джи-нофер, и сказал:

— Да сохранит мой бог тебя и твою десницу! Да будет мой бог к тебе милостив! Разве ты не знаешь, как трудно одному сражаться с толпой? Разве ты не знаешь, что одним в борьбе со многими обречен на гибель? Неужели я должен перечислять тебе все отряды, которые явились сюда с верховным жрецом Амона Фиванского? Вместе с его приближенными вельможами сюда собрались воины из Таниса, Мендеса, Тахета и Себеннита. А ты выходишь на бой один. Никого из нашего рода нет рядом с тобой! О, горе! Он обрушится на тебя, а с тобою не будет ни одного из твоих могучих бойцов. Но, клянусь Атумом, если наше войско подоспеет к месту сражения, ты будешь спасен. Подумай же о своем великом дыхании жизни! Не погуби его из-за ненужной поспешности!

Но ответил ему Пему Младший:

— Брат мой Джи-нофер! В моем сердце — твои слова. Я и сам думал так, как ты говоришь. Но теперь разговоры о том, что не следует выходить на бой, пока не явятся сюда мои братья, кончены. Враги мои, видно, не считают меня могучим бойцом. Но я потрясу сердца воинов из Мендеса и вдохну страх в сердца воинов из Таниса, Тахета и Себеннита. Раз уж так случилось, будь мужествен, брат мой Джи-нофер! Будь стоек! Принеси мне оружие воина в тяжелых доспехах.

И вот принесли ему все вооружение и разложили перед ним на циновке из свежего тростника. Пему Младший протянул руку и взял цветную одежду из царского полотна, прикрывающую верх тела. Она была изукрашена пестрыми изображениями; сверху на ней были нашиты драгоценные камни одного цвета, а по кайме — драгоценные камни другого цвета; грудь была заткана золотом, а на спине были вышиты десять цветков золотой и серебряной нитями. Взял Пему Младший эту одежду и облачился в нее.

Затем Пему Младший взял одежду из бирюзово-голубой ткани и царского полотна, сработанную в Пер-Немехе и сплошь затканную золотой нитью. Он взял эту одежду и облачился в нее.

Затем Пему Младший надел хитон из милетской ткани длиною в три и одну треть локтя, обшитый каймою царского полотна из Джелхела.

После этого надел он почетный свой панцирь, на груди и спине которого были выложены золотые колосья и восемь фигур — четыре мужские, четыре женские. Изображения были столь превосходной работы, что казались божествами сражения.

Затем он протянул руку и взял поножи из литого серебра, подбитые милетской тканью и украшенные тонким узором. Одну за другой он пристегнул их к своим ногам. Под конец Пему Младший взял в руки копье прекрасной работы из эбенового дерева, облачился в свою кольчугу и направился к тому месту, где пребывал верховный жрец Амона Фиванского.

Увидев его, сказал верховный жрец Амона Фиванского своему слуге:

— Во имя божественного овна Мендеса, ступай, мой юный слуга, и принеси мне мое оружие!

Тотчас ему принесли оружие, и верховный жрец Амона Фиванского направился к месту сражения, чтобы дать Пему Младшему хороший урок боевого искусства. Он сказал Пему Младшему:

— Начнем единоборство!

И они начали бой.

Оба бойца вышли на середину. Пему Младший нанес искусный удар, и Джи-нофер, его слуга, закричал:

— Слава, слава тебе! Ты поразил противника, как умелый боец, знающий свое дело. Смотрите, как доблестно бьется брат мой Пему!

Но время шло, и Пему Младший начал ослабевать. Казалось, что он уже больше не может сражаться. Люди из Гелнополя взирали на него со страхом, сердца их сжимало волнение. Они видели, что Пему Младший слабеет, и теперь надеялись только на его боевое оружие, которое было превосходной работы.

Но Пему Младший утратил мужество. Он сделал знак рукой, позвал слугу своего Джи-нофера и сказал ему: — Поспеш! Отправляйся на судно за помощью!

И Джи-нофер поспешил на судно. Долго стоял он здесь и смотрел на реку.

Но вот поднял Джи-нофер глаза и увидел просмоленное боевое судно с белой полосой на борту. На нем было множество корабельщиков, гребцов и могучих воинов. На борту судна виднелись золотые украшения, на носу — золотое священное изваяние, а на корме — золотая статуя бога. Две команды корабельщиков управляли тем судном. А за ним следовали, держась за его кормой, пятьсот лодок, сорок барок и шестьдесят судов для наведения переправы. Река была тесна для этих судов и для других, следовавших за ними, и берег был узок для всех всадников, колесниц, носилок, верблюдов, пехотинцев и прочих воинов.

Возликовал Джи-нофер и закричал громким голосом:

— Встаньте, люди на белом судне, и вы, люди на пестром судне, и вы, люди на зеленом судне! Кто из вас поможет роду Пему Младшего, роду Инара? Поспешите на место боя! Он сражается там один, и нет ни одного пехотинца или всадника, кто бы мог с ним выступить против верховного жреца Амона Фиванского. А того, словно бога, обитающего в крепости Джу-Ра, защищают люди из Мендеса и Таниса, Тахета и Себеннита, все его братья, соратники и все его воины!

Когда люди на боевых судах услышали его слова, один воин вышел на нос судна и воскликнул:

— Горькую весть донесли до нас твои уста! Неужели Пему и его род уже вступили в бой с верховным жрецом Амона Фиванского? Великое горе!

Но Джи-нофер ничего не ответил им и поспешил вернуться туда, где он оставил Пему Младшего. Тут увидел он, что Пему Младшего со всех сторон осаждают люди верховного жреца Амона Фиванского. Верховный жрец Амона Фиванского уже поверг на землю щит Пему Младшего.

Закричал тогда Джин-нофер:

— Будь стойким, борись, прорицатель Пему! Сыновья Инара, твои братья, спешат к тебе!

Услышал верховный жрец Амона Фиванского, что Джин-нофер привел к Пему Младшему помощь, и тотчас призвал людей из Танниса, Мендеса, Тахета и Себенгита.

Понял Пему Младший, что дело плохо. Он бросил копье и горестно воскликнул:

— Бог мой Атум, владыка Гелиополя! Не дай врагу одолеть меня и других друзей фараона!

И с этими словами Пему Младший бежал с поля боя.

Когда Джин-нофер, молодой слуга, отыскал Пему Младшего, тот сидел без оружия и без щита. Зарыдал Джин-нофер. Он плакал так, что его глаза заболели от слез. Он плакал и говорил:

— Они хотели убить тебя, мой прекрасный божественный бык!

Но вот Пему Младший поднял голову и увидел на реке просмоленное боевое судно с зеленой полосой на борту. На нем были гребцы, корабельщики и великое множество могучих воинов. Все они радовались попутному ветру и говорили, ликуя:

— Петля сражения не задушит нас, нет!

Воскликнул тогда Пему Младший:

— Что это за люди?

И Джин-нофер, его юный слуга, ответил ему:

— Это люди из рода Инара, которые хотят сразиться за Пему Младшего, сына Инара.

Но вот люди верховного жреца Амона Фиванского тоже увидели прибывающие суда. И тогда Пете-Хонс, военачальник войск Мендесского нома, решил вызвать на единоборство сына фараона Анх-Гора, который одним из первых ступил на берег. Он выступил ему навстречу и прокричал:

— Слушай, сын фараона Анх-Гор! Выходи со мною на бой! Воины всего Египта смотрят на нас! Пусть отряды наших городов будут рядом с нами, но сражаться мы будем один на один.

Когда сын фараона Анх-Гор услышал слова Пете-Хонса, он разъярился подобно морю во время бури и стал подобен разгневанной богине войны Сохмет. Он вышел вперед из рядов своих воинов и встал под свой боевой значок. Он кликнул слугу и, когда тот явился к месту единоборства, приказал ему:

— Немедля беги в мой лагерь и принеси мне оружие и доспехи, которые хранятся у моего юного слуги!

Ему принесли оружие и доспехи, и сын фараона Анх-Гор приготовился к единоборству.

Но тут военачальник Пете-Хонс обратил свой лик к верховному жрецу Амона Фиванского и проговорил:

— Решай: сражаться нам или заключить перемирие?

Подумав, верховный жрец Амона Фиванского запретил военачальнику Пете-Хонсу вступать в единоборство.

Тем временем юный слуга Анх-Гора отправился туда, где пребывал фараон Петубаст, и поведал ему обо всем, что произошло между сыном фараона Анх-Гором и военачальником Пете-Хонсом. Встревожился фараон, как бы петля сражения не задушила сына его Анх-Гора. И сказал фараон:

— Я не желаю, чтобы дети мои и мои подданные сражались между собою! Как смел военачальник Пете-Хонс вызывать на бой моего сына Анх-Гора? Как мог этот могучий бык из Восточного нома вступить в единоборство с моим сыном? Клянусь моим богом Амоном-Ра, владыкою всех богов, горе войску Пер-Сопеда, если оно допустит это единоборство! Позор воинам из Атрибиса! Да постигнет злая кара людей Мендесского нома, подстрекающих воинов из Себеннита, которые должны бы были выступить на защиту благородного рода правителей, на защиту детей прорицателя Инара! Пусть же немедленно увесут с поля сражения боевое знамя Инара и не поднимают его до тех пор, пока не прибудут все его защитники и не изготоятся к бою. И пусть скажут военачальнику Пете-Хонсу, чтобы не смел он вступать в бой с моим сыном Анх-Гором и не поднимал свой боевой значок до тех пор, пока не прибудут все войска и не выстроятся перед фараоном до начала сражения.

И вот войско обоих скипетров и обоих щитов, войско Верхнего Египта и Нижнего Египта, выступило во главе с фараоном. Фараон прибыл туда, где раскинул свой лагерь Пете-Хонс. Его встретил оруженосец Пете-Хонса, в доспехах из крепкого железа. Фараон вышел вперед и сказал:

— Да не погубит тебя злой глаз, сын мой, военачальник Пете-Хонс! Не затевай сражения и не вступай в бой до тех пор, пока не явились сюда твои братья! Не поднимай свое боевое знамя, пока не собрался здесь весь твой род!

И фараон Петубаст возложил на себя корону повелителя всего Египта.

Когда Пете-Хонс увидел его в короне, он вознес фараону хвалу и склонился перед его властью. В тот день он не начал сражения. И фараон Петубаст повелел высечь на камне хвалебную надпись в честь военачальника Пете-Хонса.

В это время к озеру Газели начали подходить боевые суда правителя Восточного нома Пекрура. Тогда Пете-Хонс и люди из Атрибиса отвели свои суда вниз по течению, чтобы освободить место для вновь прибывших.

Они дали место для причала судну Анх-Гора, сына Пенем-Ка.

Они дали место для причала судам из Гелиополя и Сауса.

Они дали место для причала судну Мин-неб-Маата, правителя Элефантины.

Они дали место для причала судну Па-Ра-Моона, сына Джн-нофера, прибывшего с войнами из Пер-Менеша.

Они дали место для причала судну Бершефа, сына Инара, прибывшего с войнами из Санесского нома.

Они дали место для причала судну Беклула, сына Инара, прибывшего с войнами из Бузиритского нома.

Они дали место для причала судну Уирхени, сына Анх-Гора, прибывшего с войнами из Мери-Атума.

Они дали место для причала судну Ухес-неф-Гемура, сына Инара.

Они дали место для причала судну Пему Младшего с могучей десницей. А также они дали место для причала судам остальных сыновей Инара, судам братьев военачальника Пете-Хонса и судам всех людей из рода Инара.

Из-за рыб порою не видно моря. Из-за птиц порою не видно пруда. Так теперь суда людей из рода Инара покрыли все озеро Газели. Кто его разглядит?

Воины из рода Инара ревели подобно быкам. Они были могучи, как львы, и свирепы, как львицы.

Сообщили об их прибытии фараону. Сказали ему:

— Теперь оба рода в сборе. В своих доспехах они подобны львам, вооруженные — они подобны быкам!

Тогда воздвигли на берегу высокий помост для фараона Петубаста, а напротив него — помост для правителя Восточного нома Пекрура.

Еще воздвигли помост для Те-Гора, сына Анх-Гора, а напротив него — помост для Пете-Хонса.

Еще воздвигли помост для Уирхени, военачальника Мери-Атума, а напротив него — помост для Анх-Гора, сына фараона Петубаста.

Воздвигли помост для Псинта, сына Джу-Ра-Немеха, правителя Ха-нофера, а напротив него — помост для Па-Ра-Моона, сына Джи-нофера, правителя Пер-Менеша.

Воздвигли помост для Анх-Гора, сына Гор-Бесса, правителя области Пелакти, а напротив него — помост для Пете-нонса, военачальника Мендесского нома.

Воздвигли помост для Анх-Хапи, сына Па-Ра-Моона, правителя Па-Джониса, а напротив него — помост для Собек-Хотепа, сына Тетнахта из Атрибиса.

Войска четырех номов стояли за верховного жреца Амона Фиванского. Войско Гелнопольского нома стояло за Пему Младшего.

И вот сказал фараон Петубаст:

— О правитель Восточного нома Пекрур! Я вижу, что теперь уже никто не отвратит сражения. Ном пойдет на ном и город — против города.

Тогда выступил вперед правитель Восточного нома Пекрур. Был он в доспехах из крепкого железа и литой бронзы. У пояса его висел боевой меч из хорошего железа и кинжал, выкованный из одного куска от рукоятки до острия, привычный для воинов Восточного нома. В одной руке он сжимал боевой значок, древко которого было сделано на одну треть из аравийского дерева, на одну треть — из серебра и на одну треть — из хорошего железа. А в другой руке он держал золотой щит.

Правитель Восточного нома Пекрур встал посреди войска обоих скипетров и обоих щитов. Заговорил он, и было могуче его дыхание и громок голос:

— Поднимись, верховный жрец Амона Фиванского! Против тебя развернуто боевое знамя предводителя воинов Пему Младшего, сына Инара! Он идет на тебя со своими семью могучими воинами из владений бога, прорицателя Инара.

Поднимитесь вы, воины Гелнопольского нома!

Встаньте против войска Мендесского нома с его многочисленными наемниками!

Поднимись, военачальник Пете-Хонс! Против тебя развернуто боевое знамя Анх-Гора, сына фараона Петубаста.

Поднимайтесь и вы, Па-Сит-Ур, сын Пекрура, Па-Ра-Моон, сын Анх-Гора, и Пете-Хонс, сын Бекранфа!

Поднимайся все войско Пер-Сопеда! Становись против воинов Себеннитского нома!

Поднимись, Па-Ра-Моон, сын Джи-нофера! Поднимись войско Пер-Менеша! Поднимись Собек-Хотеп, сын Джи-нофера, военачальник нома Атрибиса, и начинай бой с Анх-Гором, сыном Гор-Беса, правителя во владениях пастыря стад богини Сохмет!

Так правитель Восточного нома Пекрур расставил отряды против отрядов. Велико было их мужество, и все они рвались в бой, стремясь уничтожить врага.

Но вот правитель Восточного нома Пекрур оторвал свой взор от сражения и увидел в стороне воина. Он был прекрасен лицом и высок ростом. Облаченный в доспехи, с оружием в руках стоял он на новой, богато украшенной колеснице. Вокруг него сорок могучих воинов гарцевали на сорока молодых жеребцах. Четыре тысячи пехотинцев, облаченных в кольчуги и вооруженных боевым оружием, стояли за ним. А позади них стояло еще четыре тысячи облаченных в доспехи наемников.

Воин поднял руку и приветствовал правителя Восточного нома Пекрура. Он сказал ему:

— Будь милостив ко мне! Мой бог — великий бог Ваал. Почему же ты не дал мне боевого знамени? Почему не позволял мне выступить вместе с моими братьями, сыновьями правителя Инара, моего отца?

Внимательно посмотрел правитель Восточного нома Пекрур на воина, но не узнал его. Спросил правитель Восточного нома Пекрур:

— Если ты из нашего рода, то кто же ты?

И воин ответил:

— О отец мой, правитель Восточного нома Пекрур! Я — Монт-Ваал, сын Инара. Я вел войну с Сирией. Клянусь тебе в этом твоим могуществом! Верь мне, отец мой, правитель Восточного нома Пекрур! С некоторых пор я утратил покой; сон бежал от моей опочивальни. Но однажды я уснул, и мне пригрезился вещий сон. Я услышал божественное пение и голос, который мне говорил такие слова: «О мой сын, Монт-Ваал, сын Инара! Поспеши! Беги, если можешь бежать! Отправляйся немедленно в Египет! Я пойду с тобою к озеру Газели, к пруду Хатор из Мефкат. Разгорелась междоусобица, началось сражение из-за моих доспехов, похищенных и унесенных в крепость Джу-Ра. Люди Мендесского нома вместе с родом Гор-нахта, сына Смендеса, выступили против твоих братьев и твоего рода».

О отец мой, правитель Восточного нома Пекрур, дай

мне место на поле боя! Что будет со мной, если не помогу я сейчас моему роду?!

И сказал ему правитель Восточного нома Пеккур:

— Слава, слава тебе, Монт-Ваал, сын Инара! Хорошо, что ты прибыл сюда. Но я уже выстроил отряды обоих шитов и обоих скипетров вокруг фараона Петубаста, и там нет места для тебя и твоих воинов. И другие отряды я уже расставил по всему полю сражения. Поэтому тебе я приказываю: взойди со своими людьми на суда и будь наготове. Жди, когда настанет час, чтобы сразу вступить в сражение. Тогда я подам тебе знак. А пока оставайтесь на судах. Если же враг приблизится к нашим судам, выходи ему навстречу. Но смотри, не дай врагу овладеть рекой!

Ответил ему Монт-Ваал:

— Это мудрый замысел, о отец мой, правитель Восточного нома Пеккур. Я спокойно останусь на судне. Пусть пока сражаются люди из Себеннита с людьми из Пер-Сопеда, люди из Мендеса с людьми из Гелиополя, люди из Саса с людьми из области Пелахте.

И Монт-Ваал исполнил приказ правителя Восточного нома Пеккура. При этом он оставил одного своего воина наблюдать за сражением, чтобы враг не мог подойти незаметно к реке. Однако воины Монт-Ваала волновались. Они заранее облачались в доспехи и приготовили свое боевое оружие.

Тем временем правитель Восточного нома Пеккур, стоя на возвышенном месте, наблюдал за сражением. Он видел, как смешивались враждебные отряды. Воины из области Пелахте теснили воинов Пер-Менеша. Но зато Па-Ра-Моон, сын Джи-нофера, предводитель отрядов Пер-Менеша, заставил отступить Анх-Гора, сына Гор-Беса, предводителя отрядов Пелахте.

Оба рода сражались без передышки с четвертого утреннего часа до девятого вечернего часа. Могучие воины вступали в единоборство.

Но вот Анх-Гор, сын Гор-Беса, бросился на помощь другому воину из Себеннитского нома. И оба они устремились к реке.

В это время Монт-Ваал пребывал на своем боевом судне. Он услышал лязг оружия и ржание коней и спросил, что это. Сказали ему:

— Это воины Себеннитского нома, которых братья твои обратили в бегство.

Тогда воскликнул Монт-Ваал:

— О бог мой Ваал, великий бог, помоги мне! Наступил уже девятый вечерний час, а я еще не сражался. Сердце мое горит!

И вот Монт-Ваал облачился в доспехи и взял боевое оружие. Он устремился на войско верховного жреца Амона Фиванского, на людей из Тахета и Себеннита, на воинов из Мендеса и Джу-Ра. Он обрушился на них подобно божине войны Сохмет в час ее гнева, сея в рядах врагов ужас и смерть. Войско верховного жреца Амона Фиванского рассеялось перед Монт-Ваалом и его людьми. Но они преследовали беглецов, настигая их и поражая без устали.

Когда донесли об этом фараону Петубасту, он отверз уста свои и испустил горестный крик. Он спустился со своего высокого помоста и обратился к правителю Восточного нома Пекруру. И сказал ему фараон:

— Правитель Восточного нома Пекрур! Отправляйся к войскам! Мне донесли, что Монт-Ваал, сын Инара, сокрушает и убивает воинов четырех номов. Поспешн к этому могучему воину! Скажи ему, пусть перестанет избивать мое войско!

На это ответил ему правитель Восточного нома Пекрур:

— Да отправится фараон со мной вместе, и тогда я заставлю Монт-Ваала прекратить побоище среди войска египетского.

И вот правитель Восточного нома Пекрур взял свое боевое оружие и вместе с фараоном Петубастом взмошел на колесницу. Они отправились на поле сражения и отыскиали там Монт-Ваала. И тогда сказал ему правитель Восточного нома Пекрур:

— Сын мой, Монт-Ваал! Удержи свою десницу! Смотри, какое побоище учинил ты со своими братьями! Смотри, сколько египетских воинов ты погубил! Разве это хорошо?

Но ответил ему Монт-Ваал:

— А разве хорошо, что эти люди похитили доспехи отца моего Инара и унесли их в крепость Джу-Ра? Разве не должен я сделать все, чтобы вернуть их моему роду?

Тогда сказал ему фараон Петубаст:

— О сын мой Монт-Ваал! Если ты удержишь десницу свою от ударов и прекратишь побоище, я прикажу вернуть доспехи отца твоего Инара в Гелиополь, на то место, где они были прежде. Их доставят туда с радостью и ликованием.

Тогда приказал Монт-Ваал затрубить в трубы, и войско его удалилось с поля сражения. Они отошли подобно войнам, пресыщенным боем.

После этого фараон Петубаст, Монт-Ваал и правитель Восточного нома Пекрур направились к тому месту, где в рядах бойцов сражался Пему Младший. Когда они подошли, Пему вступил в единоборство с верховным жрецом Амона Фиванского. Он обратил его в бегство и могучим ударом выбил у него из рук большой плетеный щит. Он поверг его на землю и поставил на него ногу. Затем Пему Младший занес меч над верховным жрецом Амона Фиванского, чтобы покончить с ним. Но тут сказал ему Монт-Ваал:

— Не делай этого, брат мой Пему! Удержи свою руку, чтобы мы могли воздать ему по заслугам. Ибо человек — не тростник, который вырастает вновь каждый раз, сколько его ни срезают. Отец наш Пекрур и фараон Петубаст повелели окончить бой. Исполним же волю фараона, ибо он обещал вернуть нам доспехи нашего отца. А верховного жреца из Мендеса ты отпусти. Пусть он удалится!

И Пему Младший отошел от своего врага.

Тем временем военачальник Пете-Хонс бился с Анх-Гором, сыном фараона. Вначале он не показывал всего своего искусства. Но потом он устремился вперед и одним прыжком вскочил ему на плечи. Пете-Хонс обрушился на сына фараона Анх-Гора как опытный и умелый боец. Удары его были тверже камня и яростнее огня. Движенья его были легче воздуха и быстрее ветра. И сын фараона Анх-Гор не смог перед ним устоять. Пете-Хонс обратил его в бегство. Могучим ударом он выбил из рук его большой плетеный щит. Он поверг его на землю и поставил на него ногу. А затем Пете-Хонс обнажил и занес над ним меч, изогнутый наподобие серпа.

Когда увидело войско Египта, что сыну фараона Анх-Гору грозит смерть, горестно возопили все. Громкие жалобы поднимались отовсюду. Достигли они и фараона Петубаста. Сказали ему:

— Пете-Хонс поверг на землю твоего сына, поставил на него ногу и занес над ним меч, изогнутый наподобие серпа, чтобы прикончить его.

Великое горе охватило фараона. Воскликнул он:

— О мой бог, Амон-Ра, владыка города Ху, великий бог! Ты знаешь, я всеми силами пытался предотвратить

распря и это побоище, но люди не вняли моему голосу! Помоги же мне!

Так воскликнул фараон Петубаст и устремился туда, где был его сын Анх-Гор и военачальник Пете-Хонс. Он остановился перед Пете-Хонсом и сказал:

— О Пете-Хонс, отведи свою руку и сохрани дыхание жизни моему сыну Анх-Гору. Ведь если ты погубишь его, разве сможешь ты дать мне другого сына? Ты и так уже отомстил, ты и так уже победил в этом единоборстве. Силу рук твоих видел весь Египет!

А правитель Восточного нома Пекрур прибавил:

— Отведи десницу свою от Анх-Гора! Пошади его ради фараона, его отца, ибо он для отца — великое дыхание жизни!

И Пете-Хонс отпустил Анх-Гора.

Когда фараон Петубаст увидел, что его сын Анх-Гор спасен, проговорил он:

— Клянусь моим богом, великим богом Амоном-Ра, владыкою города Ху! Пему Младший поверг верховного жреца Амона Фиванского. Тогда были побеждены люди Мендесского нома. Но потом Пете-Хонс одолел моего сына Анх-Гора. Значит, войско четырех египетских номов сильнее. Однако Монт-Ваал учинил вам жестокое побоище, и вы не смогли овладеть боевыми судами. Так силы обоих родов сравнивались.

Но в это время по реке приплыл со всем своим войском Мин-неб-Маат. С ним были сорок могучих воинов, девять тысяч нубийцев из Мероэ, воины из Сиены, стремительные и грозные, как суданские псы, а также воины Фиванского нома, которые присоединились к ним. Река была тесна для их кораблей, а берег был узок для всадников и колесниц. Когда Мин-неб-Маат, могучий бык, сын Инара, правитель Элефантины, достиг озера Газели, он причалил в отведенном ему месте рядом с судами Те-Гора, предводителя наемников Мендесского нома. Среди этих судов было боевое судно самого Те-Гора, на котором хранились доспехи правителя Инара.

Узнав об этом, сказал Мин-неб-Маат:

— Клянусь моим богом Хнумом, владыкой Элефантины, великим богом, он исполнил то, о чем я его молил! Он дал мне узреть доспехи покойного отца моего Инара, чтобы я мог вернуть их своему роду.

С этими словами Мин-неб-Маат и все войско его обла-

чались в доспехи и взяли свое боевое оружие. А затем Мин-неб-Маат устремился на боевое судно Те-Гора, сына Анх-Гора, где хранились доспехи покойного правителя Инара. Девять тысяч могучих воинов охраняли то судно. Но Мин-неб-Маат обрушился на них и заставил их расступиться. Кто пришел сюда для боя, тот нашел здесь место последнего успокоения. Кто поднял руки для защиты, испытал на себе мощь ударов Мин-неб-Маата. Кто стремился к победе, должен был уступить ее Мин-неб-Маату. Он сеял гибель и смерть среди людей Мендесского нома. А его могучие воины вместе с ним ворвались на судно Те-Гора, сына Анх-Гора, и захватили его. Ни один человек не мог больше взойти на то боевое судно.

Весть об этом побоище дошла до фараона. Сказали ему:

— Мин-неб-Маат, сын Инара, причалил близ судна сына Анх-Гора Те-Гора, предводителя наемников Мендесского нома. Он ворвался на его боевое судно и учинил на нем резню и побоище. Он ворвался в ряды людей Мендесского нома, облаченных в кольчуги и вооруженных для боя. Он обрушил на них всю мощь своих ударов и сразу убил четверых. Тогда люди Мендесского нома спрыгнули с судов и обратились в бегство. А Мин-неб-Маат немедленно спустился внутрь судна Те-Гора и вынес оттуда доспехи правителя Инара. Со своими воинами из Элефантины и своими суданскими псами он учинил среди людей Мендесского нома жестокую резню и побоище!

Это известие опечалило фараона. Он сказал:

— О мой бог, Амон-Ра, владыка города Ху, мой великий бог! Будь милосерден! Ты знаешь, что я пытался предотвратить эту междоусобицу. Но теперь они силой вернули себе похищенные доспехи правителя Инара, и я даже не знаю, где их искать.

Тогда правитель Восточного нома Пекрур отправился в стан сыновей Инара. Он побывал там и донес фараону:

— О наш отец, фараон Петубаст! Доспехи правителя Инара у сыновей Инара. Борьба из-за них окончена. Пусть же теперь никто не мешает вернуть доспехи отца нашего Инара туда, где они хранились рядом с доспехами Гор-нахта, сына Смендеса!

Так завершилось сражение. После этого доспехи правителя Инара были доставлены в Гелиополь. Радовались дети Инара, радовались их войска и войска их номов и городов.

Дети Инара предстали перед фараоном Петубастом и сказали ему:

— О великий наш господин! Воспользуйся случаем и прикажи, не откладывая, записать все события этой борьбы, охватившей весь Египет. Прикажи описать единоборства мужей и сражения египетских воинов!

И фараон Петубаст повелел описать все подробности этой борьбы и все деяния, совершенные им в это время в Египте, чтобы все его подданные, обитающие в разных номах и городах, были осведомлены об этих событиях. А затем фараон повелел высечь эту надпись на каменной плите в назидание тем, кто придет позднее.

Коршун и кошка

Жил некогда коршун, рожденный на вершине горного дерева. И жила кошка, рожденная у подножья этой горы.

Коршун не решался улетать из гнезда за кормом для своих птенцов, потому что боялся, что кошка их съест. Но и кошка тоже не отваживалась уходить за пищей для своих котят, потому что боялась, что коршун их унесет.

И вот однажды сказал коршун кошке:

— Давай жить как добрые соседи! Поклянемся перед великим богом Ра и скажем: «Если кто-нибудь из нас отправится за кормом для своих детей, другой не будет на них нападать!»

И они обещали перед богом Ра, что не отступятся от этой клятвы.

Но однажды коршун отнял у котенка кусок мяса и отдал его своему коршуненку. Увидела это кошка и ре-

шла отнять мясо у коршуненка. И когда он повернулся к ней, кошка схватила его и вонзила в него свои когти. Увидел коршуненок, что ему не вырваться, и сказал:

— Клянусь Ра, это не твой корм! За что же ты вонзила в меня свои когти?

Но кошка ему ответила:

— Откуда же у тебя это мясо? Ведь принесла его я и принесла не тебе!

Сказал ей тогда коршуненок:

— Я не летал к твоим котяткам! И если ты станешь мстить мне или братьям моим и сестрам, то Ра увидит, что ложной была та клятва, которую ты принесла.

Тут хотел он валететь, но крылья не смогли унести его обратно на дерево. Словно умирающий, упал он на землю и сказал кошке:

— Если ты убьешь меня, то погибнет твой сын и сын твоего сына.

И кошка его не тронула.

Но вот коршун нашел своего птенца на земле, и злоба охватила его. Сказал коршун:

— Я отомщу! Это случится, когда Возмездие вернется сюда из отдаленных земель страны Сирии. Тогда пойдет кошка за пищей для своих котят, а я нападу на них. И станут дети ее кормом для меня и моих детей!

Однако коршун долго не мог улучшить время, чтобы напасть на дом кошки и уничтожить весь род ее. Он следил за каждым шагом кошки и думал о своей мести.

И вот однажды отправилась кошка за пищей для своих котят. Коршун напал на них и унес. И когда кошка вернулась, она не нашла ни одного котенка.

Тогда кошка обратилась к небу и воззвала к великому Ра:

— Узнай мое горе и рассуди нас с коршуном! Мы дали с ним священную клятву, но он нарушил ее. Он убил всех моих детей!

И Ра услышал голос ее. Он послал Небесную силу, чтобы покарать коршуна, который убил детей кошки. Отправилась Небесная сила и отыскала Возмездие. Сидело Возмездие под тем деревом, где было гнездо коршуна. И Небесная сила передала Возмездию повеление Ра покарать коршуна за то, что он совершил с детьми кошки.

Тогда Возмездие сделало так, что коршун увидел одного сирийца, который жарил на углях горную дичь.

Схватил коршун кусок мяса и унес это мясо в свое гнездо. Но он не заметил, что к мясу пристали горящие угольки.

И вот гнездо коршуна запылало. Изжарились все его дети и упали на землю к подножью дерева.

Пришла кошка к дереву, где было гнездо коршуна, но птенцов не тронула. И сказала она коршуну:

— Клянусь именем Ра, ты долго охотился за моими детьми, и вот ты попал на них и убил! А я даже теперь не трогаю твоих птенцов, хоть они и поджарились в самый раз!

Лев и мышь

Жил некогда на горе могучий лев. Он охотился каждый день, и звери гор страшились силы его.

Однажды повстречал лев пантеру. Вся шкура ее была изодрана, и мех ее висел клочьями. От множества ран была она ни жива ни мертва. Спросил ее лев:

— Что случилось с тобой? Кто порвал твою шкуру, кто ободрал твой мех?

И пантера ему ответила:

— Это сделал человек.

Спросил тогда лев:

— А кто такой человек?

Ответила ему пантера:

— Нет никого хитрей человека! Никогда не попадайся ему в руки!

Затаил лев злобу на человека и отправился его искать.

Повстречал он в пути осла и лошадь. Морды их опутывала узда, а в зубах были удила. Спросил их лев:

— Кто вас так связал?

И они ответили:

— Это наш господин, человек!

Удивился лев:

— Неужели человек сильнее вас?

Тогда сказали они:

— Он наш хозяин. Нет никого умнее человека. Никогда не попадайся ему в руки!

Еще больше обзавидился лев на человека и ушел от осла и лошади.

Повстречался он с быком и коровой. Рога их были обпилены, ноздри их были проколоты, а на шее у них лежало ярмо. Спросил их лев, кто это сделал, и они сказали ему, что сделал это их господин, человек.

Пошел лев дальше и встретил медведя. Когти у него были обрезаны, а зубы вырваны. Спросил его лев:

— Неужели человек сильнее даже тебя?

И медведь ответил:

— Да, сильнее. Был у меня в услужении один человек. Он приносил мне пищу. Но однажды сказал он мне: «Воистину твои когти слишком длинные; они мешают тебе брать пищу. А зубы твои слишком слабы и не дают тебе вкушать то, что ты хочешь. Позволь мне их вырвать, и я принесу тебе вдвое больше пищи, чем обычно!» И я позволил ему их вырвать. И вот он взял мои зубы и когти, швырнул мне в глаза песок и убежал. А мне уже нечем было его удержать.

Еще больше разгневался лев. Он ушел от медведя и стал искать человека.

Но вскоре увидел он другого льва, защемленного горным деревом. Расколотый сверху ствол дерева зажал лапу льва, и лев горевал, потому что не мог убежать.

Спросил его лев, который пришел:

— Как же попал ты в такую беду? Кто это сделал с тобой?

И ответил ему другой лев:

— Сделал это человек. Остерегайся его и не верь ему. Человек хитер! Никогда не попадайся ему в руки! Я вот встретил человека и спросил его: «Каким ремеслом ты занимаешься?» А он мне сказал: «Мое ремесло — предупреждать старость. Я могу тебе сделать такой талисман,

что ты никогда не умрешь. Так и быть, я спилю ствол дерева и дам тебе прикоснуться к этому талисману. После этого ты не умрешь никогда!» И вот я пошел за ним к этому горному дереву. Он спалил его, расщепил ствол клином и сказал мне: «Клади сюда свою лапу!» И я сунул лапу в щель. Тогда он выбил клин, и дерево зажало мою лапу. А человек, когда увидел, что я не могу за ним следовать, швырнул мне в глаза песок и убежал.

Рассмеялся лев, который пришел, и сказал:

— О человек, если ты когда-нибудь попадешься мне в лапы, я отплачу тебе сразу за все обиды, которые ты причинил зверям гор!

И лев отправился дальше на поиски человека. Но тут случилось так, что попалась под лапу льва мышка, с виду хилая и совсем маленькая. Лев хотел уже ее раздавить, но мышь взмолилась:

— Не дави меня, господин мой! Если ты меня съешь, мною ты все равно не насытишься. Если же ты меня отпустишь, голод твой не станет сильнее. Но зато, если ты мне подаришь жизнь, я тоже когда-нибудь подарю тебе жизнь. Не причиняй мне зла, не убивай меня, и когда-нибудь я спасу тебя от беды.

Лев посмеялся над мышью и сказал:

— Что же ты можешь сделать? Ведь никто на земле не сможет со мною справиться и причинить мне зло!

Но мышь поклонилась ему:

— Клянусь, что избавляю тебя от гибели, когда придет для тебя черный день!

Лев принял все это за шутку, однако подумал: «Если я съем эту мышь, сытым я и вправду не стану!» И он отпустил ее.

И случилось так, что один охотник, который ловил зверей в западню, выкопал яму как раз на пути льва. Лев провалился в яму и попал в руки охотника. Опутал его охотник сетью и крепко связал сухими ремнями, а сверху перевязал ремнями сыромятными.

И вот связанный лев лежал в горах и горевал. Но судьба пожелала, чтобы клятва мыши стала правдой. Захотела судьба посмеяться над надменными словами льва и в седьмом часу ночи привела к нему маленькую мышку. Сказала тут мышка льву:

— Разве ты не узнаешь меня? Я та самая маленькая мышка, которой ты подарил жизнь. Я пришла, чтобы

сегодня отплатить тебе тем же. Попался ты человеку в руки, но я избавлю тебя от гибели. Нужно быть благодарным тем, кто оказал тебе благодеяние.

И вот мышь принялась грызть путы льва. Она перегрызла все сухие ремни и все ремни сыромятные, которыми он был связан, и освободила его от пут. Потом мышка спряталась в гриве льва, и он в тот же час отправился с нею в горы.

Подумай о маленькой мышке, самой слабой из всех жителей гор, и о льве, самом сильном из всех зверей, живущих в горах! Подумай об этом чуде, которое свершилось по велению судьбы!

Коршун Зоркий Глаз и коршун Чуткое Ухо

На горных вершинах жил некогда коршун, и имя его было Зоркий Глаз.

Как-то раз повстречался он с другим коршуном, имя которого было Чуткое Ухо. И сказал ему коршун Зоркий Глаз:

— Мой глаз острее и зрение совершенней, чем у тебя. На долю мне дан такой дар, какого нет ни у одной другой птицы.

Тогда спросил его коршун Чуткое Ухо:

— Что же это за дар?

И ответил ему коршун Зоркий Глаз:

— Я вижу все до пределов тьмы, я вижу сквозь море до первоизданных вод.

Спросил его коршун Чуткое Ухо:

— Откуда же у тебя этот дар?

И ответил ему коршун Зоркий Глаз:

— Этот дар мне дан потому, что я жил в сокровищнице и кормил меня жрец, хранитель сокровищ. Он готовил мне корм и говорил: «Чудесную пищу готовлю я!» Всю жизнь я питался только этим кормом, а кроме него пил только солнечный свет.

Сказал тогда коршун Чуткое Ухо:

— Твой глаз острее и зрение совершенней, чем у меня. Но и мне на долю дан такой дар, какого нет ни у одной другой птицы. Я постиг тайны неба и слышу даже то, что делается в небесах. Я слышу то, что предопределяет земле бог солнца Ра, царь всех богов.

Спросил его коршун Зоркий Глаз:

— Откуда же у тебя этот дар?

На это ответил ему коршун Чуткое Ухо:

— Этот дар мне дан потому, что я никогда не спал в полдень, не пил ничего, кроме солнечного света, и когда ночью я отправлялся на покой, горло мое оставалось сухим.

И коршун Зоркий Глаз сохранил эти слова в своем сердце.

Но вот коршун Чуткое Ухо засмеялся.

— Почему ты смеешься? — спросил его коршун Зоркий Глаз.

Ответил ему коршун Чуткое Ухо:

— Да вот рассказал мне сейчас кое-что другой коршун Чуткое Ухо Ра, который парит в небесах высоко над землей, да будет она благословенна! Сейчас он сообщил мне это, а в другой раз я ему что-нибудь расскажу. А он рассказал мне вот что: овода, назойливейшую из всех тварей, проглотила ящерица. Ящерицу проглотил варан¹. Варана пожрала змея. А змею схватил сокол и швырнул ее в море.

Потом сказал коршун Чуткое Ухо коршуну Зоркому Глазу:

— Ты видишь сквозь море, и ты различаешь все, что делается в воде. Скажи, что стало потом со змеей?

И ответил ему коршун Зоркий Глаз:

— Воистину, все, что ты рассказал, — правда. Так оно и было на самом деле. Смотри, вон змея, которую швырнул в море сокол! Вот ее схватила щука, и змея сейчас в ее пасти. Смотри, коршун, щука пожрала змею. Смотри, а

¹ В а р а н — крупная хищная ящерица, достигающая в Северной Африке 170 см длины.

щуку проглотил сом! Вот плывет он к берегу. Смотри, лев пришел к морю и вытащил сома на берег. А вот их обоих увидел грифон¹. Он вонзил в них когти и понес их ввысь, к сиянию небесного солнечного диска. Но вот он бросил их на вершину горы и разорвал на части. Если ты не веришь мне, полетим со мною в горы среди пустыни. Там ты увидишь их всех. Лев и сом, разорванные и разбитые, лежат перед грифоном, а он их пожирает.

И вот оба коршуна полетели к той горе. И они увидели, что коршун Зоркий Глаз говорил правду. Тогда сказал коршун Зоркий Глаз коршуну Чуткое Ухо:

— Все, что происходит на земле, предопределяется свыше. Бог на небе творит только добро, но на земле оно обращается в зло.

Потом спросил коршун Зоркий Глаз:

— Но что будет с грифоном, который одолел даже льва? Что станет с ним?

И ответил ему коршун Чуткое Ухо:

— Разве ты не знаешь, что грифон могущественнее всех зверей? Он повелитель всего, что есть на земле. Он владыка, над которым никто не властвует. У него клюв сокола, глаза человека, тело льва, уши как плавники у рыбы морской, а хвост у него змеиный. Пять существ слились в его теле — вот какой он на вид! Он подобно смерти властвует над всем на земле. Он повелевает всем сущим и карает всех!

Так ответил коршун Чуткое Ухо коршуну Зоркий Глаз.

Вонетину, кто убивает, тоже будет убит! Кто приказывает убить, тоже будет убит по приказу. Пусть дойдут эти слова до твоего сердца. Знай, ничто не скрыть от Ра, бога солнца, царя всех богов. Он воздаст по заслугам всему сущему на земле, от овода, ничтожнейшей из всех земных тварей, до грифона, величайшего из всех существ. Ибо все хорошее и дурное совершается на земле по воле бога Ра.

¹ Г р и ф о н — мифическое существо, которое египтяне представляли в виде льва, с головой сокола. Он описан ниже в этой же басне.

Песнь арфиста

В доме Атефа, в гробнице владыки
Эту песню поет арфист:

Благословен ты, добрый владыка,
Свершилась судьба прекрасная!

Так поколение за поколением
Уходит, сменяя друг друга.

Владыки покоятся в пирамидах,
Знать и жрецы — в гробницах.

Но там лишь их мумии. Где ж они сами?
Что с ними стало со всеми?

Я знаю речения Имхотепа
И мудрого Хорджедефа;

Слова их все повторяют и ныне,
Но где отыскать их гробницы?

Рухнули стены, исчезли бесследно,
Как будто их не бывало.

И уж никто не придет оттуда
И не расскажет, что с ними.

Наши сердца никто не утешат,
Пока мы не встретим усопших сами
Там, где они пребывают.

Пусть же сердце твое веселится,
Пусть позабудет о смерти!

Не думай о дне своего погребенья,
Следуй велениям сердца!

Ты еще жив! Уматись же миррой!
Оденься в тонкие ткани!

Надушись ароматами благовонными,
Излюбленными богами!

Наслаждайся жизнью! Забудь печали!
Все желанья свои исполни!

Делай все, что сердце твое прикажет,
Пока не покинул землю.

Придет и к тебе день скорби и плача,
Но плача ты не услышишь,

И не воскреснешь ты от рыданий,
И сердце твое не забьется.

Так веселись же! Забудь печали!
Сокровища не унесешь в могилу.

Так веселись же! Покинув землю,
Ты на нее уже не вернешься.

Беседа разочарованного со своей душой

Под бременем тяжких обид и несчастий неисчислимых я отчаялся в жизни и решил умереть. Но прежде хотел я дожидаться рождения сына, чтобы было кому оплакать меня и совершить погребение. Прежде хотел я построить себе гробницу, чтобы было где успокоиться моему телу.

И вот спросил я душу свою, согласна ли она со мной.

Душа отвергла уста свои и сказала:

— Что ждет тебя после смерти? Ты не знаешь. На что ты надеешься? Ты не знаешь. Для чего ты заботишься о своей гробнице и погребении? Ты не знаешь. Так оставь же свои заботы! Если ты решил умереть — умри сразу! Не страшись! Не жди! Иначе я сама от тебя уйду.

Тогда я отверга уста свои и ответил моей душе на ее слова:

— Небывалое дело совершилось сегодня: моя душа не согласна со мной! Поистине, это превосходит всякое понимание! Подобно это ужасному святотатству!

Не покидай меня, душа моя, будь со мною, будь согласна с телом моим, оставайся к нему привязанной всеми нитями! Не покидай меня в день отчаяния!

Смотрите, моя душа терзает меня потому, что я не согласен с ней. Она хочет приблизить меня к смерти, до которой еще далеко, она хочет бросить меня в огонь, чтобы я сгорел.

Будь со мною, душа моя, в этот день печали! Оставайся со мною! Будь моим Защитником и моим Утешителем.

Безумна моя душа, ибо она лишает надежды человека, и без того измученного жизнью. Она сама толкает меня к смерти, до которой я еще не дошел. Верни же мне веру в счастье загробной жизни! Неужели она так страшна?! Ведь земная жизнь — преходящий миг! Отрекись же от пагубного заблуждения и верни надежду несчастному!

Пусть меня судит бог Тот, умиротворяющий всех богов! Да защитит меня Хонс¹, справедливый писец! Да услышит мою мольбу Ра, кормчий солнечной барки! Да сохранит меня Исдес² в загробном жилище!

Тягчайшее горе принесла мне моя душа.

На это ответила мне моя душа:

— Разве ты не смертный человек? Что хорошего ты находишь в жизни? Для чего ты хочешь дожить свой век, для чего ты заботишься о своем погребении подобно владыкам сокровищ?

¹ Х о н с — бог луны, почитавшийся в Фивах; считался сыном бога Амона.

² И с д е с — зпикет бога письма и мудрости Тота, присутствовавшего на загробном суде в качестве писца судьица богов.

Я сказала:

— Не желаю я уходить из жизни, пока не сделаю все, что нужно для погребения. Ведь иначе придет грабитель безжалостный, придет какой-нибудь вор и, не думая о тебе, душе моей, скажет: «Я ограблю его, ибо он уже мертв и еще живет только имя его!» Но гробница — это место успокоения, улада сердца, город, к которому мы все плывем. И если ты, душа моя, согласишься со мною и не покинешь меня, ты будешь тоже счастлива! Я помогу тебе достичь подземного царства, как если бы ты была одним из тех, кто лежит в гробнице и над кем плачут живые. Я сделаю тебя бессмертной, и ты будешь смотреть с презрением на другие слабые души. Я сделаю тебя бессмертной, и ты не почувствуешь холода гробницы, ты будешь смотреть с презрением на другие души, сжигаемые в огне. Я прильну к источнику бессмертия и воскрешу твою тень, и ты будешь смотреть с презрением на другие души, терзаемые голодом.

Но если ты заставишь меня умереть, не дав мне ни о чем позаботиться, ты не найдешь себе места в подземном царстве! Наберись же терпения, сестра моя, моя душа! Подожди, пока родится мой наследник, который принесет мне жертвы, придет к гробнице моей в день похорон и приготовит мне погребальное ложе в городе мертвых.

Тогда душа моя отвергла свои уста и ответила так на мои слова:

— Ты заботаешься о своей гробнице? Но ведь это безумство! Этим ты лишь заставишь людей проливать слезы! Ты заставишь одних покинуть свои дома, других — прийти из далекой пустыни. Для чего? Ведь ты сам все равно никогда не поднимешься на вершину своей гробницы и не увидишь солнца! Многие воздвигали гробницы гранитные с высеченными внутри залами превосходной работы. Но когда эти люди предстали перед богами, их жертвенные столы опустели точно так же, как если бы они умерли без наследников где-то на берегу реки и лежат там, беседуя с рыбами, а волны и солнечный зной обглаживают их плоть, как свою добычу.

Слушай меня! Полезно слушать слова других! Оставь все свои заботы и наслаждайся счастьем каждого дня!

И еще сказала моя душа:

Слушай! Жил один крестьянин — бедняк. Он трудился на своем клочке земли. Однажды погрузил он весь свой урожай в лодку и поплыл. Цель была близка, но к вечеру начал подниматься ветер. До захода солнца крестьянин греб в своей лодке, а потом выпрыгнул на берег вместе с женой. Однако дочь его осталась в лодке. Посреди реки, в которой ночью кишели крокодилы, ей грозила смерть.

И вот сел крестьянин на берег и заговорил. И сказал он так: «Я не плачу из-за этой девочки, хотя она и не вернется никогда из подземного царства. Я не заплачу ни о ком на земле. Но я плачу о детях ее, нерожденных, убитых в зародыше и ставших добычей крокодила. Ведь они не успели увидеть жизнь!»

Пойми: только эта жизнь имеет цену!

И еще сказала душа:

Жил на свете один бедняк. Однажды после полудня он попросил у жены поесть. Но она ответила: «Ты поешь вечером». Тогда он выбежал из дому, охваченный гневом. Но скоро он остыл и, как обычно, вернулся домой.

Жена-то его хорошо знала! Сначала он ничего не слушает, охваченный гневом, а потом его разум мирится с истиной.

Пойми: даже разум глупца мирится с истиной.

Тогда отверз я уста свои и так ответил на все, что мне говорила моя душа:

Смотри, проклято имя мое!
Смердит оно, словно птичий помет
В летний день под палящим солнцем.

Смотри, проклято имя мое!
Смердит оно, словно рыбы кишки
В день улова под знойным солнцем.

Смотри, проклято имя мое!
Смердит оно, как гнездовые ворон,
Как гнездовые гусей на болотах.

Смотри, проклято имя мое!
Смердит оно, словно тина болот,
Как рыбак, перепачканный в иле.

Смотри, проклято имя мое!
Смердит оно хуже, чем крокодил,
Хуже лежбищ его в дни разлива!

Смотри, проклято имя мое!
Оно опозорено, как жена,
Оклеветанная перед мужем.

Смотри, проклято имя мое!
Оно опозорено, как юнец,
Врагом похотливым ославленный.

Смотри, проклято имя мое!
Оно опозорено хуже, чем город,
Постыдной смутой охваченный.

И еще сказал я:

С кем говорить мне теперь?
Братья жестоки, друзья мои стали врагами.

С кем говорить мне теперь?
Люди озлоблены, всюду крадут друг у друга.

С кем говорить мне теперь?
Добрый унижен, жестокий у всех в почете.

С кем говорить мне теперь?
Мирные люди в беде, добро презирают всюду.

С кем говорить мне теперь?
Злодей убивает, смеются все над убитым.

С кем говорить мне теперь?
Грабят повсюду, сосед крадет у соседа.

С кем говорить мне теперь?
Славят бесчестных, врагами становятся братья.

С кем говорить мне теперь?
Что было — исчезло, кто жил — того больше нету.

С кем говорить мне теперь?
Лишь чужеземцы сегодня еще справедливы.

С кем говорить мне теперь?
Все лица скрывают, боятся взглянуть друг на друга.

С кем говорить мне теперь?
Жадность во всех сердцах, не на кого положиться.

С кем говорить мне теперь?
Нет справедливых, страну захватили злодеи.

С кем говорить мне теперь?
Нет больше честных, некому тайну доверить.

С кем говорить мне теперь?
Спутников нету былых, в сердце у всех тревога.

С кем говорить мне теперь?
Горько скорблю я, но с кем поделиться болью?

С кем говорить мне теперь?
Ныне везде и всюду — зло и несправедливость!

И еще сказал я:

Смерть для меня сегодня —
Исцеление от болезни,
Спасение от несчастья.

Смерть для меня сегодня —
Благовоющие ароматы,
Отдых в тени прибрежной.

Смерть для меня сегодня —
Лотоса благоуханье,
Сладкий сон опьянения.

Смерть для меня сегодня —
Поток благодатный,
Возвращенье домой из похода.

Смерть для меня сегодня —
Просветленное небо,
Познание сладостной тайны.

Смерть для меня сегодня —
Возвращенье домой с чужбины
После долгого тяжкого плена.

И еще сказала я:

Вонистину, тот, кто почил,
Подобен живому богу,
Карающему злодеев.

Вонистину, тот, кто почил,
Подобен плывущему в барке
Среди приношений храмов.

Вонистину, тот, кто почил,
Подобен воссильному мужу,
Чьи молитвы возносятся прямо
К богу Солнца!

На это сказала мне моя душа:

— Полно! Оставь свои сожаления, о мой хозяин, мой брат! Я останусь здесь, даже если ты отвергнешь смерть. Если же ты удалишься в подземное царство и тело твое будет предано земле, я все равно останусь с тобой и мы вместе достигнем успокоения.

Пророчество Нофрти

Случилось это так.

В те времена превосходным правителем всей страны был его величество Снофру, чей голос правдив, фараон Верхнего и Нижнего Египта.

И вот в один из дней пришли к фараону, да будет он жив, здоров и могуч, служители его дворца. Они обратились к нему с приветствием, а после приветствия удалились согласно обычаю каждого дня.

Но на сей раз его величество, да будет он жив, здоров и могуч, сказал казначею, который стоял рядом с ним:

— Ступай и верни служителей моего дворца, которые приходили сегодня приветствовать меня и после приветствия вышли отсюда.

Служителей дворца тотчас вернули, и они вновь распростерлись на животах своих перед его величеством, да будет

он жив, здоров и могуч. И сказал им его величество, да будет он жив, здоров и могуч:

— Люди! Я повелея призвать вас, дабы отыскали вы для меня одного из сыновей ваших, который был бы мудр, одного из братьев ваших, который был бы разумен, одного из друзей ваших, который умел бы творить добро. Пусть он мне скажет несколько слов прекрасных или мудрых изречений, дабы я мог развлечься, внимая ему.

Служители дворца вновь распростерлись на животах своих перед его величеством, да будет он жив, здоров и могуч. И сказали они в ответ:

— О господин наш, владыка! Знаем мы одного великого жреца, заклинателя богини Баст. Имя его — Ноферти. Он — недже с могучей десницей, он — писец с умелыми пальцами, он — превосходный муж, у которого всяческого добра больше, чем у всех ему подобных, он — владыка изречений и мудрости. Да узрит его величество этого человека!

Сказал тогда его величество, да будет он жив, здоров и могуч:

— Ступайте и приведите его ко мне!

И вот привели к нему заклинателя Ноферти. Он распростерся на животе своем перед его величеством, да будет он жив, здоров и могуч. И сказал ему его величество, да будет он жив, здоров и могуч:

— Подойди ко мне, о мой друг Ноферти! Скажи мне несколько добрых слов и мудрых изречений, дабы я развлекся, внимая тебе.

Спросил его заклинатель Ноферти:

— О господин мой, владыка, да будешь ты жив, здоров и могуч! О чем говорить мне? О том, что свершается, или о том, что свершится?

И ответил ему его величество, да будет он жив, здоров и могуч:

— Говори о том, что свершится. Ибо то, что свершается сегодня, сегодня же будет завершено.

С этими словами фараон Снофру, да будет он жив, здоров и могуч, протянул руку к ларцу с принадлежностями для письма. Он взял свиток папируса и письменный прибор и стал записывать все, что говорил ему заклинатель Ноферти, мудрец Востока, слуга богини Баст, уроженец Гелиопольского нома.

О грядущем страны скорбел заклинатель Ноферти. Он говорил о грозе, надвигающейся с Востока, об азиатах,

которые придут и будут чинить насилия, ожесточая сердца жнецов, и угонять упряжки быков с полей, ожесточая сердца пахарей.

Говорил заклинатель Ноферти:

— Содрогается сердце мое! Заплачешь и ты об этой земле, из которой ты родом. Не умолчу ни о чем, ибо молчание — зло. Внимай же! Ибо то, что я расскажу тебе о Египте, достойно внимания.

Слушай! Вельможи земли твоей, из которой ты родом, будут повержены. Крепись, ибо это случится на твоих глазах. Вельможи будут так же унижены, как и вся земля. Совершится то, что доселе не совершалось.

Дни будут начинаться злодеянием. Вся страна погибнет, и не останется даже записи о ее судьбе. Великий урон нанесут земле твоей, и даже печалиться о ней будет некому, плакать некому и некому вспоминать.

Что станет с этой землей? Солнце над ней закатится, и не будет оно сиять, и не будет светить больше людям. Скроется солнце за тучами, а без него не станет ни жизни, ни разума.

Я говорю лишь о том, что вижу. Нет у меня обычая предвещать несбыточное.

Слушай! Река Нил пересохнет, и станет пустыней Египет. Будут переходить через Нил, как по суше. На месте вод реки вырастет берег, на месте берега разольются воды, и будут суда искать путь, где бы можно было проплыть.

Южные ветры переборют северные. Все ветры смешаются в небесах.

Нижний Египет превратится в болото, окружающее города. Птицы неведомые расплодятся в топях болотных. И голод заставит людей пожирать этих птиц.

Погибнет богатство рыбных прудов. Погибнет вся рыба и птица, обитавшая в них в изобилии. Все исчезнет. И великие беды обрушатся на страну из-за голода.

С востока придут азиаты-кочевники. Азиаты, а с ними прочие чужеземцы обрушатся на Египет. И не хватит крепостей, чтобы их удержать. Не услышат воины их приближения. Не успеют ночью закрыть перед ними ворота. Азиаты ворвутся в крепости, а воины будут спрашивать: «Не сон ли это? Что мы видим? Мы спим или бодрствуем?»

Дикие звери спустятся к Нилу на водопой. Они будут искать прохлады на берегах Египта, и никто им не мешает.

Насилие и разбой воцарятся во всей стране, и никто даже не заметит, когда вторгнется враг.

Словами всего не выразишь, как не заставишь слышать глухого. Речь для него — молчание. Но тебе я показываю страну, охваченную недугом. Случится с ней то, чего еще не случилось.

Возьмутся все за оружие, и мятеж охватит страну. Нуждаясь в хлебе, будут делать медные стрелы. Обливаясь кровью, будут смеяться над муками. И некому станет хоронить умерших.

Перестанут поститься на ночь, боясь умереть голодными. Перестанут отращивать волосы в знак печали. Каждый будет думать лишь о самом себе.

При виде всего этого скорбит мое сердце!

Человек будет жить лишь до тех пор, пока он сгибает спину. Египтяне начнут убивать друг друга. Ты увидишь, как сын твой станет твоим врагом, брат — недругом. Сыновья начнут убивать отцов. И единый вопль будет у всех на устах: «Пожалей меня!»

Все богатства Египта развеются, и погибнет страна. Все законы ее останутся лишь на словах, а на деле все люди будут творить беззаконие. Опустошат они все, что можно опустошить. И свершится то, что еще никогда не свершалось.

У мужа отнимут его достоинство и отдадут его первому встречному с улицы. Ты увидишь хозяина обездоленным, а тунеядца — обогащенным. Кто трудился — лишится всего, кто ничего не делал — получит все.

Будут возбуждать в людях ненависть к горожанам, чтобы заставить их замолчать. На их речи будут отвечать ударами палок. Если кто-нибудь станет молить: «Не убивайте!» — такие слова будут жалить сердца, как огонь. А таких речей, что выходят из уст монахов, и подавно никто не потерпит!

Уменьшится наша страна, а число правителей увеличится. И будет она разорена при всем ее изобилии. Зерна будет меньше, а мера — больше, и будут отмеривать ею с излишком.

Солнце уйдет от людей. Будет оно светить только час, и никто не узнает время полудня.

Тени исчезнут. Перестанет солнце слепить; люди смогут смотреть на него, и глаза их не будут слезиться. Солнце будет как прежде свершать свой обычный путь, люди

будут видеть его, как во времена своих предков, но будет то солнце подобно луне.

Я показываю тебе страну, пораженную тяжким недугом. Власть в ней захватят слабые руки. Будут кланяться тем, кто сам прежде кланялся. То, что было внизу, окажется наверху. Совершится переворот — и все переменится.

Богачи поселятся среди могил, а бедняки завладеют богатством куда большим, чем им нужно для жизни. Немущие будут тогда пировать, слуги будут возвышены.

Но затем Гелиопольский ном перестанет быть престолом фараонов. Их заменит правитель-кжаннин, чье имя Амени, сын кжанки, уроженец Верхнего Египта. Он возложит на себя белый венец и красный венец¹. Два венца соединит он в один. Умиротворит он и Гора и Сета жертвами им угодными.

Он возьмет весло и подобно богу, согласно обычаю, обойдет с ним поле. И возрадуются люди тех дней!

Сын знатного мужа, удалится он ото зла, и прославят имя его во веки веков.

Убоявшись его, умолкнут замышляющие мятеж. Страх перед ним заставит пасть азиатов. Пламя гнева его заставит смириться ливийцев. Мятежники падут жертвами его ярости. Злоумышленники отступят перед его величием. Божественный урей на его челе умиротворит злодеев.

Он подвигнет стены укрепления «Властелина», и азиаты не смогут больше спуститься в Египет. Как прежде, согласно обычаю, они будут выпрашивать воду у египтян, чтобы напоить свой скот.

Правда займет свое место, кривда будет изгнана. И возрадуется тот, кто это увидит! Счастлив будет тот, кто последует за фараоном. И мудрец совершит возлияния в мою честь, когда увидит, что все, мною предсказанное, свершилось!

Завершил эту запись в мире писец Мех...

¹ Белый венец — корона Южного (Верхнего) Египта; красный венец — корона Северного (Нижнего) Египта.

Речения Ипусера

В годину смуты и мятежа, когда все заколебалось в стране, фараон призвал к себе мудреца Ипусера и повелел ему:

— Расскажи мне о том, что есть, и о том, что будет! Непонятные и страшные вещи творятся вокруг. Расскажи обо всем, ничего не утаивая!

И мудрец Ипусер заговорил. Он рассказал обо всем без утайки.

* * *

Те, кто поставлен охранять ворота, сами кричат: «Пойдем грабить!»

Кондитеры ничего не выпекают. Прачки не возвращают одежду. Птицеловы затевают сражения. Жители Дельты ходят со щитами, пивовары — с оружием. Но никто не

радуется. Ибо каждый видит врага даже в сыне своем. Повсюду мятежники говорят друг другу: «Приходи с мечом!» Свершается то, что было предсказано во времена бога Гора, во времена Эннеады.

Люди доблестные скорбят о том, что творится в стране. Чужеземцы повсюду сделались египтянами. Свершается то, что было предсказано предками.

Воистину, захватили грабители лучшие земли. Поэтому даже пахари выходят на поле со щитами.

Воистину, люди кроткие говорят: «Властвуют ныне разбойники, свирепые ликом».

Воистину, лики ныне у всех свирепы. Всякую лучники снаряженные. Всякую злодеи. И нигде нет людей вчерашнего дня.

Воистину, рыщут грабители везде и всюду. Тот, кто хочет обрести слугу, похищает рабов.

Воистину, Нил разливается как и прежде, но никто не вспахивает заливные поля. И все говорят: «Что происходит в стране? Мы не разумеем!»

Воистину, женщины стали бесплодны и более не зачинают. Не творит больше Хнум людей из-за смуты в стране.

Воистину, немущие стали владельцами драгоценностей. Кто не мог заказать себе даже сандалий, ныне владеет всеми богатствами.

Воистину, новый хозяин печалит сердца рабов. А если слуги ликуют, то хозяин печалится.

Воистину, ожесточились сердца людей. Мор по всей стране. Кровь повсюду. Смерть повсеместно. Пелены мертвецов тщетно вызывают о погребения.

Воистину, тела многих ныне бросают в реку. Нил для них стал гробницей, речной поток — местом бальзамирования.

Воистину, знатные ныне скорбят, а немущие радуются. В каждом селении говорят: «Истребим всех сильных!»

Воистину, люди бродят черные, словно ибисы. Грязь по всей стране. Не увидишь теперь человека в светлых, чистых одеждах.

Воистину, перевернулась страна, как гончарный круг. Разбойник сделался богачом, богач стал грабителем.

Воистину, смелые стали трусами. Выпадает неджег: «Что мне делать?! О, ужас!»

Воистину, воды Нила окрашены кровью, но их пьют. Привкус крови отталкивает людей, они жаждут чистой воды, но тщетно.

Вонстину, все колонны, врата и покои дворца фараона, да будет он жив, здоров и могуч, сожжены, и лишь стены дворца стоят нерушимо.

Вонстину, мятежом охвачен весь корабль Юга. Города разграблены. Обратился Верхний Египет в пустыню.

Вонстину, крокодилы пресытились своей добычей. Люди сами бросаются в реку. Говорят им: «Смотри, не ходя туда, это смерть!» Но они бросаются в воду, словно рыбы. В страхе не различают они, где река, где суша.

Вонстину, египтян стало мало, а убийц, повергающих наземь брата, много. И когда говорят об этом, убегают робкие без оглядки.

Вонстину, знатный сравнялся с незнатным, сын госпожи сравнялся с сыном рабыни.

Вонстину, опустел весь Египет. Номы разорены. Чужеземцы пришли в страну.

Вонстину, не осталось нигде египтян.

Вонстину, золото и лазурит, серебро, бирюза, сердолики и камни избет украшают ныне шеи рабынь. А знатные женщины и хозяйки домов мечтают лишь об одном: «Где бы нам поесть?»

Вонстину, несчастны знатные женщины! Тела их страдают от рубищ. Сердца их скорбят, когда приходится им приветствовать тех, кто прежде сам их приветствовал.

Вонстину, взломаны их ларцы из черного дерева. Драгоценное дерево соседь изрублено на дрова.

Вонстину, строители пирамид сделались земледельцами. Те, кто плавал на судах фараона, впряжены ныне в плуг. Не плывут сегодня суда на север в Библ. Где же теперь добудем мы кедры для саркофагов? Ведь жрецов погребали в саркофагах из кедра, и вельмож повсюду, вплоть до самого Крита, бальзамировали кедровыми смолами. Не привозят к нам больше кедров, ибо нет у нас золота. Все изделия из кедрового дерева разрушаются. Опустел дворец фараона, да будет он жив, здоров и могуч! А сколько мешков с ароматными травами, сколько птиц для жертвоприношений приносили сюда раньше жители оазисов!

Вонстину, Танис и Элефантина и номы нижнеегипетские не платят податей из-за мятежа. Не хватает зерна, угля; плодов иртиу, не хватает плодов деревьев мау, нут, и шетсу, не хватает изделий ремесленников для дворца. Для чего сокровищница, если нету податей? Сердце повелителя радуется лишь тогда, когда стекаются к нему при-

ношения. А ныне каждая чужеземная страна говорит: «Это наши владения! Это наше добро!»

Воистину, смех умолк. Никто больше не смеется. По всей стране слышен только плач да стенания.

Воистину, всем владеет тот, кто не имел ничего. Египтяне же уподобились черни, выгнанной на дорогу.

Воистину, стали все безволосыми. Не отличишь теперь сына знатного мужа от того, кто вовсе не знает отца.

Воистину, страдают все из-за шума. Не смолкает шум в эти годы шума. Нет конца шуму.

Воистину, говорят великий и малый: «Я хочу умереть!» Даже дети твердят: «Для чего мне отец дал жизнь?»

Воистину, детей знатных вельмож разбивают о стены. Любимцы родителей брошены наземь.

Воистину, мумии выкинуты из гробниц. Раскрыты все тайны бальзамировщиков.

Воистину, те, кто жил вчера, сегодня погибли. Земля предоставлена своей участи, словно вырванный с корнем лен.

Воистину, вся дельта Нила лишилась защиты. Укрепления, на которые уповал раньше Нижний Египет, стали ныне торной дорогой. Что же делать теперь? Такого еще никогда не случилось.

Говорят: «Сторонись тайных мест святилищ, ибо захвачены они непосвященными, сменившими посвященных». Ведь теперь чужеземцы стали искусны даже в работах египтян!

Воистину, люди зажиточные приставлены ныне к ручным мельницам. Тех, кто был облачен в тончайшее полотно, избивают сегодня палками. Рабы, не смевшие появляться днем, выходят на улицы беспрепятственно. Знатные женщины, разделявшие ложа своих мужей, ныне спят в притонах. И я говорю: «Видеть их там тяжелее, чем видеть баржу для мирры, нагруженную сосудами с нечистотами!» Что же касается слуг, то пусть недуг поразит их! Ибо терзают они знатных женщин, словно служанок.

Ах, если бы пришел конец роду людскому и не было бы больше ни зачатий, ни рождений! Тогда бы умолкли вопли в стране и не стало бы митежников.

Но сейчас воистину все едят траву и запивают ее водой. Не плодоносит деревья, нечем прокормиться и птицам. А люди оспаривают пойло у свиней!

Не увидишь теперь прекрасных лиц — все они обезображены голодом больше, чем мое.

Воистину, пропадает зерно на каждой дороге. Нет у людей ни одежды, ни масла, ни притираний. Все говорят: «Ничего не осталось! Кладовые пусты, а их сторожа распростерты мертвые на земле». Скорбит мое сердце! Нет мне утешения. Ах, если бы мог я возвысить голос в этот час отчаяния, если бы мог я найти спасение от напасти!

Воистину, расхищены запасы превосходной судебной палаты. Разграблено все, что было в этом хранилище тайн.

Воистину, чары магические стали известны всем. Заклинания шем и сехен сделались ныне опасными, ибо знает их каждый.

Воистину, раскрыты палаты и податные списки расхищены. Из-за этого превратились рабы в хозяев рабов.

Воистину, писцы перебиты, а их документы украдены. Горько мне! Скорбью полны эти дни!

Воистину, истреблены все записи писцов, учитывающих урожай. Житницы Египта раскрыты для всех.

Воистину, свитки законов судебной палаты выброшены на улицы; полирают их все ногами, а бедняки ломают и рвут их.

Воистину, бедняки возвысились и стали подобны Эннеаде, ибо все тайны Судилища Тридцати¹ им раскрыты.

Воистину, превратилась Великая Судебная палата в проходной двор для всех. Бедняки как хотят разгуливают по ее покоем.

Воистину, дети знатных выброшены на улицу.

Мудрец подтвердит, что все это так; глупец будет все отрицать, ибо не понимает он, что творится, и все, что творится, кажется ему превосходным.

* * *

Вот что сказал Ипусер фараону, владыке земли.

¹ Судилище Тридцати — верховный суд, состоявший из тридцати судей, крупных сановников.

Наставления писцу

I

ПОУЧЕНИЯ ХАТИ, СЫНА ДУАУФА,
СВОЕМУ СЫНУ ПЕПИ

Хати, сын Дуауфа, плыл вверх по Нилу в столицу, чтобы отдать своего сына Пепи в «Дом обучения письму», дабы он обучался там вместе с сыновьями знатных людей искусству письма. И вот что говорил Хати своему сыну:

— Я видел побой, насмотрелся я на избитых! Обрати же свое сердце к книгам, ибо только они освобождают людей от повинностей — я это знаю. Нет ничего выше искусства письма! Кто постиг его, подобен рыбе в воде.

Загляни в конец книги «Египет». Там увидишь ты изре-

чение, в котором сказано: «Писец, имеющий место в столице, не узнает в ней бедности!» Усвой эту мудрость, иначе ты расквесишься.

Я видел писцов, я знаю искусство письма, о котором сказано в той же книге: «Возлюби письмо больше, чем родную мать. И будет благодать над тобою!» Ибо искусство письма превыше любого другого. Ничто не сравнится с ним на земле.

Если с детства писец прилежен, все его приветствуют, все его посылают с важными поручениями, и уже никто не посмеет его призвать, чтобы надеть на него фартук ремесленника.

Я не видел, чтобы вот так посылали скульптора, я не видел, чтобы так посылали ювелира. Зато видел я, как трудится медник, склоняясь над пылающим горном. Руки его жестки, как кожа у крокодила, и смердит от него, как от рыбных отходов.

Еще хуже граверу, режущему по меди. Ему даже хуже, чем земледельцу. Поле его — из меди, мотыга его — резец. Земледелец хоть ночью свободен, а гравер кормится тем, что заработают его руки: поэтому он и ночью зажигает светильник и трудится.

Резчик по камню вечно ищет работу. Он готов резать даже по самому твердому камню. Когда он кончает свой труд, руки его обессилены, сам он измучен. В сумерках, когда он присаживается отдохнуть, колени его и спина не разгибаются.

Брадобрей тоже трудится до позднего вечера. Он бродит из улицы в улицу и ищет, кого бы побрить. Истощает он силу рук своих, чтобы наполнить свой живот. Он подобен пчеле, поедающей плоды своего труда.

Торговец плывет вниз по Нилу в Дельту, чтобы повыгоднее продать свой товар. Утомляется он сверх всякой меры. Пьют кровь его комары.

Расскажу я тебе, как страдает стронтель стен, что он чувствует, когда трудится на высоте под порывами ветра. Весь закутавшись, работает он, подвизанный к высеченным из камня лотосам. Когда стройка подходит к концу, руки его теряют всю силу, одежда его превращается в лохмотья. Кормят стронтеля только руки его. Умывается он лишь один раз в день. Не рассказать о его страданиях! Он один кормит всю семью. А детей его бьют и бьют.

Садовник вечно таскает тяжести. С утра поливает он

овощи, к вечеру — виноградные лозы. Он трудится каждый день, но живот его все равно пуст.

У земледельца нет ничего, кроме одной повязки. Его голос грубее, чем карканье. Устает он так, что нельзя рассказать. Страшно ему, как в когтях у льва. Возвращается он домой к ночи, а его зовут и вновь принуждают работать.

Ткач не выходит из мастерской. Хуже ему, чем женщине. Ноги его подогнуты до подбородка, так что нечем ему дышать. Он дает подарки привратнику, чтобы тот позволил ему хоть взглянуть на свет.

Но тому, кто делает стрелы, еще хуже! Должен он выходить в пустыню. Нагружает он на осла все, что нужно для его работы, а сверх этого еще множество всякой клади. И отправляется он через поля по дороге. А когда возвращается он домой, ноги его разбиты.

Гонец, когда посылают его через пустыни, завещает заранее все свое добро своим детям. Ибо страшится он азиатов и львов. А когда возвращается он домой, ноги его разбиты.

Красильщик весь день разбирает крашенные холсты. Пальцы его смердят. Одежда его — омерзение!

Сапожнику еще хуже. Вечно он попрошайничает. От голода жует он кожу.

Прачка стирает на берегу реки, в которой кишат крокодилы. Беззащитны руки его. Занятие это небезопасное.

Но еще хуже птицелову. Когда ничего он не может поймать, приходится ему погружаться в реку и, сидя в воде, приманивать птиц.

Еще расскажу я тебе о рыбаке. Ему приходится хуже, чем всем остальным. Вечно он на реке, вечно он среди крокодилов! И никто не крикнет ему: «Смотри! Крокодил!» Страх его ослепляет.

Смотри! Не увидишь ты никого, над кем не стояли бы управляющие. Лишь писец сам управляет другими. Если он знает искусство письма, ему говорят: «Да будет тебе за это благо!» Нет другого занятия, подобного этому, которое ты мог бы избрать.

Никто не прикажет писцу: «Трудись!»

Не пренебрегай же моими словами. Запомни то, что я говорю тебе, пока мы плывем вверх по Нилу к столице. Я делаю это из любви к тебе. Будет полезен тебе каждый

день, проведенный в «Доме обучения письму», ибо знания, которые он дает, вечны, словно горы.

Смотри, нет писца, не имеющего подарков и пищи из дворца фараона, да будет он жив, здоров и могуч.

Смотри, то, что я сказал, сказано для тебя и для детей детей твоих!

II

ВОСХВАЛЕНИЕ УЧАСТИ ПИСЦА

О писец, не будь праздным! О писец, не ленись! Иначе будешь наказан жестоко. Не становись рабом наслаждений, иначе ты погибнешь!

Пусть рука твоя пишет, а уста читают и спрашивают советы у тех, кто знает больше тебя.

Поступай так, чтобы к старости стать сановником. Счастлив умелый писец, добившийся этой чести. Будь настойчив в работе каждого дня, и ты этого достигнешь.

Не проводи ни одного дня в праздности, чтобы не быть битым. Ибо знают все: ухо юности на его спине, и он слышит тогда, когда его бьют. Сохрани слова мои в сердце своем — они тебе пригодятся!

Обезьян обучают танцам. Коней укрощают. Коршуна приручают сидеть на руке. Соколу подрезают крылья. Человек может научиться всему.

Будь упорным. Советуйся со знающими. Не будь медлительным. Пиши! Не презирай свой труд!

Склони сердце свое к моим словам — они будут тебе полезны.

III

УЧАСТЬ ПИСЦА ВЕСПУТНОГО

Сказали мне, что ты бросил писать и гоняешься за наслаждениями.

Бродишь ты из улицы в улицу, и где бы ты ни прошел, за тобою тянется запах пива. Но пиво лишает людей человеческого образа. Оно мутит душу. Ты становишься подобен судну со сломанным рулевым веслом, которое бросает

из стороны в сторону. Ты уподобляешься ковчегу без святыни, дому без хлеба.

Люди видели, как сломал ты палки, которыми бьют не-
радивых, перелез через стенку и обжегал. А теперь ты ка-
лечишь людей, и они бегут, спасаясь от тебя!

О, если бы понял ты, что вино — это мерзость! О, если
бы поклялся ты забыть о хмельных напитках! А сейчас в
твоем сердце — пивная кружка!

Обучали тебя играть на флейте, наигрывать на свирели,
декламировать под звуки лиры, петь в лад с деревянной
трубой. А сейчас ты сидишь в своем доме в окружении по-
таскух. Ты бесчинствуешь!

Ты сидишь перед девушками, обрызганный ароматным
маслом. У тебя на шее венок из цветов иштелен. По своему
животу барабанишь ты, как по барабану. Спотыкаешься
ты и падаешь на свой живот.

И весь ты замаран грязью!

IV

УЧАСТЬ КРЕСТЬЯНИНА

Сказали мне, что ты бросил писать и гоняешься за
наслаждениями.

Ты повернулся спиной к письму, к словам бога, и взду-
мал заняться работой на поле. Но вспомни об участии зем-
ледельца! Червь потравил одну половину посевов. Беге-
моты доели вторую. А то, что осталось, описывают
писцы.

Мыши кишат повсюду. Саранча опускается на поле.
Скот съедает посевы. Воробьи — и те наносят ущерб земле-
дельцу. А то, что ему удастся собрать на току, похищают воры.

Нанимал крестьянин упряжки быков, а теперь они по-
теряли всякую цену: скот, измученный пахотой и молоть-
бой, подыхает.

А потом причаливает к берегу писец и описывает весь
урожай. Приходят сборщики с палками, приходят негры-
стражники с пальмовыми розгами. Все они говорят: «По-
давай зерно!» А зерна нет. Они бьют земледельца без жа-
лости. Они связывают его и бросают в яму с водою, вниз
головой. На его глазах связывают жену, заключают в

оковы детей. Покидают его все соседи и обращаются в бегство. Они заботятся лишь о своем зерне!

А писец лишь надзирает за работой других людей. Он, владеющий искусством письма, не облагается податями. Он не платит налогов. Заметь себе это!

V

УЧАСТЬ ВОИНА

Сказали мне, будто ты говоришь: «Вонном быть приятнее, чем писцом!» Что это означает?

Послушай, и я опишу тебе горестную участь вонна.

Еще ребенком приводят его и запирают в казарму. Бьют его без пощады. Ударами жгута рассечена его бровь, изранена вся голова. Раскладывают его и колотят, словно папирус. Избивают его беспрестанно!

Послушай, и я опишу тебе, как отправляется воин в Сирию.

Он идет по горам. Хлеб и воду свою он должен тащить на своих плечах, нагруженный, словно осле. У него на загривке мозоль, не хуже, чем у осла. Хребет его того и гляди переломится.

Ему приходится пить вонючую воду. На привалах он от усталости засыпает на посту. И когда добирается воин до поля боя, он похож на ощипанную и обезглавленную птицу.

Когда же возвращается воин в Египет, подобен он дереву, источенному червями. Разбит он слабостью и болезнями. Везут его на осле. Одежду его похищают воры, слуги его разбегаются.

О писец Зинана, не говори же, что участь вонна лучше доли писца!

VI

БУДЬ ПИСЦОМ

Будь писцом! Это избавит тебя от грязной работы, защитит тебя от труда непосильного. Не придется тебе налегать на весло рулевое. Не придется тебе перетаскивать на плечах корзины. Не будут стоять над тобой многочисленные хозяева и бесчисленные надсмотрщики.

Едва человек выходит из чрева матери, как уже поступает под чье-то начало. Мальчик становится слугой воина. Юноша становится новобранцем. Взрослый становится земледельцем. Бедняка превращают в возницу — и начальник конюшни надзирает за ним. А в это время упряжка крестьянина простаивает на поле, жена его кормится подбой, дочь его работает на запруде, слуги его разбежались, покинув несчастного.

Когда посылают воина в Сирию, отправляется он в поход без посоха и без сандалий. От страха перед медведями и львами бредет он ни жив ни мертв. Враг затаился в тростниковых зарослях, враг подстерегает его в засаде, а воин идет и молится своему богу: «Спаси меня! Не покинь меня!»

И младшим жрецам не лучше, чем земледельцам!

Младший жрец совершает богослужения в храме. Трижды в день он спускается для омовения к реке и промокает до нитки. И уже не отличает он земли от неба.

Пекарь весь день стоит у печи и сажает хлеба в огонь. Он засовывает голову прямо в печь, а сын крепко держит его за ноги. И если сын не удержит его, пекарь падает прямо в печь.

А писец сам не делает ничего и лишь надзирает над всеми работами на земле Египта. Заметь себе это!

Славословие Нилу

Прославляют Нил:

Слава тебе, о Нил!
Вышел ты из земли,
Чтобы жизнь разлилась
По Египту.

Воспевают тебя певцы:
Таинственным воды твои,
В темную их глубину
Не проникает свет.

Созданный богом Ра,
Ты заливаешь поля,
Чтобы водой напоить
Все живое.

Даже безводным пустыням,
От тебя отдаленным,
Ты влагу свою даришь
Небесной росой.

Ты — любимец бога земли,
Ты — избранник бога полей,
Ибо ты заставляешь цвести
Все, что создано Птахом.

О владыка рыб! Над тобой
Птицы летят на юг,
И ты охраняешь их
От знойного ветра.

Ты выращиваешь ячмень,
Вызреть заставляешь полбу.
И тогда начинаются празднества
В каждом храме.

Но если промедлит Нил
С благодатным разливом своим,
Замрает дыхание жизни
И люди нищают.

Уменьшаются жертвы богам,
Алчность входит во все сердца,
Голодает и стар и млад,
Гибнут тысячи египтян,
Смута вспыхивает в стране,
В исступлении вся земля, —
Если Нил разгневан.

Но когда поднимается Нил,
Снова Хнум начинает творить
И опять расцветает земля.
Разливается Нил, и тогда —
Все живое ликует!

Веселее смотрит народ,
Люди радуются вокруг,
Всюду смех — только зубы блестят!
Насыщается каждый.

Ты несешь изобилие, о Нил,
Наделяешь хлебом людей,
Ты — создатель всего прекрасного,
Ты — владыка величия,
Все, что делаешь ты, совершенно,
Ты — отец плодородия!

Ты растишь траву для скота,
Жертвы выращиваешь для богов,
Для владык земли, и небес,
И подземного царства.

Весь Египет — твоя земля!
Ты радуешься о бедняках,
Наполняешь зерном закрома
И просторные житницы.

Все деревья по воле твоей
В изобилие дают плоды,
Ты несешь на себе суда
Через камни порогов.

На тебе — корона владык,
Но нет у тебя рабов,
Как нет над тобой господ,
О Нил благодатный!

Тайны Нила не разгадать,
Где родился он — не найти,
О пещерах, где он рожден,
Не написано в книгах.

Нет у Нила ни алтарей,
Нет ни храмов и ни жрецов,
Но везде славословят Нил
Его дети.

Восхваляют люди его,
Справедливейшего из владык,
Чьи законы для всех равны,
Чьи разливы для всех щедры,
И для Севера и для Юга.

Все, кто воду нильскую пьет,
Кто живет его добротой,
Благодарных не сводят глаз
С плодородного Нила.

В дни разлива каждый ликует!
Кто печалился — тоже ликует!
Крокодил священный ликует!
Эннеада ликует!

Низвергается грозно Нил,
Утоляет жажду полей,
Заливает всю землю он,
Принюся богатство одним,
А других разоряя.

Но нельзя на него роптать:
Щедро Нил одаряет всех,
Ибо сила разлива его
Беспредельна.

О идущий из мрака свет!
О пастух тучнеющих стад!
Нил — создатель всего, что есть;
Без него все исчезнет.

Одевает людей он в лен
Со своих благодатных полей;
Хеджихотеп, сам бог ткачей,
Ему служит.

Нил творит, как могучий Птах,
Словно мудрый бог передал
Силу книг своих, и молитв,
И бессмертия тайный дар
Водам Нила, несущим жизнь
Из окутанных мглой пещер
К Дельте, где разливается Нил
Богом животворящим.

Но когда замедлит разлив,
Убывает число людей,
И вызывает каждый тогда
К оживляющим водам.

Тревожится даже богач,
Бедняк оружие берет,
Каждый думает лишь о себе
В это время.

Ароматного масла нет,
Не видно ярких одежд,
Не слышно ночных бесед,
Не носят своих украшений
Благородные юноши.

Только Нил в людские сердца
Вложит правду и доброту,
Ибо сказано: «Нищета
Порождает злодейства!»

Если Нил благодатный сравнить
С Великим Зеленым морем,
Не подвластным богу полей,
То даже птицы пустынь
Выберут воды Нила.

Зеленое море дает
Слитки золота и серебра,
Драгоценности и лазурит.
Но кто станет есть лазурит?
А Нил благодатный несет
Жизнь и пищу.

Люди славят тебя, о Нил!
Арфисты хвалу поют,
В ладоши радостно бьют
Даже малые дети.

Шают люди к тебе гонцов
И уносят с твоих берегов
Драгоценную ношу плодов,
Земли украшенье.

Все больше твоих кораблей,
Все тучнее твои стада,
Благословляешь ты
Жен плодоносные чрева.

Когда разливаешься ты
Возле града правителей, Фив,
Плодами твоих полей
Насыщаются люди.

Расцветает прекрасный лотос,
Расцветают цветы и травы,
И несут их в охапках дети,
Рассыпая у каждого дома
Этот дар лугов плодородных.

Вся земля ликует!

В дни разлива чествуют Нил.
В жертву Нилу колют быков,
Режут птиц, благовоныя льют,
Убивают в пустыне львов,
Возжигают священный огонь
Всесожжения.

В дни разлива славят богов.
В жертву им приносят быков,
Всякий скот и откормленных птиц,
И огонь возжигают.

Но не может никто из богов
Воплотиться в великий Нил,
Утоляющий жажду Фив,
Ибо суть его непостижима.

Так пускай же все люди земли,
Почитающие Эннеаду,
Восславят сына ее,
Могущественного владыку,
Заставляющего зеленеть
Берега Египта!

Так восславим же:
«Благоденствуй, Нил!»
Так восславим же:
«Благоденствуй, Нил!»

Так восславим же:
«Благоденствуй, Нил,
Жизнь дающий стадам и людям!»

Так завершается в мире и благополучии словословие Нилу.

Примечания

ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ — древнейший из дошедших до нас в единственном экземпляре литературный текст, обнаруженный в фондах Эрмитажа в 1881 году известным русским египтологом В. С. Голенищевым, который впервые издал и перевел его. Этот иератический папирус восходит к началу XII династии (около 1900 гг. до н. э.). Он превосходно сохранился и ныне находится в Государственном Эрмитаже. Начало, необходимое для логического вступления, дополнено переводчиками. Настоящий перевод сделан по изданию В. С. Голенищева: *Les papyrus hiératiques Nos III5, III6 A et III6 B de l'Ermitage impérial de St.-Petersbourg. Publ. par W. Golénischeff. St.-Petersbourg, 1913.*

ИСТОРИЯ СИНУХЕТА. — Судя по количеству сохранившихся списков, это одно из самых распространенных литературных произведений. До нас дошло от XIX—XI вв. до н. э. по крайней мере пять иератических папирусов и около двадцати глиняных черепков — остраконов, хранящихся в различных музеях мира, с более или менее значительными отрывками или частями этого произведения. Один из этих папирусов, датированный XIII в. до н. э., так называемый папирус Голенищева, находится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. К сожалению, ни один из папирусов не содержит полного текста повести. Его можно восстановить только при помощи двух папирусов: так называемого Берлинского (XIX в. до н. э.) и Рамессейского (XVIII в. до н. э.), из которых у первого отсутствует начало, а у второго конец. Настоящий перевод сделан по изданию: A. H. Gardiner, *Notes on the Story of Sinuhe*, Paris, 1916.

КРАСНОРЕЧИВЫЙ КРЕСТЬЯНИН — так же, как и «История Синухета», сохранился в четырех различных списках конца XIX—XVIII вв. до н. э., позволяющих полностью восстановить текст. Глиняный черепок — остракон Рамессидского времени (XII—XI вв. до н. э.), сохранивший не совсем, правда, точную цитату из этой сказки, доказывает, что ее не забыли и много веков спустя. Таким образом, оба эти произведения принадлежали к числу наиболее распространенных в эпоху Среднего Царства, во всяком случае во второй ее половине. Не исключена возможность, что сама сказка возникла несколько раньше — около XXI в. до н. э., когда, вероятно, и происходят описываемые в ней события. Перевод сделан по изданию: F. Vogel-
zang, *Kommentar zu den Klagen des Bauern*, Leipzig, 1913.

ФАРАОН ХУФУ И ЧАРОДЕН — иератический папирус конца XVII — начала XVI в. до н. э., названный папирусом Весткар по имени первого владельца, у которого он был приобретен Берлинским музеем. Сказки, вошедшие в этот папирус, возникли, очевидно, в конце Древнего Царства (ок. 2400 г. до н. э.), но записаны они были, как об этом свидетельствуют особенности языка, значительно позже — в начале Нового Царства (XVI в. до н. э.). Первые одиннадцать строк утрачены, конец также отсутствует и предположительно восстановлен переводчиками как на основании намеков, содержащихся в самом тексте, так и по другим источникам. Первый полный русский перевод сделан по единственному пока изданию папируса: A. Erman, *Die Märchen des Papyrus Westcar*, Berlin, 1890, *Königliche Museen zu Berlin. Mitteilungen aus den Orientalischen Sammlungen*, B-de 5—6.

ХИТРОУМНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ ДЖХУТИ И ОБРЕЧЕННЫЙ СЫН ФАРАОНА. — Оба текста сохранились только на оборотной стороне иератического папируса конца XIV в. до н. э. — так называемом папирусе Гаррис 500 Британского музея в Лондоне. На лицевой стороне писец записал любовные песни. «Хитроумный полководец Джхути», от которого не дошло начало, предшествует «Обреченному сыну фараона». Конец последней сказки также не сохранился. Известный французский египтолог Г. Масперо пытался восполнить недостающую часть первого произведения, а немецкий романист и египтолог Георг Эберс — второго. Восстановления эти взяты за основу переводчиками, которые сочли необходимым внести в них ряд изменений. Настоящий перевод сделан по иероглифической транскрипции А. Гардинера: A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, Bruxelles, 1932.

ГИКСОССКИЙ ЦАРЬ АПОПИ И ФАРАОН СЕКНЕНРА. — Единственный и притом далеко не полный текст этой сказки сохранился

на одном из папирусов, хранящихся в Британском музее в Лондоне — так называемом папирусе Салье I, который относится к числу так называемых «школьных папирусов», то есть служивших для упражнений в письме и каллиграфии писцам-ученикам. Начинаящий писец Пентаур переписал только первые три страницы этой легенды, навеянной историческими событиями, а затем перешел к образцам писем и наставлениям молодым писцам (см. ниже). Рукопись датируется точно первым годом правления фараона XIX династии Мернептаха (1251—1231 гг. до н. э.). Перевод сделан по неероглифической транскрипции: A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, Bruxelles, 1932. Конец выполнен переводчиками на основании источников, повествующих о событиях этого времени.

ПРАВДА И КРИВДА. — Эта сказка стала известна сравнительно недавно — в 1932 г., когда виднейший английский египтолог А. Гардинер начал публикацию части переданного в Британский музей собрания папирусов Честер Битти. Начало ее отсутствует и восполнено переводчиками по восстановлению А. Гардинера. Она была записана, как свидетельствуют данные палеографии, в XIII в. до н. э. Эта сказка особенно интересна тем, что обнаруживает многие общие черты с известной русской народной сказкой о Правде и Кривде. Настоящий перевод — первый на русском языке — сделан по неероглифической транскрипции А. Гардинера: A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, Bruxelles, 1932.

ДВА БРАТА — первый из древнеегипетских литературных текстов, ставший известным в 1852 г. и вызвавший чрезвычайно большой интерес не только у египтологов. Ему посвящена обширная литература. По имени случайно приобретенной его в Италии богатой англичанки вошел в науку как папирус д'Орбиней. Ныне находится в Британском музее. Папирус этот неэратический и датируется третьей четвертью XIII в. до н. э. По существу сказка о двух братьях состоит из двух самостоятельных сказок, повествующих о кознях неверных жем, — мотив очень распространенный в народном творчестве. Настоящий перевод сделан по неероглифической транскрипции А. Гардинера: A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, Bruxelles, 1932.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ УНУАМОНА — неэратический папирус, найденный в 1891 г. в Среднем Египте. Открыт и приобретен В. С. Голенищевым, который первый дал его транскрипцию и перевод. Ныне хранится в Государственном музее изобразительных искусств в Москве. Этот текст, заслуженно пользующийся мировой известностью и записанный, видимо, в первой половине X в. до н. э., является также ценнейшим историческим источником. В нем превосходно

отразились внутреннее и внешнее положение ослабевшего и распавшегося на отдельные области Египта и характер торговых отношений Восточного Средиземноморья. Следует признать правильным мнение акад. Б. А. Тураева, что настоящий папирус представляет собой литературную версию подлинного отчета, составленного посланцем верховного жреца Карнакского храма бога солнца Амона-Ра в Фивах Унуамоном. Текст обрывается буквально на полуфразе. Переводчики восполнили конец. Настоящий перевод сделан по иероглифической транскрипции А. Гардинера: A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, Bruxelles, 1932.

ЦАРЬ РАМПСИНИТ И НЕУЛОВИМЫЙ ВОР. — Эта сказка сохранилась в записи Геродота (род. ок. 484 г. до н. э., умер ок. 425 г. до н. э.). Геродот совершил ряд далеких путешествий и около 445 г. до н. э. посетил Египет, где он поднялся по течению Нила до о-ва Элефантин, то есть южной границы страны. В своем труде Геродот сохранил отдельные древние предания и сказки, рассказанные ему, очевидно, переводчиками и проводниками. В этих сказках и преданиях, обычно связанных с какими-либо историческими событиями или историческими лицами, вымысел и фантазия причудливо переплетаются с действительностью.

СКАЗАНИЯ О САТНИ-ХЕМУАСЕ — первая сказка, — демотический папирус, датируемый предположительно 233 г. до н. э. Найден в одной из гробниц в Фивах, куда его положили долгое время спустя после того, как он был написан. Первые две страницы утрачены. Однако часть недостающего начала содержит фрагмент более раннего списка (начало III в. до н. э.) этого же произведения, что доказывает его значительную популярность. Оба папируса находятся в Каирском музее.

Вторая сказка сохранилась на обороте папируса, содержащего административные документы на греческом языке от 47—46 гг. до н. э. Когда надобность в них миновала, оборотная сторона была использована для списывания сказки о Сатни-Хемуасе писцом-египтянином, который пользовался демотическим письмом. Папирус находится в Британском музее. Первая страница и часть второй отсутствуют. Недостающее начало обеих сказок восполнено переводчиками по восстановлению Ф. Гриффитса и Г. Масперо. Перевод — первый на русский язык с подлинника — сделан по транскрипции В. Гриффитса: F. H. Griffith, *Stories of the High-Priest of Memphis*, Oxford, 1900.

Третья сказка сохранилась у Геродота, записавшего ее со слов египетских переводчиков или жрецов, у которых по обыкновению исторические события — нашествие ассирийцев — самым фантастическим образом переплелись с народными сказками и преданиями.

СКАЗАНИЯ О ФАРАОНЕ ПЕТУБАСТЕ. — Текст обих сказаний содержится в демотических папирусах первой половины I в. н. э. в конце II в. н. э. Первый из них хранится в Страсбурге (за исключением отдельных фрагментов, содержащих конец текста и находящихся в Париже), а второй — в Вене. К сожалению, оба папируса сильно повреждены, особенно в начале, которое в том и в другом случае восстановлено переводчиками по общему смыслу и на основании работ В. Шпигельберга и Г. Масpero. Перевод — первый на русский язык с подлинника — сделан по транскрипции: W. Spiegelberg, *Der Sagenkreis des Königs Petubastis*, Leipzig, 1910. *Demotische Studien*, Heft 3.

КОРШУН И КОШКА, КОРШУН ЗОРКИЙ ГЛАЗ И КОРШУН ЧУТКОЕ УХО, ЛЕВ И МЫШЬ. — Эти сказки-басни включены в нифалогический текст о Солнечном Глазе — так называемый демотический папирус «Куфи», хранящийся в Лейдене (Нидерланды). Он датируется II в. н. э. и скорее всего происходит из Фин. Это произведение в целом содержит ряд особенностей, указывающих на то, что оно и включенные в него сказки первоначально возникли в народной среде и только впоследствии подверглись обработке жрецами. Что касается сказок о животных, то следы их существования можно проследить до середины второго тысячелетия до н. э. Однако они значительно древнее. Сказка о льве и мышь очень близка аналогичной басне древнегреческого баснописца Эзопа. На русский язык все эти сказки переводятся впервые. Перевод сделан по транскрипции В. Шпигельберга: W. Spiegelberg, *Der Ägyptische Papyrus von Sonnepauge (Der Papyrus der Tierfabeln «Kufi» nach dem Leidener demotischen Papyrus I 384.)* Strassburg, 1917.

ПЕСНЯ АРФИСТА — дошла в двух списках; первый сохранился в папирусе Гаррис 500, на обороте которого переписаны сказки «Хитроумный полководец Джухти» и «Обреченный сын фараона» (см. выше), второй на стене гробницы скульптора фараона Паатенмехба в Саккара, близ Мемфиса. Оба списка датируются XIV в. до н. э. Сама песня создана скорее всего в XXI в. до н. э. Однако, по мнению некоторых ученых, ее следует отнести к XVI в. до н. э. Перевод сделан по изданию: M. Lichtheim, *The Song of the Harpers*, *Journal of the Near Eastern Studies*, 1945, № 3.

БЕСЕДА РАЗОЧАРОВАННОГО СО СВОЕЙ ДУШОЙ — папирус времени XII династии, хранящийся в Берлинском музее. Писец вторично использовал папирус, сшив прежний текст. Рукопись на основании данных палеографии датируется концом XX — началом XIX в. до н. э. Однако само произведение, по-видимому, возникло раньше — в период распада Египта после конца Древнего Царства,

то есть около XXII—XXI вв. до н. э. Начало утрачено и восполнено по смыслу переводчиками. Перевод сделан по изданию: A. Egmaj, *Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Philosophisch-historische Klasse, Berlin, 1896.*

ПРОРОЧЕСТВО НОФЕРТИ — обнаружено и впервые опубликовано В. С. Голенищевым вместе с другими текстами Эрмитажного папируса № 1116 В. Он датируется второй половиной правления фараона XVII династии Тутмоса III (ок. 1500 г. до н. э.), хотя само пророчество примерно на четыре столетия древнее. Хранившиеся в различных музеях две таблички и три остракона, относящиеся также к времени Нового Царства, с более или менее значительными отрывками из этого произведения, доказывают его популярность и в более позднюю эпоху. Перевод сделан по изданию: *Les papyrus hiéroglyphiques Nos 1116, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage impérial de St.-Petersbourg. Publ. par W. Golénischeff, St.-Petersbourg, 1913.*

РЕЧЕНИЯ ИПУСЕРА. — Известно только по единственному списку, хранящемуся в Лейденском музее (Нидерланды). Папирус был найден в некрополе Саккара вблизи Мемфиса. Начало и конец отсутствуют, в середине имеются многочисленные лакуны. Судя по письму и грамматическим особенностям, он может быть отнесен к концу эпохи Нового Царства (около 1300 г. до н. э.). Однако язык и орфография указывают на значительно более раннее происхождение этого произведения, возникшего скорее всего еще в эпоху Среднего Царства — около XVIII в. до н. э.

Перевод приведенных в книге отрывков сделан по публикации: A. H. Gardiner, *The admonitions of an égyptian sage from a hieratic papyrus in Leiden, Leipzig, 1909.*

НАСТАВЛЕНИЯ ПИСЦУ. «Поучения Хати, сына Дууфа, своему сыну Пепиу — иератический текст, сохранившийся в двух папирусах Британского музея (Салье II и Анастаси VII) и нескольких остраконах, датируемых временем правления XIX династии (конец XIV—XIII вв. до н. э.). Само поучение восходит еще к эпохе Среднего Царства, однако охотно использовалось для обучения в школах значительно позднее. Текст дошел до нас в так называемых школьных списках, очень небрежных и зачастую безграмотных, что крайне затрудняет перевод некоторых мест. Это же замечание относится и к спискам других наставлений, приводимых ниже. Перевод сделан по единственной до сих пор иероглифической транскрипции иератического текста: G. Maspero, *De genre épistolaire chez les égyptiens de l'époque pharaonique, Paris, 1872.*

Остальные наставления также взяты из тех же «школьных» папирусов собрания Британского музея. Все они точно датированы: «Восхваление участи писца» (папирус Анастаси III) — третьим годом правления фараона Мернептаха, то есть 1248 г. до н. э., «Участь писца беспутного» и «Участь воина» (папирус Анастаси V) — первым годом правления фараона той же династии Сети II, то есть 1231 г. до н. э., «Участь крестьянина» и «Будь писцом» (папирус Салье I) — первым годом правления Мернептаха, то есть 1251 г. до н. э. Последние пять отрывков переведены по иероглифической транскрипции: A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Miscellanies*, Bruxelles, 1935.

СЛАВОСЛОВИЕ НИЛУ. — Наиболее полный текст этого очень распространенного гимна сохранился в тех же «школьных» папирусах Салье II и Анастаси VII (см. примечание к «Наставлениям писцу»), которые взаимно дополняют друг друга. Кроме того, известны еще два папируса, одна табличка и тринадцать остраконов, содержащих фрагменты этого гимна. Один из последних, с довольно значительным отрывком гимна и наиболее ранний по времени, хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Хотя все дошедшие до нас списки датируются концом XIV—XII вв. до н. э., само произведение значительно древнее. Не исключена возможность, что оно возникло еще в конце эпохи Древнего Царства (около XXIV в. до н. э.) и было оформлено в последующую эпоху Среднего Царства (XX—XVIII вв. до н. э.). Текст переведен по иероглифической транскрипции: G. Maspero, *Nutne an Nil*, Le Caire, 1912.

Содержание

Предисловие. И. С. Кацнельсон	5
Потерпевший кораблекрушение	21
История Синухета	27
Красноречивый крестьянин	43
Фараон Хуфу и чародей	59
Хитроумный полководец Джухти	76
Обреченный сын фараона	81
Гиксосский царь Апопи и фараон Секнефра	91
Правда и Крида	96
Два брата	101
Заключенный Унуамона	113
Царь Рамсесит и неуловимый вор	124
Сказания о Сатни-Хемуасе	
Сатни-Хемуас и мунин	128
Сатни-Хемуас и его сын Са-Осирис	147
Сатни-Хемуас и ассирийцы	166
Сказания о фараоне Петубасте	
Борьба за владения бога Амона Фиванского	168
Борьба за дослехи правителя Инари	186
Коршун и кошка	212
Лев и мышь	215
Коршун Зоркий Глаз и коршун Чуткое Ухо	219
Песня арфиста	222
Беседа разочарованного со своей душой	226
Пророчество Неферти	232
Речения Ипусера	237
Наставления писцу	
Поручения Хати, сына Дуауфа, своему сыну Пени	242
Восхваление участя писца	245
Участь писца беспутного	246
Участь крестьянина	246
Участь воина	247
Будь писцом	247
Словословие Нилу	249
Примечания	256

ФАРАОН ХУФУ И ЧАРОДЕН

Редактор Вл. Быков

Художественный редактор Г. Клодт

Технический редактор В. Корникова

Корректор Л. Петрова

■

Сдано в набор 27/VI-1967. Подписано в печать 9/II-1968

Бумага 88×106_{1/16}—8,25 печ. л. = 13,05 усл. стр.

л. 13,73 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 289

Цена 4 р. 93 к.

Госиздат

Москва, Б-44, Ново-Воскресная, 19

■

Типография «Коммунальбудинт

ФАРАОН ХУФУ И ЧАРОДЕН